

опустошитель

[иверсия курутьлы]

#3

анемия

Журнал "Опустошитель"

#3. Анемия

Москва, март 2011

164 стр.

Редакционная коллегия:

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

В оформлении обложки использована работа Валерии Мурысо
(<http://myruso.deviantart.com>).

Номер издан при поддержке Александра Донова (<http://nokunst.com>).

ISSN 2219-5424

Опустошитель, 2011
<http://pustoshit.nokunst.com>

журнал

Опустошитель

#3. Анемия

Dada

Арлекин

Сэмюэль Беккет

Рихард Гюльзенбек

Ника Дуброва

Валерия Кабис

Вадим Климов

Маргарита Кривченко

Станислав Курашев

Алексей Лапшин

Артем Филимонов

Роберт Чалдини

Москва

март 2011

Вступление

Третий номер журнала "Опустошитель" мы решили оставить без вступления. Без вступления, но с посвящением. Тема номера: анемия.

Про анемию известно все. Любого можно спросить об этом явлении, и человек будет говорить часами. Не остановится, пока вы не ударите его по лицу. А возможно, продолжит рассказ и после этого.

Что известно об анемии нам, людям иного склада, персонажам опустошения, le dévastateur? Ровным счетом ничего. Ни до бродушной ахинеи обывателя, ни тревожного лепета пациента, ни сухой фактологии школяра.

Решительная, абсолютная пустота, за переделами которой высоким девичьим голоском распевают кусочки судопроизводственной писанины.

В 1519 году итальянский крестьянин начал процесс против банды кротов-опустошителей. Их адвокату, чрезвычайно красноречивому, удалось доказать, что кроты были молоды и, следовательно, не могли нести ответственности за свои поступки. Кроме того, они были полезны, поскольку питались насекомыми, уничтожавшими урожай. Вместо смертной казни, на которой настаивал истец, суд постановил пожизненно изгнать кротов-опустошителей с полей крестьянина.

Или совершенно другой случай. Интернат для сиамских близнецов, существующий уже несколько десятилетий. Часть выпускников остается в заведении, занимая должности воспитателей, учителей, обслуживающего персонала и даже руководства. Проходит время и в интернате не остается обычных людей, одни сиамские близнецы: от воспитанников до директора (директоров). Близнецы покидают заведение при совершеннолети и оказываются во внешнем мире, населенном странными половинчатыми людьми. Человеческие половинки заполонили все пространство, их даже больше, чем было воспитанников в интернате. Тяжелейший мировоззренческий удар для выпускников.

Очевидно, это не имеет никакого отношения ни к анемии, ни к журналу "Опустошитель". Как гром среди ясного неба, McDonalds в руинах Помпеи, велосипедная цепь в пищеводе - третий номер нашего тревожного издания, март 2101-го года, точнее, 2011-го.

МИКРО

Валерия Кабис

Утром скончалась старушка, лежавшая на грязной постели возле двери. Ночью она звала по имени какую-то девушку, вероятно, свою давно погибшую дочь. Чтобы предсмертная возня не мешала окружающим, на лицо старухи накинута грязная половую тряпку. Немного успокоившись, она прекратила звать девушку и нелепо стонать. Тряпку сбросили. Ее белесые глаза уставились на обшарпанный потолок комнаты и искали в нем зацепку за стремительно ускользающую жизнь. Несмотря на явные признаки подступившей агонии, в слипшийся рот старухи вложили несколько ложек холодной каши и измерили температуру. Измятое белье, покрытое темными пятнами высохших выделений старушки, менять не стали, потому что для человека, готового с минуты на минуту остыть, это абсурдная роскошь. Когда взошло солнце и через мутные стекла показался привычный силуэт дворового голубя, смерть сдавила старушкину грудь. Из коридора набежали любопытные лица, которые выстроились вокруг постели больной словно перед экраном кино. Всем хотелось поскорее увидеть смерть страдальцы, чтобы напоиться благами мгновениями прекращения жизни. Какой-то настырный старик просунул в корявой руке карандаш за щеку старухи и орудовал им будто юнец тростинкой в куче коровьего дерьма. Он сам не знал, зачем он это делает, но неумное любопытство заставляло толкать карандаш все глубже в захлебывающийся смертью рот. Одна слабоумная девочка принесла полуспущенный воздушный шарик и привязала ниточку к холодным пальцам старухи. Наблюдатели

морщились и кривились, но не смели отвести глаз от сухого дергающегося тела. Кто-то предложил поджечь постель несчастной или выколоть ей глаз. Внезапно с губ старухи сорвался шипящий тихий звук, будто кто-то проколол колесо от велосипеда. Чтобы различить последние слова, к ней придвинулись жадные уши, но старушка более не издала ни звука. Откуда-то приволокли детскую свирель и принялись играть траурную мелодию, чтобы смерть поскорее прогнала нелепо замешкавшуюся в опустевшем теле старухи жизнь. Собравшихся зевая принялась разгонять пышнотелая уборщица, которой было безразлично созерцание чужой смерти, но зато было желание поскорее закончить дела. Увидев дрожащую в агонии старую женщину, уборщица криво улыбнулась похожим на тесто лицом, и зачем-то тыкнула шваброй в грудь умирающей. Через несколько минут настала кульминация: старушка, внезапно присела на постели, красивым девичьим голосом пропела куплет из старой песни, затем обмякла, съехала и упала замертво. Наблюдатели присвистнули и стали недоверчиво щупать покойницу. Когда последний из них убедился в правдивости смерти, они довольные разошлись обсуждать увиденное. Осталась только уборщица, которая огромными руками схватила за края грязной простыни, и завязала ее в узел со старушкой внутри. Очень скоро умершую швырнули на тележку и увезли через длинный темный коридор..

Demons dance alone

Сегодня всю ночь бродили с Локой по сумасшедшему городу. Вокруг вились стаи безглазых бродячих собак, которым мы швыряли куски подтухшего мяса, аккуратно упрятанного в модную женскую сумочку Локи. В благодарность собаки лизали нам ноги, иногда пробуя их на зуб, но, видимо, гнилое мясо им нравилось больше и вскоре они отбегали, сытые и довольные. Некоторым собакам мы вставляли в пустые глазницы осколки разбитых бутылок, чтобы они мчались через ночь, сверкая изумрудом и освещая темноту уснувшего города.

Иногда Лока подзывала собак к себе и вела их к пустынной дороге, где танцевала вокруг мерцающего желтым светофора, а

собаки кружили возле нее, рыча на изредка проезжающие автомобили.

Около большой стеклянной витрины нам встретила юная девушка, укутанная в темную одежду. Она катила перед собой детскую коляску, внутри которой сидел крошечный старик. Девушка сказала, что это ее отец, он болен странным недугом, сжимающим его тело с наступлением ночи словно пружину. Уменьшенный старик не может уснуть в одиночестве и заставляет свою дочь до рассвета катать его в коляске по городу, пока утреннее солнце на разожмет пружину его тела и не вернет к привычным размерам. Тогда только старик сможет спокойно уснуть и дать отдохнуть измученной дочери. Мы решили прогуляться вместе с этой странной парой до соседнего квартала.

По пути Лока достала старика из коляски и посадила на спину огромной безглазой собаки, которая с преданностью идущей поодаль дочери понесла недомерка, иногда задирая вверх морду и приносясь к необычному наезднику. Когда наши пути разошлись, мы подарили девушке и ее отцу собаку, а коляску сбросили в реку.

В сумке Локи оставалось еще немного тухлого мяса, которое мы затолкали внутрь ее пластмассового тела и направились к дежурному врачу. Станный очкарик, коротавший ночь в приемном покое больницы, с радостью бросился выяснять причину, по которой мы посетили его вахту, но когда узнал, что Лока не может родить уже третью неделю, затрясся мелкой дрожью. Он уложил Локу под софитовый свет ламп операционной и принялся надрезать упругую пластмассовую плоть. Когда из-под разреза показалась бурая масса, врач уцепился за гнилые волокна и стал вытягивать мясо наружу. Лока наигранно корчилась от боли и жалобно молила его поскорее извлечь плод. Обезумевший от усердия очкарик раскрыл тело Локи настолько, что забылся и проснул в ее живот всю свою голову. Он долго копошился внутри моей красавицы и что-то глухо орал, пока из разреза не показалась его измазанная в крови голова, в зубах которой он держал огромный кусок тухлого мяса. Врач хрипло прошепел, что ребенка спасти не удалось и от него остался только бесформенный бурый шар с копошащимися внутри червями. Мы с Локой выразили глубокую скорбь и попросили очкарика похоронить нашего ребенка где-нибудь за зданием больницы, чтобы его не раскопали настырные

кошки. Врач пообещал нам устроить последний приют неродившемуся существу и вернулся к несению вахты. Мы же с Локой посмеялись над странным очкариком и побрели домой.

Высоко на небе мерцали нематыми алмазами холодные звезды, а теплый ветерок теребил наши души порывами, в которых угадывались скрытая под черным покрывалом ночи затаенная тревога и сырость. Мы шли обнявшись через ночь, держа по ветру этой сырости свои носы, словно бегущие без оглядки псы со стекляшками в пустых глазницах, и очень остро чувствовали, как повсюду вокруг нас в эти секунды навсегда выгорают огоньки чьих-то остывающих душ..

One

Полдня провела в большом помещении, наполненном слепыми людьми. Все они чувствовали друг друга и общались понятным им способом. Зачем они собрались в этом помещении и кто они, мне неизвестно. Слепцы шумно гудели, трогали окружающие предметы, тянули друг к другу руки, касались и передавали дрожью кончиков пальцев какую-то важную и понятную только им информацию. Ко мне тоже тянулись пальцы. Это была очерстевшая старушка с уродливым подбородком. Она почуяла меня и стала принюхиваться. Невидящие глаза пристально вглядывались в мое направление. Когда она точно определила мое расположение и попыталась подойти, мимо нас прошла какая-то грустная безглазая девочка. Старушка на мгновение потеряла мой след и повернулась в направлении девочки. Я воспользовалась мгновением и спряталась за толстую мраморную колонну. Из-за нее я продолжала смотреть на старушку, которая сгорбилась и как собака шла по моим следам, что-то злобно нашептывая. Мне стало понятно, что в этом помещении, среди сотен людей, я одна обладаю зрением и что все эти слепцы враждебны ко мне. Едва не выдав себя, я дотронулась до старичка в уютном камзоле, и он заревел от прикосновения, распознав во мне зрячую. Я дотронулась до него неправильно и он понял, что я чужая так же просто, как понимает это любой человек, к которому обращаются на чужом языке. Мне сделалось страшно. Повсюду бродили слепцы и лавировать между ними было очень трудно.

В центре помещения стоял большой стол, с которого слепцы брали куски кровоточащего мяса и пожирали его. Поодаль от стола возвышался огромный трон, в котором сидела девушка средних лет, обнаженная и с завязанными глазами. Слепцы, обжираясь сырым мясом, пьянели и начинали бесноваться. Они вступали в отвратные оргии, видеть которые было мучительно. Повсюду шевелились их разбухшие тела, некоторые испражнялись тут же, ничего не стесняясь.

Выделялась гигантская женщина, с бородавкой на губах, которая шевелилась, будто под кожей ее губ извивается налитый кровью червь. Создавалась видимость того, что она беззучно что-то говорит. Глаза ее были кристально белые, лишенные цвета. Эта женщина вдруг достала нож, которым раскалывают лед и подняла его над собой. Все слепые мгновенно затихли и образовали вокруг трона с девушкой плотный круг. В его центр вошла женщина с бородавкой на губах и подала окружающим какой-то знак. Сразу началось волнение, незрячие люди что-то завопили наперебой. К трону подошли два полупрозрачных юноши и сняли с глаз девушки повязку. Она сверкнула своими темными глазами и испуганно вжалась в трон. Слепцы закачались в едином трансе, бубня какие-то заклинания. Вдруг женщина с ножом бросилась к девушке и вонзила в правый глаз нож для колки льда. Девушка задергалась в конвульсиях, из глазницы заструилась кровь. Слепцы заревели от удовольствия, требуя продолжения. Второй глаз женщина выдавила пальцами, после чего подняла его и провела через пространство, будто показывая ему новую жизнь. Девушка на троне потеряла сознание, ее тело накрыли платком, а опустевшие глазницы начали насиловать два полупрозрачных юноши.

Я наблюдала за странным ритуалом из угла помещения, боясь пошевелиться и выдать себя.

Вскоре после ослепления девушки люди начали вновь свою вакханалию. Я присела на пол и забилась в угол, не желая смотреть на их оргию. Они чувствовали мой взгляд, если я засматривалась на них и начинали искать меня, принюхиваться. Так продолжалось долго, пока я не очнулась от того, что мою руку кто-то держал. Это была маленькая девочка, лет пяти. Она стояла и смотрела на меня, держа за запястье. Я испугалась и хотела отбросить ее, чтобы убежать, но девочка вдруг прижалась ко мне и шепотом сказала, что мне больше нечего бояться, ведь я уже не-

зряча. Не веря ее словам, я нащупала свои глаза, они были на месте и они видели. Девочка покачала головой, давая понять ошибочность моих ощущений и убежала вглубь хаотичной толпы. Только когда она исчезла пришло понимание, что этой девочкой была я сама. Меж тем я замешкалась, чем выдала себя. Зловонный старик учуял меня и крепко схватил за руку. Второй свободной рукой он шарил по моему лицу, пытаясь нащупать глаза. Я укусила его и бросилась к двери. Старик учинил погоню. Спасение пришло от девочки, то есть, от меня самой, только маленькой и без глаз. Она показала мне дыру под паркетом, через которую я выползла из помещения. Было темно и мне казалось, что я все-таки потеряла в этом хаосе свои глаза. Когда вдалеке заблестел отсвет, я пожирала его глазами, словно едва обрела умение видеть, после многих тысяч лет темноты..

Milk of Amnesia

Лариса считала себя человеком отмеченным. С детства ей казалось, что судьба ее складывается по четкому сценарию и умрет она не по своему желанию или трагическому случаю, а по чьему-то внезапному и настойчивому повелению. Сопrotивляться неведомой силе Лариса не решалась и потому плыла послушно по направлению, указываемому невидимым хозяином ее судьбы.

В юности она иногда умудрялась обмануть высшую силу, закрыв ей глаза своими умопомешательствами и припадками, в которых она теряла себя как личность и была недоступна ни для кого, кроме безумной стихии, бушевавшей в ее аккуратной головке. Приходя в себя она снова становилась послушной и тихой, как цветок на подоконнике. Не противясь судьбе, Лариса была дважды изнасилована отчимом, который очень ценил ее податливость и необъяснимую покорность. Не считая, что ее тело принадлежит ей самой, Лариса отнеслась к варварскому акту с приветливым пониманием, мол, и сама бы себя понасиловала, да чья-то высшая воля не велит. Породившиеся от странного совокупления дети не очень беспокоили Ларису. Она не воспринимала выпавших из-под юбки детей частичками своей плоти. Напротив, ей мнилось, что это какие-то неведомые звезды из черного ночного неба, которые невесть как попали в нее и, отделившись, глупо

светят своим тусклым светом, заслоняя собой ее привычную покорность высшей воле. Дети, впрочем, не прижились. Один помер, обварив себя кипящим вареньем, второй забился в какую-то щель между шкафами в кладовке, и там задохнулся. Пауки быстро свили ему похоронное покрывало, а набежавшие крысы растащили большую часть малыша на сочные сырые кусочки. Остатки ребенка засохли в щели и скоро перестали о себе напоминать. Окончательно интерес к ним потеряли даже пауки и прочие насекомые. Что же касается первого ребенка, то когда его покрывала густым малиновым вареньем голова остыла и сладкая глазурь отвердела, к нему несколько раз подбегали полудомашние собаки, с удовольствием облизывая человечину, упрятанную в кармель. Псы вообще не понятно откуда появлялись в квартире и неизвестно куда исчезали. Иногда казалось, что это даже не псы, а черные тени каких-то зверей, которые странно отбрасывают в этот мир их потусторонние хозяева, находясь за пределами материального понимания. Лариса об утрате детей не тужила, она даже не могла точно сказать, какого они были пола при жизни. Отчим, что странно, огорчился утрате своего материализовавшегося греха, задумав при случае вновь насилловать приемную дочь. Потирая свой бугрящийся член через отвисшие тренировочные, он частенько подглядывал в замочную скважину за Ларисой, поджидая удобный случай для повторения насилия.

Лариса при этом замечала странное шуршание за дверью и чувствовала тяжелое, наполненное гниlostными парами, дыхание, но не придавала этому никакого значения, поскольку противиться судьбе, пусть даже такой неприглядной и смрадно выскрывающей из провисших штанов, чтобы пробурить в ней еще один виток смиренной покорности, Лариса не смела. Со временем, когда отчим повадился открыто владеть ее телом, она вообще отстранилась от ощущений самой себя. Отчим пыхтел и тупо тыкался в ее разоренный низ, а она смотрела в мутное окно и по чему-то считала себя апельсином, с которого срезают цедру.

Однажды отчим умер и Лариса несколько дней спала рядом с его разбухающим и наполняющимся гнилью телом. Она даже укрывала его и игриво щекотала мертвый член, вглядываясь в него как в прогнивший водопроводный кран, из которого вместо чистой стерильной воды льется мутная ржавая жижа. Чтобы не огорчать высшую волю, Лариса пару раз переворачивала буль-

кающий, раздувшийся как дирижабль труп, и подлезала под него, пытаясь изнасиловать саму себя стремительно мертвеющей плотью. Когда отчим окончательно разложился, Лариса отщипнула кусочек зловонной материи и, продев через него нитку, надела его себе на шею. Это был ее талисман, который своей мертвостью, повисшей на ее живой, но безвольной шее, олицетворял всю ее жизнь, которая также висела на невидимой нитке, за которую Ларису незримая сила тянула сквозь годы.

Умерла Лариса странно. Вообразив себя однажды на заводе частью огромного механизма, выстукивающего миллионами шестерн бесконечность, она пожелала встроить себя в его закольцованное совершенство и прыгнула в случайно не закрытый машинистом отсек. Огромные валы и цепи мгновенно ухватили ее кукольное тело и растащили на тысячу разноцветных кусков. Странная нить, через всю жизнь протаскившая Ларису, оборвалась, будто и не было ее. Последней мыслью распавшейся на куски женщины было недоумение от того, что окончивший жизнь поступок был совершен не по воле неведомой силы, а по странному и глупому желанию самой Ларисы..

Midnight Sun for Lying Lidya

Лидия мне часто снится. Эта покойница является в мои сны в ослепительно белых одеждах и присаживается подле моей постели. Смотрит на меня долгие мгновения, затем берет руку в бесплотные ладони и долго всматривается в линию смерти. По ее мраморному лицу я вижу, что Лидия знает какую-то тайну, но каменная тяжесть мешает ее губам произнести слова. Иногда она приходит не одна, а с мертвым ребенком, которого родители усыпили много лет назад вместе с заболевшей раком кошкой. Отчаявшись бороться со смертью, безумно любившие своего питомца мужчина и женщина, решились на последний шаг. Они вкололи пять миллилитров прозрачной жидкости в дряблые мышцы животного и двадцать миллилитров в вену своей дочери. Поверженная раком кошка была столь дорога для них, что в знак бесконечной преданности и несогласия с несправедливостью, они решили отправить в объятия смерти вместе с кошкой маленькую девочку. Когда в глазах старого животного и маленького челове-

ка заблестело стекло, супруги поместили два трупа в коробку и отвезли ее к берегу реки. Содрогаясь от горя, они совопились на холодном ноябрьском песке, как бы опровергая полномочия смерти, и со слезами на глазах пустили коробку по воде. Покачиваясь, картонное пристанище несло скованные холодом трупы за пределы города. К середине ночи картон набух, размяк, и под тяжестью груза ушел на дно. Холодная глубина ласково упокоила два странно-связанных тела и предсмертный оскал старой кошки чуть смягчился. Ночь, проведенная под ледяным покрывалом была чудесна. Поверх прозрачной толщи виднелись мерцающие звезды на бесконечно черном небе. Свет самой яркой звезды проникал на дно реки и освещал восковое лицо уснувшей девочки, которая бессмысленно и в то же время удивленно вглядывалась в открывшееся с приходом смерти пространство. Никто наверняка не знает, сколько мертвых глаз одновременно смотрит из глубины на поверхность.

В те ночи, когда Лидия приходит вместе с девочкой, они ничего не делают и до утра просто молча смотрят в мои закрытые веки. Открывая среди ночи глаза, я натываюсь на их взгляды, в которых течет мутным потоком скопление звезд и где нет места воспоминаниям. С приближением утра Лидия медленно встает, берет за руку девочку и вместе они пятятся от моей постели, теряясь в дыму полупрозрачной занавески, развеваемой предутренним ветром.

Обычно я не думаю о своих ночных гостях и едва мою спальню заполнит солнечный свет, я забываю о молчаливой паре. Лишь иногда мысли о Лидии снежным вихрем пронесутся в голове и выпадут безмолвным легким снегом. При жизни эта женщина мне была мало знакома. Я вспоминаю лишь пару случайных встреч недалеко от моего дома. Лидия была очень бледна и измучена, казалось, что она едва передвигает ноги от слабости. Как позже выяснилось, эта слабость была вызвана большой потерей крови, которую Лидия щедро отбирала у своего тела и влила в изорванное платье. Она старалась оживить того, кому принадлежало это платье. Срезав несколько больших лоскутов кожи, волос и ногтей, женщина перемешала свою плоть с материалом платья, и облила все это кровью. Ей верилось в живительную силу своих кровяных телец больше, чем в неодолимую мощь небытия и смерти. Изнемогая от потери крови, она свернулась на полу

как эмбрион, прижав к животу пропитанную кровью бурую массу. Вздрагивая в агонии, ей чудилось, что из глубины набухшей кровью тряпки идет ответное движение и это означает новую жизнь. Когда ее тело остыло, пришли люди и с отвращением погрузили его в черный пакет. Скомканное красное платье кто-то носком ботинка также пихнул в пакет, после чего тело было предано огню.

Закрывая глаза я натягиваю на себя одеяло. Мне кажется, что я вижу как тонет коробка с девочкой и яркие звезды подмигивают, обещая вечность. А в коридоре лежит, поджав ноги к животу, Лидия, бережно согревающая уходящим из тела теплом красное платье. Едва накинув на себя зыбкую ткань сна, я открываю глаза, уже не понимая, по какую сторону век реальность. Рядом со мной уже стоят Лидия и девочка. Они держат друг друга за руки и смотрят на меня. Не сопротивляясь сну, я улыбаюсь им и уношусь в черную мякоть бархатистых глубин..

Станислав Курашев Сахарница из синей пластмассы

И когда мимо бежал маленький Ежик, то злобный Хомяк говорил:

- Мама, мама, а можно я укушу это чмо?

А мама вздыхала, гладила его и говорила:

- Ох, ты, горе мое, горе, какое же ты горе выросло у меня...

А мама Ежика наставляла ребенка:

- Ты лучше не бегай там, где нора Хомяков, у них такой злобный малыш, он тебя обязательно укусит, а если что, то сразу прижимай ушки и иголками ему прямо в хобот...

Но Ежик был немного глупый или, как бы это сказать-то, наивный что ли, и он говорил Хомяку:

- Давай, может быть, подружмся лучше, а?

На что Хомяк отвечал с ненавистью:

- Подружмся... как же... как же... нет уж... нет уж...

А еще в лесу жила Белка, у которой не было мамы, и Соболев, который всех ненавидел, ну, может быть, только кроме Белки, а

еще там жил Пингвин, у которого вообще никого не было, и он не знал, кто он такой и целыми днями болтался по лесу, надоедая зверям, которые все были заняты своими правильными делами, которые делали и их деды, и будут делать их внуки, вопросом - кто я такой?

Добрая Ежиха говорила ему:

- Я не знаю, милый, все звери как звери, один ты не поймешь кто...

А насмешливый Заяц говорил ему в шутку:

- Я тебе сейчас нос откушу... - и громко щелкал зубами. Пингвин каждый раз ужасно пугался, а Заяц довольный убежал. Пингвин смотрел ему вслед и машинально бормотал:

- Ой, Заинька, хвостик серенький, ножки тонкие кривые... - и также машинально смотрел вниз на свои ноги и думал, - да нет, я конечно не Заяц, Бог миловал, но я ведь все-таки кто-то, вот только кто?

А еще в лесу жила Нежная Королева, и она знала, кто такой Пингвин и сказала бы ему, если б он спросил, но он не решался подойти к ней.

- Она такая крас-сивая... - думал он, - а я вообще неизвестно кто...

И Нежная Королева шла утром по лесу, мельком думая, что «нужный» рифмуется - с «ненужный», а «любимая» - с «нелюбимая», одуванчикам холодно, ах, ты, тусклое солнце, я помню тебя, когда ты было еще горячим, здравствуй дуб, хочешь я поцелую твою кожу своими нежными губами, скоро будет месяц по имени листопад, и так далее, и так далее, и больше всего на свете она любила Ежиков... У нее была сестра, которую звали Снежная Королева, она жила далеко-далеко на севере, и у нее был мальчик по имени Кай, но впрочем я, кажется, об этом уже писал...

И когда она встречала Ежика, то он говорил ей:

- Ах, Нежная Королева, сделай так, чтобы Хомяк не кусал меня... А та целовала его в мордочку, осторожно гладила его иголочки, напевая песенку, придуманную тут же, на ходу.

А еще она часто сидела на бревне, которое лежало на берегу реки, как раз у того самого места, куда течение прибывало иногда бутылки из-под самого дешевого портвейна. И тогда она подходила к воде, подтягивала веткой ивы бутылку поближе, чтобы ее

можно было достать рукой. Бутылка обычно была заткнута пробкой, и обычно в ней лежала записка...

Записки эти были самыми разными и ужасно ее смешили, но иногда ей становилось от них грустно.

В одной записке было написано: «Я вас очень и очень и очень люблю...»

А в другой: «На гадальных картах твоих - квиты...»

А в третьей: «За решеткою оконной - в море тонет полуостров...»

А в четвертой: «Моя доченька - Абракадабра, мой сыночек - Любовь-До-Гроба...»

А в пятой: «Засыпаешь на слове - подагра, да будильник звенит - глаукома...»

И так далее, и так далее, и ей было так странно, что кто-то где-то бросает эти бутылки, совсем не зная, куда они попадут и прочтет ли кто-нибудь то, что в них. И она подолгу сидела на бревне, разглядывая очередную записку, словно бы на ней, помимо написанного, могли проступить вдруг другие, невидимые пока что знаки, и даже нюхала бумагу, но та всегда пахла одинаково - портвейном и табаком...

И она шла домой, думая, что «луна» - рифмуется с «одна», а «звезды» - с «поздно», надо зажечь сегодня побольше свеч, а если бы тот странный человек, который пишет все эти записки, вдруг очутился бы здесь и сказал бы мне шепотом на ухо: «Я вас очень и очень, и очень люблю», - то что бы я почувствовала?

У человека были чер-рные волосы, немножко больные глаза, и он иногда спрашивал у прохожих - не видели ли они девушку, у которой глаза цвета этой сахарницы, и показывал им сахарницу из синей пластмассы, у которой волосы цвета Красного Гиганта за миллион световых лет отсюда, и показывал им потертую, выцветшую страницу, вырванную из журнала «Знание - сила» № 8 за 1983 год, у которой голос звенит так, как звенят медные колокольчики с двойными, изогнутыми язычками, и доставал из кармана колокольчики, и они тихо и грустно позвякивали, но все прохожие отвечали:

- Нет, амиго, как жаль, как жаль, но мы никогда не встречали такую сеньора, ни сейчас, ни раньше, никогда в жизни...

И я пишу на замерзшем стекле троллейбуса жемчужным выступом кольца - ох, люди добрые, да как бы мне придумать такую сказку, да у которой не было бы несчастливой конца...

Господи, у меня дома, на кухне стол-лько всяких предметов, на стене часы, которые всегда показывают неправильное время...

Люди планеты Земля, где вы?

А тот человек с чёр-рными волосами работал в одном баре, забыл на какой улице, под названием «На Бейкер-стрит», у него там было много профессий, и одна из них была - Голос Собаки Баскервилей.

На стене бара висело то самое письмо, написанное сестрой Стэплтона, которое этот человек сделал, наклеивая буквы, вырезанные из «Вечернего Екатеринбурга» и так как, что в «Тайме», что в «Вечернем Екатеринбурге» слова «торфяных болот» встречаются одинаково редко, то их снова, более чем через сто лет пришлось писать от руки.

И минут за десять до наступления полуночи в баре обычно начинали говорить приглушенными голосами, и в прокуренном воздухе отчетливо проступало зло, а он сидел в комнатке за стойкой бара, как всегда пьяный, с бутылкой портвейна в руке, и у него тяжело и привычно болело сердце, лицо было измученным восковым слепком, и когда часы били полночь, то он страшно выл и кричал, и в этом крике были только ужас, отчаяние, страх и тоска.

- Ну, вы знаете, болото, оседая, иногда издает странные звуки...

- Нет, нет, нет, это был голос живого существа...

И серым утром он шел домой, еще пьяный, дыхание было тяжелым, неровным, и он по привычке что-то бормотал вслух, и когда он доходил до реки, то злоцветы, растущие на берегу, вцеплялись в его пальто и брюки своими железными шипами, а он, приглушенно матерясь, бросал в темную, грязную воду бутылку, заткнутую пробкой, и в ней лежала записка...

А Нежная Королева думала, почему ночью все всегда сводится только к темноте, и некоторые птицы улетают на север, а другие - на юг, а я никуда не улетаю, и уже, наверное, не улечу...

И она говорила:

- Ты такой наивный, Ежик, совсем глупый, но такой хорошенький, слав-ный... - И ее голос звенел как звенят медные колокольчики с двойными, изогнутыми язычками...

А в последней записке, найденной Нежной Королевой в бутылке, которую принесло к берегу течение реки, было написано: «До свидания, люди планеты Земля, до свидания, до свидания...»

А на обратной стороне тетрадного листка в клеточку было написано вот что: «Прощайте, люди планеты Земля, прощайте, прощайте. Прощайте».

И после этого больше уже бутылок не было.

А ночью, за окном, долго шел тусклый, спокойный дождь, и в доме Нежной Королевы горело много-много восковых свеч, а утром, когда она спала, наступил месяц под названием листопад.

07.02.2002

Арлекин Жир

Я стараюсь не задерживать взгляд на предметах. Просыпаясь в грязной постели, откидывая в сторону засаленный пододеяльник, я спускаю ноги с кровати и нашариваю хрустящие тапочки. Я шаркаю по полу, разбрасывая катышки пыли. Грязь повсюду, грязь затянула сантиметровым слоем, она набирает вес и захватывает новые территории. Жирная грязь обволакивает поверхности, размножаясь подобно кроликам Фибоначчи: каждая пара кроликов порождает ещё две пары на протяжении жизни, а затем погибает. Каждая клетка жира умножает количество грязи перед тем, как быть съеденной когда-то такими тощими крысами.

Крысы шуршат и чавкают за стенкой, грызут что-то. Их возня слышится то там, то здесь над головой, они выедают потолок, строя гнёзда для вывода маленьких крысёнышей, чтобы вскоре обрушиться мне на голову шквалом вопящих, маленьких комочков жира, обожрать мясо с моих тонких костей и уютно заснуть меж потоков спинномозговой жидкости.

Иногда, по ночам крысоловка резко щёлкает – очередная

тварь с переломанным хребтом дёргается в конвульсиях, напрягая острый, как шило хвост до тех пор, пока ядовитая душа не испарится и не войдёт в мои ноздри. Я убил уже много крыс, их смрадные души летали по комнате, и я задерживал дыхание сколько мог, до последнего держал тухлый воздух внутри...

Жир множится, растёт, как раковая опухоль чистоты. Я пробовал драить, использовал порошки. Жир маневрировал, проникал мне под ногти. Пока я сплю, грязь накатывает волнами, словно сальный прибор, густая, неэластичная масса прессованной пыли и жира подступает ко мне всё ближе. Когда-нибудь я проснусь, и пойму, что заключён в жировой параллелепипед.

Я искуплю свою вину, утонув в грязи.

Когда-то я был окружён близкими людьми, поддерживал внешнюю и внутреннюю чистоту ради них, ради них просыпался, в составе семимиллиардной массовки выходил на сцену и отыгрывал очередной эпизодический экспромт. Уехав на край света, в центр затерянной Гипербореи, я не прекратил играть, и проиграл всё.

Я заигрался.

Одним я перестал быть интересен, другим я стал противен, третьи опротивели мне.

Вдыхая затхлый воздух, ворочаясь в своей берлоге и разгоняя криком жирных мух, я анализирую: вся моя жизнь – четвертьвековой разгон, полугодовая инерция, торможение и остановка. Я остановился, потому что потерял ориентиры, потому что исчезли причины двигаться. Я остановился, и зарастаю грязью. У меня особая фобия – я не выношу мусор. Категорически не приемлю. Я отрицаю мусор. Я отказываюсь в него верить. Я настолько продвинулся в своей ультимативности, что перестал видеть грязь вокруг себя. Я зарастаю дерьмом и жиром этого мира.

Я бросил всё и уехал, когда понял, что моя жизнь теряет смысл. Тогда я ещё не имел представления о Чистоте. Я надеялся вывернуть из тупиковой колеи, думал, найду Дао.

Я вывернул, я нашёл. Сбросив оковы повседневности, я увидел Мой Мир во всей красе. Я увидел грязь и безнадёгу, невежество, боль и трепет. Пустоту. Одиночество. Жир.

Жир, плавающий в моих зрачках, жир, ползущий по моему горлу к глотке. Окружающую меня грязь.

У меня есть дом, в котором я заперся от мира, дом, пол-

проза

Артем Филимонов Жертва любви

ный грязи, которая растёт из моей апатии.

Жирный чайник, жирная плита, жирные кружки, жирные вилки и ложки, жирные ножки стула, жирный стол, жирные ножи, жирный пол, жирные волосы. Жирные крысы, которых я иногда мельком замечаю, подняв покрытые жиром веки. Жир безысходности налип на мои ресницы, налип на мой язык, налип на слизистую оболочку моих глаз. Сковал мои движения.

Я шаркаю к двери, брезгливо касаюсь покрытой жиром ручки.

Только здесь, в этом королевстве маслянистой грязи, на меня снизошло помутнение, и сквозь призму белёсого жира я наблюдал выползание нечистот из щелей в полу и трещин в стенах. Это древнее, заскорузлое зло... Оно затаилось на поверхности вещей, чтобы медленно ползти к моей кровати ночью.

Справившись с отвращением, я поворачиваю жирную дверную ручку, от которой исходит колющий холод снежной ночи. Сейчас, пока грязь не дотянулась до меня, есть шанс уйти, сбежать из этой вонючей норы, покинуть границы ложной, бессмысленной жизни, наполненной обманчивым блеском – блеском жира, в который затянута всё. Я задыхаюсь в кожухе неотмываемой плоти; ледяной, звонкий воздух прочистит мои поры и освободит от этого кошмара.

Распахнув полусгнившую дверь, я выхожу в белое, и меня обжигает морозный воздух. А сзади, из дома, из моего прошлого, из моей жизни еле слышно доносятся до меня мерзкие квакающие стенания злобного жира, который так и не смог заставить жить ещё одного человека.

Дрочицкий жил практически совсем один, и кроме довольно старого белого холодильника у него не было ровным счетом никого. Однако, Дрочицкий одиноким себя не считал и холодильник называл своим лучшим другом.

Вообще-то если говорить открыто, это была больше, чем дружба. Не знаю уж, что вы там себе подумали, но это был самый, что ни на есть, настоящий симбиоз: Дрочицкий кормил холодильник, а холодильник кормил Дрочицкого. Кроме того, холодильник служил Дрочицкому мебелью, ибо в доме кроме него ничего не имелось. В минуты печали он залезал туда, надев чёрную меховую ушанку и, посидев часок-другой, выглядывал в превосходном настроении. По ночам холодильник иногда тарахтел, но это было только приятно, как напоминание, что твой лучший друг и симбиот рядом.

Дрочицкий настолько любил свой холодильник, что каждое утро обнимал его, невольно делая вмятины по причине особенно горячей и пылкой любви. Вмятины не могли оставаться незамеченными, и холодильник из-за этого приходилось обнимать в разных местах, деформируя весь корпус.

Время шло, и вот однажды, выбежав в одних трусах и майке на середину кухни, Дрочицкий увидел нечто: в ходе вечерней обнимательной процедуры, происходившей в полной темноте по причине отсутствия лампочки, Дрочицкий вылепил из своего товарища женщину. Коренастая женская фигура в длинном белом платье стояла, как бы потупив глаза, и ожидая, что же будет дальше; а дальше последовал пламенный поцелуй, и свершилось чудо. Дело в том, что чувства Дрочицкого достигли такого накала, что холодильник ожил. Он глубоко вздохнул и сам поцеловал своего творца в щёку, отчего тот в ужасе отскочил к стене и плюхнулся на пол.

Вскоре все устаканилось. Холодильник влюбилась в Дрочицкого с первого взгляда, он же, разумеется, отвечал ей взаимностью, и все было очень хорошо. Холодильнику дали паспорт, назвали Евой, и весной они поженились. Счастью их не было предела, ибо были они как один человек.

В мае, когда на деревьях уже распустились листья, и гудели сочные мухи, молодожены решили завести ребенка. В квартире появилась мебель - вся, кроме холодильника, вызывающего у Евы ревность. На открытом окне в горшках росли цветы, и ветер плавно покачивал занавески. Дрочицкий, ставший теперь просто Витей, подсел к своей металлической супруге и обнял её за талию, та наклонилась к нему, положив голову на плечо. Потом, сообразив выключить свет, она потянулась к выключателю, торчавшему с Витиной стороны. В это время дверца на её животе незаметно открылась, щелкнув искореженным замком. Когда настала темнота, Ева, не рассчитав своих движений, полетела на пол, увлекая супруга как раз в открытую настежь дверцу. Дверца захлопнулась.

- Вить!... а, Вить!... - позвала Ева, неподвижно лёжа на спине. Её окружала полная тишина, лишь с улицы доносился грохот последнего трамвая.

- Вить, ты где? - спросила она басом.

Витя в это время сидел со сломанной шеей в железном чреве. Ему было тесно, холодно и темно. От невыносимой боли в позвоночнике он издал тихий стон. Тогда его жена все поняла. Дрожащими руками она ощупала себя, а потом села и сошла с ума от горя и обиды. Она встала; шатаясь, вошла в тёмный коридор и повернула в двери ключ. Грохоча стальными ногами, неся в себе парализованного супруга, она вышла на улицу и побрела куда-то. Она шла и пела.

Через два дня Дрочицкий умер от холода и дискомфорта, а его жена, побродив до осени, заржавела и свалилась с моста в мутную речку, где даже пиявки не водились. Мертвый полуразложившийся Витя плыл в своей Еве, ни о чём не думая, и течение его несло из Москвы к морю...

Чесарото

У Николая как-то во рту зачесалось. Приходит он к стоматологам и говорит:

- Здравствуйте, у меня во рту чешется!

А те ему:

- Ну и что же?

- Не знаю, - отвечает Николай, - почешите мне, пожалуйста, во рту.

- Хорошо, - говорят, - раздевайтесь.

- Зачем? - спрашивает Николай.

- Мы вам сейчас во рту чесать будем.

- Как это - раздеваться? Ведь я - женщина, - смущается Коля.

- Ну и что? А мы - дети.

- Где же вы - дети? У вас чёрные бороды, халаты и очки.

- Ну и что? - не унимаются врачи, - зато мы маленькие, шумные и крикливые.

Врачи в самом деле были очень маленькие. Они сидели у Николая на коленках и подлокотниках, непрерывно вертятся, галдя и теребя в различные стоматологические инструменты. Вдруг все разом, как по команде, они воскликнули: "Мы - хлоры!!!" и набросились на открытый николаевский рот, лихорадочно орудуя своими приспособлениями и расталкивая друг дружку. Через полчаса операция была уже окончена. Во рту теперь не чесалось. Тогда Николай купил большой красный шарик и улетел на Луну.

Королева

Танечка нечаянно забеременела. Просто, когда на даче над ней пролетал вертолет, она вытянула руку и показала средний палец. Против обыкновения, вертолет не полетел дальше, а аккуратно опустился и сел возле на бугре. Оттуда вылез обиженный пилот, подошел к Танечке и изнасиловал её, помяв соломенную панаму. Танечка не кричала, а просто дулась и хмурилась и, даже, когда вертолет улетел, стояла и смотрела ему вслед, бездумно мусоля палец.

Итак, вот она беременная сидит на кухне на табуретке и раскачивается, уперев длинную ногу в стол. Что же делать? Ведь

скоро придут родители и всё узнают. Для маскировки Танечка решает собирать цветы. Она берет корзинку, выходит на двор прямо в клумбу и садится на корточки, надвинув на глаза памятную панаму. Она в Москву, так как август и скоро в школу, не смотря на то, что ей уже двадцать лет.

Стоят последние теплые дни и из открытые окна шестнадцатизатжки раздается голос:

- Девушка, прекратите писать! Вздохнуть невозможно! Весь двор зассали, черт бы вас побрал!

Танечка медленно встает, сорвав пару одуванчиков, растущих по второму заходу и гордо подняв голову, говорит так, чтобы слышали все:

- Я не писала. Я цветочки собирала. В корзину.

Она выходит на тротуар и обиженно идёт к подъезду. "Я собирала цветы, но была неправильно понята", - думает она, шагнув в темноту за дверь. В лифте её стошнило. Лифт был большой, поэтому она отошла на другую сторону и села у стенки. Из блевотины под кнопками вдруг начала образовываться старушка в платке высотой с полметра и с невероятно злыми глазами. Когда лифт приехал, и двери открылись, то перепуганная Таня вылетела наружу как ошпаренная и прикинула к открытому окну, глотая свежий воздух. Услышав, что двери закрылись, и лифт начал опускаться, она ещё долго стояла, глядя на вечерний пейзаж нового района; когда же она повернулась, то увидела за фиолетовыми пятнами, поплывшими перед глазами, старушку, смотревшую прямо на нее. От страха Танечка кинула в нее корзиной, которую та сразу схватила, но тут двери лифта открылись, и оттуда вышли родители.

- О, Капитоновна! - радостно воскликнули они, увидев старушку, - надемся, надолго? Проходите! Таня, а ты чего стоишь? Ну-ка!

- Никакая она не Капитоновна, - резко ответила Таня, - я её сама сейчас в лифте выблевала.

- Как это ты её выблевала? - удивился папа, - ведь она сейчас к нам на автобусе приехала. И вообще, что это за тон?! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не смела разговаривать в таком тоне.

- Хамка! - добавила мама, входя в квартиру, пропустив вперед Капитоновну.

- Пэ-пэ-пэ! - сказала Капитоновна, выглядывая из-за маминой юбки.

"Меня стошнило, но я была неправильно понята", - думала Таня, стоя в сумраке и все никак не входя в свою квартиру, - "если человек совершает поступок, то поступок его может расцениваться совсем не так, как хотелось бы, причём очень часто. Пойду-ка я к Кате".

Катя была очень прилежной девочкой и жила внизу на шестом этаже. Дома у нее обитала горилла, которая обычно сидела в ванной, но иногда выползала побродить по квартире. Больше всего горилла любила играть в игрушечную железную дорогу, занимавшую полкомнаты.

Увидев подругу, Катя очень обрадовалась и повела её на кухню пить чай. За окном уже стемнело, когда Таня узналась, что забеременела, и рассказала все.

- Что делать-то, Кат? - спросила она в заключение.

- Погоди. Я сейчас тебе такую таблетку дам!...

Катя полезла в шкаф и извлекла оттуда огромную белую таблетку, которую Танечка проглотила, запив водой из-под крана. Разумеется, она умерла, потому, что таблетка оказалась ядом для гориллы на случай, если та сойдет с ума. Катя схватила Таню и выкинула её из окна, чтобы не пугать бабушку и обезьяну. Когда взошла луна, Таню взяли ёжики и утащили в лес. Там они прислонили её к дереву и сделали своей королевой. Она сидела и думала: "Я съела хорошую таблетку, но была неправильно понята и умерла. Если меня так здорово не понимают, значит, я какая-то особенная, а раз я какая-то особенная, то я, значит, - королева". Скоро наступила осень, пошли дожди. Гнилая Таня сидела под деревом, глядя одним открытым глазом из-под панамы, и никто её так и не нашел.

Муха

Главное, - это не давать мне заснуть. Это все осень. Надо разговаривать, бить меня по щекам, но только не давать мне спать. Ведь я - муха! А как же ещё?! Надо жить на дереве, чтобы понять, что ты - птица, и слушать других птиц, скрупулёзно отлавливая их и рассматривая через лупу. Меня вот птицы всегда оби-

жали, и я прятался от них иногда. Ещё я любил, когда воняет и однажды наложил маме в кастрюлю. Тогда сразу раздался шорох, и она укусила меня за икры, отчего я не смог летать и заикался целую неделю.

Мой сосед по койке постоянно целовал свой будильник, когда просыпался. Он целовал его и вытирал своей майкой. Я в это время лежал на боку, отвернувшись, и пинал его сзади ногой. Впрочем, удар никак не ощущался, поскольку мой сосед был слишком эфемерен. Зато он дурно пах и, не имея тела, походил, скорей, на ГАЗЫ, обладая при этом щетиной и внешностью Брюса Уиллиса.

Но мы отвлекаемся. Не надо давать мне уснуть. Целуйте меня и натирайте полотенцем. Подставляйте под душ и будите. Мне страшно! Няня... Где моя старая няня? О-о-о!... У меня раньше была такая няня! Она ездила на колесиках по дому и что-то нежно говорила. Что - понять не получалось, так как пленку постоянно жевало, и слова её выглядели очень странными и подчас смешными. Мы с папой любили её и часто запускали.

Ещё у моего папы в шкафу в коробке жили люди, и когда у него выдавалось плохое настроение, он их начинал душить. Бледные и молчаливые, так тесно натканые в коробке, что способные только стоять, они поднимали глаза на папу, когда он открывал дверцу шкафа, и смотрели на него с серьезными деловитыми лицами. Внешне они походили на него - такие же строгие серые костюмы и галстуки, на голове - неременная лысина. Они всегда сохраняли спокойствие, но когда папа брал одного из них и сильно сжимал, тот начинал кряхтеть, и лицо его болезненно морщилось и краснело. Лицом эти люди друг от друга ничем не отличались и в этом отношении являли точную копию папы, что некоторым не нравилось.

Ну, вот и всё. Мне пора. В смысле, - я умираю. Осенний сон мухи похож на смерть, и, в сущности, этим все и заканчивается, но я ещё не успел съездить в Париж. Ужасно чешется голова. Я не смущаюсь и не стесняюсь своей смерти, хотя, в общем-то, этот процесс достаточно интимный, чтобы его так афишировать, но мне всё равно. Я погружаюсь в океан безбрежный и бездонный с пресной чистой водой, и не эта ли вода потом течёт из крана после нашей смерти? Пускай растут цветы, а я буду плыть в кро-

мешной темноте, погружаясь всё глубже и глубже в океан смерти, мысленно опыляя их и кусая тебя, мой мальчик.

Приемник

Мухоевич сидел на диване и смотрел телевизор. По телевизору толстая женщина в синем легком платье что-то пела. Мухоевич смотрел на нее и вдруг услышал звуки свирели, которые текли неизвестно откуда, - то ли из шкафа, то ли с потолка. Прислушавшись, он понял, что музыка звучит у него в животе. Перепугавшись, он бросился в соседнюю комнату, где отдыхал недавно приехавший родственник.

В комнате той царил бардак. Окна были занавешены мешковиной, свет не горел, и все предметы в сумраке казались серо-коричневыми. Стояла страшная вонь, которую источали две огромные птичьи ноги родственника, повернутые как раз к двери, в которой мялся Мухоевич. Родственник спал на раскладушке, прикрывшись осенним пальто, и смрадно дышал. Он имел обыкновение спать в шляпе, и голова его поэтому свешивалась сбоку вниз, чтобы шляпа не помялась.

- Лаврентий Валерьянович!.. - позвал Мухоевич.

Родственник зашевелил своими тремя чудовищными когтистыми пальцами, не влезавшими под пальто, высунул язык, лизнул себя в нос и, рыгнув, закрыл рот.

Мухоевич прошёл на кухню. "Надо что-нибудь съесть", - подумал он. После тарелки супа и бутерброда с колбасой музыка стихла, но только на час. Было всего восемь вечера, но Мухоевич пошел спать, и всю ночь ему снились кошмары.

Утром он собрался и пошел сдаваться врачам.

Участковый врач ловко и деловито сорвала у себя с языка бланк, шлепнув им о стол, и выписала какие-то лекарства. В коридоре в кресле сидел только один человек, лицо которого было сделано из грубой шерстяной ткани, а вместо глаз были пришиты две небольшие пуговицы, одну из которых он ковырял - таким же шерстяным пальцем.

- Иду как-то раз зимой по улице... Насморк такой!... Вдруг трогаю лицо, а оно шерстяное. Во дела! - сипел он, - а где здесь ортопед? Он принимает?

- Там, - ответил Мухоевич, куда не показывая. Он сразу развеселился и пошел искать женщин. Свирель в животе играла, но он не обращал на нее никакого внимания.

Мухоевич зашёл в кафе, где в затемненном зале играла мягкая музыка, и подсел к двум девушкам с высокими стаканами. Он расстегнул плащ, и из чрева раздался звук шарманки, играющие очень криво:

*На Киевском вокзале стою я молодой.
Подайте Христа ради червонец золотой.*

Девушки хором произнесли: "Охо-хо!...", закрыли руками рты и, выпучив от смеха глаза, вылетели из-за стола и понеслись по белому заснеженному тротуару.

Мухоевич очень обиделся. Посидев, он пошел к себе домой и залез на крышу. На ноябрьском небе высыпали звезды, и кажется ему, что из-за них выходит полосатый кот и говорит:

- Ну, что, шарманка, все винтики целы?

Мухоевич открывает плащ, и из его живота на небе играет музыка.

- Ты - личный наш повелитель! - шепчет небо, - наш повелитель Бова Король Бомжей рад видеть тебя...

Мухоевич трепещет от восторга и зрит небесные явления, как салюты и синхронное плавание: три тёмные исполинские пловчихи свергаются со своих тумб по краям неба и ныряют в него. Их силуэты за разноцветными огнями плавают в мировом эфире, и сверху падает лист отрывного календаря. Он кружится в воздухе и ложится у ног сидящего Мухоевича. "7 ноября", - читает он. А в это время за горизонтом возникает фигура Венеры в раковине. Она выходит из раковины и, ступая над домами босыми ногами, легко перешагнув здание МГУ, идёт прямо на Мухоевича, глядя ему в глаза. Венера прозрачна. Они смотрят друг на друга. В животе звучит небесный оркестр. Небо закрывается.

Утром на крыше рабочие нашли радиоприемник. Они очень обрадовались, схватили его, и пошли пропивать. Приемник - это, собственно и был Мухоевич. Он всё время таким был. Просто вы не знаете.

Вещь

Рукавицын сидел за столом. Большой механический жук перед ним с шумом приподнял свою заднюю часть, и сзади из-за его откинутой створки выкатился чёрный металлический шарик. На столе лежали бумаги. Рукавицын, утомлённый делами, уже несколько минут сидел и думал о погоде за окном. Моросил дождь. Он вспомнил, как сегодня утром Ксюша взяла его на руки, погладила по лысине и стала запихивать в рот какой-то овощ. Воображаемый рот не открывался, и Ксюша сама всё озвучивала, громко чавкая и подавая реплики. Потом её повели в школу, а Рукавицын занялся своими чертежами. Он взял шарик, извергнутый жуком, и, рассмотрев его, со скучающим видом проглотил, затолкав в дырку на боку. Работать совсем не хотелось. «Ох уж эти дети!», — подумал он и встал из-за стола.

Из включённого приёмника уже на протяжении нескольких часов доносился шум моря. Рукавицын был инженером и разрабатывал одновременно соковыжималку и подъёмный кран. Он прошёл в соседнюю комнату и взял газету. Потом он представил, что по телевизору сейчас тоже передают безбрежные морские просторы, и серые тяжёлые волны, гонимые назойливым ветром, бьются о берег, и так с самого утра сразу после заставки новостей. Ему вдруг сделалось очень приятно, и он с увлечённым видом стал изучать валютный курс, прикидывая себестоимость своей продукции, выраженную в долларах.

— А-а, вот он где! — раздался знакомый голос из прихожей. Хлопнула дверь, и сопровождаемая принесёнными сквозняками Ксюша вбежала в комнату и нависла над Рукавицыным, находящимся в кресле рядом с газетой.

— Пыльный какой! — и он, подлетев сначала к потолку в цепких руках, оказался на тумбе рядом с игрушечным грузовиком.

«Мои чертежи!..» — он в ужасе глядел вслед своей мучительнице, слыша, как мама выкладывает что-то на стол. К счастью, чертежи перенесли в секретер, и Ксюша сказала, что если он будет хорошо себя вести, она расскажет ему на ночь сказку и даже осчастливит земляничным йогуртом. «Что она прицепилась со своей едой!?!», — возмущался Рукавицын в комнате, затопляемой вечерними сумерками, — «Не понимает, что ли, что я пласт-

массовый... тьфу, чёрт! Весь костюм изгадит!». Спустя некоторое время он лежал на подушке и слушал историю о трёх медведях. На тумбочке у кровати горел ночник, и в душе чувствовалось явное облегчение, так как йогурт оказался, видимо, слишком вкусным, чтобы им делиться. Неожиданно сказка прервалась. Заглянула мама, чтобы пожелать спокойной ночи. Когда дверь закрылась, Ксюша захлопнула книгу и уставилась в упор на инженера, положенного с ногами на подушку. Щёки её покрывал лёгкий румянец, и глаза смотрели капризно и немного удручённо.

— Почему ты всё время молчишь? Ты, наверное, у меня дурак. Вот возьму тебя и выкину.

Рукавицын думал о другом. Он уже привык к такому обращению и сейчас вспоминал статью, прочитанную в иностранном журнале и посвящённую как раз соковыжималкам и подъёмным кранам. Тут он почувствовал на себе детские пальцы. Ксюша взяла его в руки и, осторожно ступая босыми ногами, направилась в ванную. «Что-то новенькое», — подумал он, — «Мыть, наверное, будет. Кошмар! С высшим образованием, и такие... сколько ещё терпеть?».

— А теперь открой рот!

В кране шумела вода, и Рукавицын лежал спиной на раковине, придерживаемый рукой. Другая рука что-то искала в маникюрном наборе.

«Зачем инженеру рот? Зачем инженеру рот?..» — повторял то и дело надоедливый голос у него в голове. Тем временем подходящий инструмент, наконец, нашёлся. Это были маленькие и очень острые маникюрные ножницы.

«Блядь, что она делает?!». В глазах его потемнело, и инженеру показалось, что он умирает. Ножницы впились в лицо, расковыривая его под носом и извлекая небольшие сероватые стружки, пока из отверстия не начало сочиться что-то чёрное и вязкое с резким неприятным запахом. Испугавшаяся Ксюша, отложив ножницы, смотрела, как жидкость стала пузыриться и шипеть, а потом послышался тихий писк, и отверстие, как и всё лицо, едва заметно зашевелилось. В теле под рукой ощущалась дрожь и какое-то движение. Писк, иногда переходивший в сип, постепенно превратился в голос, похожий на кошачий, производивший членораздельные гласные звуки, оформившиеся в «э-э-и-

и!», которые постоянно повторялись с нарастающим напряжением.

— Э-э-у!!! — закричал вдруг Рукавицын. Ксюша завизжала и в ужасе кинулась к спящим родителям. Не рассчитав в темноте движений, она ударилась головой о пол и упала без сознания. На крики вышли родители.

Ксюшу с сотрясением мозга увезла «Скорая Помощь», а сломанного Рукавицына папа сложил пополам и посадил на шкаф перед телевизором вместе с игрушками.

— Такую вещь испортила! — сказал он, — Работал бы ещё и работал.

— Нечего было давать, — ответила мама, — А почему у него в паспорте фамилия и инициалы с маленькой буквы?

— Ты лучше подумай о том, что я на работе скажу. Это ведь наш старший сотрудник всё-таки.

Папа надел пальто, и они ушли, забыв выключить телевизор, где по всем каналам теперь показывали только морские волны.

Смерть профессора Пирогова

У профессора Пирогова была одна тайна — он дружил с мальчиком Серёжей, который приходил к нему иногда и приносил конфеты. Серёжа обычно являлся ближе к вечеру с карманами, полными конфет, и они ели их в тишине. Он был неряшлив, на вид лет восьми. Толстое лицо с маленькими пустыми глазами, которые обычно смотрели куда-то в сторону, и светлыми жидкими волосами, всегда одинаково неаккуратными. Когда домой приходили другие жильцы, нарушая их одиночество, он исчезал. Они всегда молчали, когда находились вместе. Что до Пирогова, то он вообще не любил разговаривать и явно не чувствовал себя созданным для общественной жизни, хотя к людям его тянуло. Говорить он, конечно же, умел, и на работе, и в семье говорил подчас много, временами даже получая от этого удовольствие, но всё же речь оставалась для него чем-то мало естественным, как работа, поэтому в Серёжином обществе он отдыхал и чувствовал себя легко и свободно, так как не требовалось ни шутить, ни развлекать, ни, тем более, оказывать знаки внимания и уважения, заводя или поддерживая разговор. Пирогов иногда задумывался,

куда Серёжа деваётся и откуда приходит. Серёжа приходил и приносил конфеты, они их ели, разглаживая фантики, и никто об этом ничего не знал.

Как-то раз из любопытства Пирогов пырнул Серёжу ножом, всадив его под ребро. Серёжа, не шелохнувшись, продолжал стоять, опустив руки. Клетчатая мятая рубашка, пропахшая кислятиной, окрасилась кровью. Серёжа взял конфету и стал её разворачивать. Пока Пирогов вытирал свой нож, кровь остановилась, и пятно с рубашки исчезло. Он сел перед стоящим Серёжей и приподнял рубашку, обнажив живот. Живот походил на автомат с газированной водой, но оказалось, что на самом деле это дробилка для щебня, установленная в подвале. Двое рабочих в халатах совками забрасывали щебень в специальное отверстие, служившее пупком, и дробилка с грохотом его перемалывала. Рабочие что-то говорили друг другу, но расслышать их не удавалось из-за шума. Пирогов опустил рубашку и заправил её в штаны. В этот момент в дверь позвонили, и он пошёл её открывать. В следующий раз всё прошло, как обычно.

Весной Пирогов получил письмо из Владивостока. Писал его старый друг, обвиняя Пирогова в том, что несколько дней назад тот изнасиловал его племянника. К письму прилагалась очень старая чёрно-белая фотография Серёжи с нарисованной в углу чёрной полосой. Сзади фотографию украшала надпись: «Пусть тебе будет всё время стыдно!!!». Удивление вызывало то, что в письме племянник назывался Вольфрамом, а изнасилование произошло во Владивостоке за какими-то гаражами. Старый друг писал, что дружеские узы разорваны навсегда и просил не тревожить извинениями и объяснениями. По прочтении на душе стало тяжело, и к горлу подкатил ком.

Вечером пришёл Серёжа.

— Что же ты?! — сказал ему Пирогов, — Разве я тебя когда-нибудь насиловал? Чего ты молчишь?

— Серёжа, — ответил мальчик. Лицо его приняло странное выражение, будто он хотел заплакать, но не знал, как. Голова втянулась в плечи и стала переворачиваться вокруг своей оси.

— Ну, всё! Хватит! — не выдержал Пирогов. Голова остановилась. Шея теперь росла из затылка, и подбородок смотрел в потолок, — Ты мне надоел. Забирай свои фантики и уходи во Владивосток к своему дяде.

— Серёжа, — ответил Вольфрам. Слово получилось плохо, потому что говорить ему мешала велосипедная цепь, свисавшая вниз из рта.

Обои на стенах окрасились в зелёный, и в шкафу послышался громкий и частый стук. Пирогов снял тапок и запустил им в Вольфрама. Вольфрам сразу же исчез, и в комнате стало тихо. Вот тут-то Пирогов понял, что ничего больше не будет, и стал постепенно сходить с ума. Серёже требовалась замена.

Сначала от штанов стала отрываться пуговица. Он пришивал её обратно, но пуговица всё равно отрывалась, явно стремясь к автономности и обретая её время от времени в труднодоступных местах. Он находил её, клал в рот и тщательно обсасывал, потом выплёвывал в руку и нежно разглядывал, трогая пальцем. Пуговица молча блестела, и он пришивал её обратно к брюкам.

Он пытался приручить птиц, высыпав на подоконник пластмассовый детский конструктор. Поначалу птицы просто клевали его, думая, что это еда, а потом стали собирать из него разные вещи. Первый раз они собрали самолёт, потом, подумав, переделали его в дом и, наконец, сделали грузовик, не оставив ни одной лишней детали. Пирогов сам наблюдал за ними, притаившись у окна. Он заметно изменился, так как перестал следить за собой и на работу стал ходить редко. Тело ветшало, и разум оставлял его. Он понимал, что ничего больше не будет, и пуговица с треском отлетала от его штанов, катясь в укромное место, чтобы забыться в пыли, и ласковая рука тянулась к ней и засовывала её в рот. Птицы улетели. Их сменили другие, которые не умели обращаться с конструктором...

Тапок на его ноге порвался от памяти о Серёже, и ночью в конце июня раздался грохот. Это спящий Пирогов потерял последние крупинки разума. Когда наступило утро, он проснулся и, открыв глаза, очутился в мире хаоса. Тогда он встал, надел тапок и вышел на улицу.

Студенты, которым он преподавал, ни о чём не знали и по случаю несостоявшегося экзамена устроили пьянку, утопив аудиторию в пустых бутылках и прочем мусоре. Сотрудники Пирогова с удивлением спрашивали друг у друга, куда он мог подеваться, и, будучи не в силах ответить, беспомощно разводили руками.

Пирогов стоял в это время на перекрёстке в своём районе и, хватая то и дело мокрую промежность, тыкал пальцем в мили-

ционерера и, пытаясь перекрыть уличное движение, без конца повторял:

— Мальче-эк!.. Мальче-эк!.. Скажи дедушке-э!.. Мальче-эк!..

Невозмутимый милиционер не обращал на него никакого внимания и продолжал махать своим жезлом, управляя городским транспортом. Стояла жара. В спальном районе отцветали каштаны, и тучная дочь Пирогова в цветастом платье и с пакетами, наполненными продуктами, возвращалась из магазина. Увидев отца, она устремилась к нему и, схватив за руку, быстро потащила домой.

— Я не желать! — говорил он, глядя на деревья.

— Папа, я прошу тебя... Боже!.. Какой позор!.. — по лицу дочери катились слёзы, и прохожие оборачивались, бросая на неё сочувственные взгляды.

Дома родные посовещались, и Пирогова увезли в сумасшедший дом. Там он украл крышку от кастрюли, был наказан и вскоре умер от старости.

Лестница

Дервяногов служил лестницей в доме. Служил, служил и устал служить. Обветшал, стал скрипеть и качаться. А когда по нему слон ночью прошёл, так он вообще обвалился. Утром пришли рабочие, взяли Дервяногова и отнесли на пустырь, а вместо него поставили другого Дервяногова, поновей. А тот, прежний, лежит себе на пустыре и думает: «Как бы мне этого нового свергнуть?!». А был он великий и могущественный. Только белый весь, и всегда лежал на боку. Вот встал он как-то раз ночью, надел белую телогрейку, белые ватные штаны и белые валенки и пошёл второго Дервяногова громить. Толстые ноги его не сгибались, и при ходьбе он раскачивался в разные стороны, расставив руки. Лицо его в тот момент выражало свирепость. В подъезде тускло горела лампочка над входом, и новый Дервяногов, глядя куда-то вдаль, блаженно улыбался.

Вдруг раздался страшный грохот. Это ломился первый Дервяногов. Он открыл дверь и обеими руками отломал её, потом, войдя, подошёл к своему собрату и нанёс сокрушительный удар кулаком. Дервяногов треснул. В это время на шум из дверей

повыскакивали люди и стали хватать Дервяногова за руки, чтобы он не портил лестницу, но он их всех раскидал и размазал по стенам, полу и потолку. В довершение всего он схватил Дервяногова, поднял его над головой и, вынеся на улицу, бросил на пустырь. Бедняга поднялся и, с жалобными стонами потирая ушибленный зад, куда-то поковылял. А первый, радостно кряхтя, прицепился, как ему полагается, и стал висеть, и если кто заходил, давил на месте.

Вадим Климов Как хорошо иногда чувствовать, что жить осталось не так долго

Абазур плакал и кричал. Во сне его так больно щипали, что нельзя было терпеть. Однако молодой человек не понимал ни кто, ни за какую часть тела его щипают. Так продолжалось несколько минут, пока он не проснулся. Лицо было мокрым от слез. На краю кровати сидела жена. Она спросила, что случилось.

- Ничего, - ответил Абазур.

Супруги спали в разных комнатах. Вероятно, жена явилась на вопли, которые Абазур издавал во сне. Но что, что ему снилось? Как ни пытался, он так и вспомнил.

Хотя... Кое-что все-таки проступило в памяти.

В превосходном настроении Абазур возвращался от друзей после празднования Нового года. Солнечный, не особо морозный день. Горы белоснежного снега. Абазур, идущий по оживленной улице...

Вдруг он замечает среди прохожих своего отца. Забытое обязательство возвращается бумерангом. Какое теперь число, судорожно вспоминает молодой человек. Третье, четвертое, пятое января?

Он пытается вычислить по дням недели. Тридцать первого была пятница. Затем суббота, понедельник. Продолжить цепочку не удастся: Абазур не знает ни сегодняшнего числа, ни дня недели.

В толпе снова мелькает лицо отца.

У Абажура пересохло в горле. Как же так, думает он, ведь обещал первого января навестить родителей. Посидеть за праздничным столом, обменяться пожеланиями, подарками. А теперь отец ищет его на улице, словно пропустившего обед мальчишку.

Абажур вскакивает на подножку подъехавшего автобуса. Лишь бы избежать пугающей встречи. Он внимательно наблюдает в окно, боясь, как бы отец тоже не зашел в автобус. Однако среди прохожих его уже не видно.

Через несколько секунд к молодому человеку подсаживается девушка. Абажур ее совершенно не помнит, будто в первый раз видит. Тем не менее, девушка ведет себя так, словно они давно знакомы. Она так настырна, что Абажуру приходится отодвигаться. Он отодвигается раз, затем еще один – и вот уже Абажур так вдавлен в стекло, что еще немного и оно расколется.

Что, собственно, девушке нужно?

Перед глазами Абажура снова возникает отец. Он заходит в помещение. Родственников разделяет один лишь столик (действие происходит уже в кафе). Абажур отворачивается, пытаясь по возможности прикрыть профиль рукой. Это помогает. Отец проходит мимо, не узнав его.

Кафе переполнено, все столики заняты. К тому же, это огромное пространство. Не так просто найти среди присутствующих нужного человека, даже если это ваш сын.

Подсевшая девушка все так же бесцеремонно надоедает Абажуру. Тот делает ей знак, чтобы на время замолчала – важный момент. Девушка ничего не понимает, однако подчиняется.

Абажур украдкой наблюдает за отцом, который перемещается между столами, останавливается у стойки и что-то спрашивает у бармена. Их разговор почти не слышен, однако фрагмент последней фразы до Абажура все же долетает.

- Может быть так, что вы анонсировали мероприятие, а... - спрашивает отец, на что бармен отрицательно мотает головой.

Отец возвращается к выходу. Абажур спешно прячет лицо. Но он не знает, с какой стороны пройдет отец – как лучше расположить голову.

Отец проходит, едва не задев сына. Тот сидит, втянув голову в плечи, закрыв лицо обеими руками, почти трясаясь от нервного напряжения.

Со лба Абажура течет пот. Отец небыстро, и все более замедляясь, продолжает движение к выходу. В то время как сын уже догадался, что его мучитель никогда не покинет кафе, двигаясь все медленнее и медленнее.

- Абажур! Абажур! – девушка трясет его за плечо.

Молодой человек, будто в кошмарном сне, наблюдает, как отец неторопливо оборачивается и еще более неторопливо его лицо искажает гримаса узнавания.

Все кончено! Его опознали!

Абажур вцепляется в свое лицо. Ногти раздирают кожу, пальцы проваливаются внутрь, копошатся в чем-то мягком, влажном, омерзительно теплом. Абажур не чувствует боли и это больше всего пугает молодого человека.

Абажур начинает вопить.

И вместе с ним вопит его отец.

Наконец Абажур просыпается.

*

Обнаженный отец сидит на полу в центре комнаты. Абажур лежит в кровати под одеялом, рядом устроилась Вера, его подруга. Она интересуется, что снилось мужу, он кричал во сне.

- Какая-то ерунда, - говорит Абажур. – Вокзал, снующие туда-сюда люди с чемоданами. Посреди огромного зала бассейн. Из воды торчат тонкие трубки с круглыми металлическими шляпками такого размера, чтобы на них мог поместиться гепард. Но не больше. Гепард прыгает с одной подставки на другую. Не торопясь, с явной неохотой. В воду гепард не спускается, поэтому из бассейна ему не выбраться: расстояние до краев слишком велико. Но среди крохотных шляпок есть одна чуть большего размера. Туда забрасывают пищу, гепард может даже лечь на ней. Однако он этого не делает, потому что большая шляпка измазана белым сладким кремом из пирожных, в котором застряли светлые крошки. Животное слишком чистолюбиво, чтобы лежать в таком месте. Поэтому гепард без конца прыгает с одной подставки на другую, не в силах подолгу удерживать равновесие. Никто на вокзале не проявляет к нему никакого интереса.

- Но что здесь страшного? – удивляется Вера. – Ты так кричал, что напугал меня. Я проснулась, пришла сюда, а ты расска-

зывает про какого-то гепарда и крошки от пирожных. Это же просто чушь! Чушь!

Вера рывком поднимается с кровати и пересаживается в кресло, на столике ее уже ждет чашка дымящегося кофе. Абажур чувствует его запах, он удивлен такой предусмотрительностью не меньше, чем Вера рассержена его сновидением.

К аромату кофе неожиданно примешивается резкий запах вчерашнего алкоголя. Доли секунды хватает Абажуру, чтобы оп-ределить источник – неприятный запах исходит от отца.

Отец... Как он здесь оказался? Раздетый, пьяный, еще и на полу? Абажур внимательно разглядывает мужчину, затем переводит взгляд на Веру. Девушка молча пьет кофе, тоже посматривая на сидящего мужчину. Лицо девушки остается безучастным. Просто лицо, без какого-либо выражения.

- Может быть, поедим... позавтракаем? - спрашивает Абажур, но подруга не отвечает.

В руках отца появляется полупустая бутылка. Он отпивает и это вызывает приступ кашля. Шумный, неприятный на слух и вид.

Абажур хочет подсесть к Вере, но оказывается, что кроме одеяла на нем больше ничего нет. Чтобы скрыть наготу, он решает обмотаться одеялом.

Однако прежде, чем Абажур успевает что-то сделать, Вера допивает кофе и поднимается с кресла.

- Не помню, когда мы в последний раз ели вместе, - бросает ей Абажур и тоже поднимается, придерживая рукой сползающее одеяло.

Вера молчит, глядя на дверь.

- Я вам сейчас что-нибудь приготовлю, - вмешивается отец.

Он с трудом начинает подниматься, задевает бутылку, она катится по полу, оставляя алкогольный след. Абажур замечает на паркете под отцом лужицу крови.

- Смотри, - говорит он и шагает к мужчине, чтобы помочь.

Отец не обращает внимания. Когда он поднимается, Абажур видит, что тело отца испещрено одинаковыми порезами сантиметров пять длиной, некоторые уже начали гноиться. Но кровь с паркета не из этих порезов. Она из свежей раны на мозолистой пятке.

- У тебя нога в крови, - говорит Абажур.

Отец отстраняет молодого человека движением руки. Затем выходит из комнаты. Долю секунды крохотный мускул на лице Веры дергается, искажая выражение безразличия.

- Долго он еще проторчит здесь? – раздраженно спрашивает Вера.

Абажур пытается понять, на кого она сердится, на отца или на него.

- Ты слышал, о чем я спросила?

Молодой человек пожимает плечами.

- Разве он не пришел, когда я спал? – оправдывается он.

Вера отстраняет мужа, едва дотронувшись до одеяла, которым тот прикрывается, и выходит из комнаты вслед за отцом.

- Откуда мне знать? - кричит Абажур, но Вера уже закрывает за собой дверь.

Абажур устремляется к подруге, но наступает на одеяло, которое к тому моменту неприлично сползло вниз. Он швыряет одеяло на кровать, разыскивает джинсы, футболку, которые миг-ом натягивает на себя и уже в таком виде выбирается в прихожую.

Поразительно: проходит от силы секунд десять, но этого хватает, чтобы Вера покинула квартиру. В прихожей девушки уже нет. Абажур заглядывает в ее спальню – никого. На кухне суетится отец. И только.

Абажур возвращается в прихожую, открывает шкафчик – ни шубы, ни сапог. Значит, в самом деле, ушла, думает он и несется на кухню, чтобы выглянуть в окно.

За стеклом ночная улица, освещенная парой тусклых фонарей. В единственном подвижном силуэте на снежном фоне Абажур узнает Веру. Это она, никаких сомнений.

- Ушла, - говорит отец.

Его реплика останавливает Абажура от того, чтобы открыть окно и позвать девушку. Молодой человек не может решить, как лучше поступить, звать или не звать. Он оборачивается, но не отходит от окна, слегка сгибается и садится на подоконник. Из щели неприятно дует холодный воздух.

- Ушла, ничего не сказав, - добавляет отец и допивает бутылку, оказавшуюся с ним на кухне.

Блуждающий взгляд Абажура утыкается в настенные часы. Без четверти три. Может, все-таки догнать Веру? Она еще неда-

леко ушла. Одеться, выбежать на улицу, разыскать? Вроде ничего сложного, но Абажур ощущает, что совершенно обессилен. Вдобавок еще и отец...

Отец!.. Как он все-таки здесь оказался... в таком виде?

Мужчина рассказывает, что сегодня ему тоже снился странный сон.

- Будто я иду в ресторан с девушкой... твоей матерью. Мы молодые, беззаботны. Однако когда мы оказываемся у входа в ресторан, выясняется, что я уменьшился до размеров шестилетнего ребенка. Швейцар останавливает нас, вернее мою спутницу, и говорит, что с собакой в ресторан нельзя. Это совсем дряхлый старик, к тому же плохо видящий. Он с трудом нагибается и привязывает меня за шарф к ручке двери. А потом говорит девушке, что теперь все в порядке, собака подождет здесь, он за ней присматривает.

Отец умолкает со странным выражением на лице. Он обижен. На глупого швейцара или на спутницу, мать Абажура? Наверно, на мать, решает Абажур. Ведь, послушав слепого старика, она заходит в ресторан, оставив отца дожидаться на морозе.

- Она зашла внутрь? – интересуется Абажур.

Отец поднимает глаза.

- Что? – не понимает он. – Куда зашла?

- Твоя девушка. Зашла она в ресторан?

Чуть оживившееся лицо отца снова мрачнеет. Неприятное воспоминание, сразу выветрившееся из памяти, возвращается обратно. Отец кивает.

- Да, зашла.

Абажур встает с подоконника, прикладывает ладони к ягодицам, чтобы поскорее согреть их. Как же невыносимо дует, за чем только сидел.

- Хотя... - медленно произносит отец, - она... твоя мать... была не девушкой. Ей было столько же, сколько сейчас. Изменился только я.

Абажур отдергивает ладони. Уродливый символизм... Не придумал ли отец свой сон? Слишком уж он...

Но закончить мысль не удастся, потому что отец подходит к молодому человеку и, взяв его за плечи, отодвигает в сторону, чтобы самому протиснуться к окну.

- Ушла, - объявляет он.

Абажур поворачивается к окну, тоже смотрит на улицу и только теперь вспоминает про Веру. Какая-то запредельная усталость охватывает его. Стоит, наверно, вернуться в комнату, прилечь.

- Пойду в комнату, - говорит Абажур, опускает глаза и замечает на темно-зеленом линолеуме красные подтеки.

Кровь из пятки отца. Весь пол в кухне в этих подтеках. И там, в комнате, тоже. Целые лужи.

- Я вытру, - успокаивает отец.

Абажур не видит его лица, но чувствует, что отец улыбается. Это ясно на слух.

Вытру, передразнивает про себя Абажур. А до этого хотел приготовить поесть.

Молодой человек возвращается в комнату, снимает одежду и ложится в кровать. Когда он накрывается одеялом, появляется отец. Мужчина занимает кресло у кровати, в котором недавно сидела Вера.

- Будешь спать?

- Не знаю.

Абажур прячется под одеялом целиком, вместе с головой. Неприятно, если кто-то разглядывает его лицо, пока он спит или даже просто лежит с закрытыми глазами.

- Может быть, выключить свет?

- Не надо, - говорит Абажур из-под одеяла, он уверен, что отец оставил свет и в кухне, но какая все это ерунда.

Звяканье чего-то стеклянного. Новая бутылка, догадывается Абажур. Или старая, которую отец задел, и она каталась по полу. Слышны жадные глотки, протяжное а-ааа, бутылка ударяется о стол. Слышно даже, как мужчина вытирает губы рукой. Хотя последнее - скорее всего плод воображения Абажура.

- Как хорошо иногда чувствовать, что жить осталось не так долго.

Сами собой у молодого человека раскрываются глаза. Он поражен. Отец действительно сказал это или ему только послыша-

лось? Несмотря на охватившее беспокойство, Абажур остается под одеялом, но теперь прислушивается. Ждет реплик отца.

Проходит не меньше минуты, прежде чем мужчина снова заговаривает.

- Когда я был в твоём возрасте и сталкивался с причитаниями стариков по поводу близкой смерти, я смеялся. Чем они недовольны, думал я. Прожили свои 45-55-65 лет, у многих и этого не было. Хотя какое это имеет значение – лучшее-то уже позади. Чего ждать человеку после тридцати? Старость, болезни, разочарования, постепенное умирание... Гнусно тянуть лямку, зная, что все интересное осталось в прошлом, а в будущем тебя ждет одно дерьмо. Причем с каждым годом будет все хуже.

Речь прерывается щелчком откупориваемой бутылки, следует серия глотков.

- Безвременная кончина... ушел в самом рассвете сил... в сорок лет, - отец усмехается. – Смешно. Когда еще ему умирать, если не в сорок лет? Пусть в сорок – слишком рано, но, в таком случае, когда в самый раз? В семьдесят, восемьдесят? Сто восемьдесят? Вряд ли. Всегда найдется миллион горемык, которые усомнятся в своевременности. Мог ведь протянуть еще лет пятьдесят. Безвременная кончина!.. Десять лет бессмысленной муки, которые у него отняла смерть. Бессмысленной и бесполезной, потому что ничего хорошего в жизни давно не происходило. И не произойдет уже никогда. Ты в тридцать лет свыкаешься с тем, что дальше...

Серия глотков, длинное а-ааа, шелест рукава, которым проводят по губам.

- Умереть можно в любом возрасте. Это никогда не поздно, тем более, не рано. Лучше, конечно, рано, но можно и потерпеть. Главное - не привыкнуть с возрастом к постоянным лишениям. Сначала тебя лишают одного, затем другого, третьего, четвертого. Ты смиряешься, терпишь, приспосабливаешься и наконец привыкаешь, что с каждым годом в твоём распоряжении остается все меньше и меньше – от былых перспектив ничего не остается. Но ведь можно потерпеть, решаешь ты. Ради жизни, ее-то у тебя пока не забрали. Это и правда так, только вот от этой жизни ничего не остается после двадцати лет приспособления. Сначала ты привыкаешь к старению жены, потом старению друзей, в конце концов, к своему собственному старению. Подходишь к зеркалу и

видишь дряхлого старика. Но что там зеркало – ты и внутри старик – думаешь как старик, боишься, фантазируешь. Вернее теперь ты не фантазируешь вообще. А трясешься только о том, как не потерять последнее – свою никчемную жизнь. Или то, что от нее осталось.

Внезапно с Абажура сдергивают одеяло, он открывает глаза, щурится, силясь понять, что произошло.

- Да ты заснул! – кричит отец.

Абажур трет глаза. Молодой человек и сам пока не знает, спал он или нет.

- Одевайся, - приказывает отец. – Пройдемся по городу. Развеемся. Только быстро. Быстро, быстро. Я не могу здесь больше сидеть... не могу...

- Есть к кому пойти? – спрашивает отец, завязывая галстук.

Абажур задумывается.

- Прямо сейчас?

Отец запутывается, тянет не за тот конец и окончательно утрачивает возможность завязать узел.

- Есть одна девица... Недавно с ней познакомился. Обменялись книгами... Я предложил еще раз встретиться.

- И что, встретился?

- Да нет. Я и лица-то ее почти не разглядел. Вряд ли узнаю, если снова увижу.

- Но она согласилась?

- Сказала, что не против.

- Так в чем дело? Идем к ней. Далеко эта девка живет?

- Не очень...

- Прекрасно, - перебивает отец. - Давай, собирайся.

- ...не очень близко.

- Не очень близко? – отец оборачивается к Абажуру с недоуменной физиономией. – Но и не очень далеко?

- Не очень, - соглашается Абажур.

В лифте Абажур вспоминает про галстук, который отцу так и не удалось завязать, поэтому он решил обойтись без него.

- Так и не научился обращаться с галстуками?

Лицо мужчины напрягается, он несколько секунд молчит, упершись взглядом в панель с кнопками этажей.

- Нет, - отвечает отец через время.

Абажур улыбается. В памяти мелькает картина из детства. Шкаф, в котором хранятся уже завязанные галстуки. Отец, трясушийся за каждый узел, приходящий в неистовство, затем в панику из-за развязанного галстука. Все из-за неумения их завязывать. Мать относил галстук в квартиру двумя этажами ниже, где соседка, выслушав изворотливое объяснение, делала узел. Затем галстук хранили в завязанном виде и берегли как зеницу ока. Зрелище даже чужого развязанного галстука выводило отца из себя.

- Не понимаю, как ты не мерзнешь в этой тонкой курточке, - говорит отец, когда они выходят на улицу.

- Не такая уж она и тонкая.

Как бы он не прицепился к куртке, волнуется Абажур, но, к счастью, отец умолкает, и минут десять они пробираются по ночному зимнему городу молча. Молодой человек порывается время от времени что-нибудь сказать, но каждый раз удерживается.

Тишину прерывает отец. Он рассказывает про фильм, который недавно смотрел. Ни названия, ни, тем более, режиссера он не запомнил, но тем не менее.

- Начинается все в автомобиле, - говорит отец на ходу, повернув лицо к Абажуру. - Жаркий летний день. Семья с двумя маленькими девочками едет в машине навестить родственников. Салон совсем крохотный, пассажиры едва поместились, вдобавок нет кондиционера, поэтому все обливаются потом. Девочки на заднем сиденье совсем распоясываются, начинают кричать, бить ногами в спинки передних кресел и больше не поддаются на угрозы родителей. Жена уговаривает мужа остановиться в придорожном кафе, чтобы отдохнуть от жары и тесноты автомобиля. В кафе муж встречает бывшего институтского приятеля. Прошло больше десяти лет, он не узнает его, но делает вид, что вспомнил. Представляет супруге, детям. Однокурсник праздно путешествует с девушкой и не представляет, куда дальше ехать, ему это безразлично. Он приглашает супругов к себе, но те ссылаются на детей, которые совсем устали, к тому же, им не по пути. Тогда однокурсник сам напрашивается в гости и даже предлагает взять к себе в машину девочек – у него просторный современный джип

с кондиционером. Родители соглашаются, отложив поездку к родственникам, на которую уже не остается времени. Они приезжают в странный дом, похожий на мастерскую или гараж. Выясняется, что это загородный дом, и он еще не полностью построен. Отец семейства объясняет, что финансов и свободного времени на все не хватает, он крутится, как может, приезжает сюда на выходные, доделывает ремонт, но продвигается он очень медленно. Внезапно мужчину зовет жена, поднявшаяся на второй этаж уложить детей спать. Муж идет к ней и обнаруживает ванную комнату, только что отремонтированную, отделанную блестящей розовой плиткой. По всей видимости, в их отсутствие приезжали родители мужа, которые и занялись ванной. Ты должен им позвонить, так не может больше продолжаться, протестует жена. Мужчина, действительно, звонит родителям и при напросившихся гостях ведет неприятный разговор. Нет, говорит муж в телефонную трубку, он доволен, ремонт сделан отлично, но ведь можно было посоветоваться с ними, это ведь их дом. Да, он все понимает, спасибо, никаких нареканий, плитка бесподобная, но вот цвет... И так далее несколько минут, пока тема не сменяется другой – несостоявшимся приездом. Муж извиняется, объясняет, почему не удалось навестить, в конце концов он вынужден пообещать, что завтра привезет девочек к родителям. Супруга жестами умоляет его отказаться, но тщетно. Когда муж кладет трубку, она заявляет, что завтра куда не поедет, с нее хватит, в такую жару в их тесном драндулете, да еще с детьми. В разговор вмешивается однокурсник, который предлагает для поездки свой просторный джип. А если мадам в тягость, он сам подвезет приятеля с дочками, составив им компанию. Так они и поступают. На следующий день сразу по приезду к родителям главного героя отводят в зубной кабинет. Его отец зубной врач и располагает кабинетом прямо дома. Герой фильма пытается отказаться, но мать говорит, чтобы он не перечил отцу, который все равно не отстанет, не осмотрев ротовую полость сына. Заодно представляют друга семьи, институтского приятеля, которого старый врач, оказывается, помнит, много лет назад он делал ему зубной мост. Однокурсник наблюдает за общением приятеля с родителями, которые им разнообразно манипулируют и ставят в неудобные положения, предлагая ненужную помощь. Ближе к ночи, когда бывшие однокурсники с заснувшими девочками на заднем

сиденье возвращаются в загородный дом, приятель рассказывает, как тяжело дается ему общение с родителями. Сильно изматывает, объясняет он. Бывший однокурсник проникается сочувствием к приятелю, совершенно измотанному во всех качествах: мужа, отца и сына. И решает прийти ему на помощь. Для начала он подстраивает автомобильную аварию, в которой гибнут родители главного героя. Затем решает избавиться и от своей подруги, задушив ее ночью в доме приятеля. Как раз когда он выносит тело, ему встречается герой. Однокурсник открывает свои намерения. Родители и его подруга – только начало, умереть предстоит так же жене и дочкам героя, которые мешают ему реализовать свои таланты. Однако герой не разделяет эту позицию и, не вступая в полемику, сам убивает бывшего однокурсника. Он выносит оба тела, однокурсника и девушки, сваливает в яму у дома и заливает бетоном. А потом ложится спать. Утром его будят дочери, комната утопает в солнечном свете. Приходит жена пожелать доброго утра. У героя невероятно спокойно на душе, все проблемы отошли на второй план, почти исчезли. Он обнимает жену и дочек. Все они счастливы.

Абазур, порядком утомленный пересказом фильма, с удовлетворением встречает финал. Однако это еще не конец. После недолгой паузы отец продолжает.

- Финал фильма оставил меня в недоумении. Такие прекрасные начало, развитие, персонаж, вторгшийся в чужую жизнь и решивший улучшить ее на свой манер. Даже его убийство меня несколько не расстроило. Я поражен самой последней сценой... идиллии, когда зло оказывается поверженным и ничто больше не угрожает семейному счастью. Согласен, зло удалось победить, сбросив тела в яму у дома. Но ведь это никак не повлияло на все остальное – жизнь героя не изменилась. В последней сцене он должен был снова управлять автомобилем с кричащими детьми и впавшей в апатию женой. Снова в тесном салоне без кондиционера обливаться потом и вспоминать институтского приятеля, пытавшегося хоть как-то ему помочь.

Отец неожиданно останавливается, показывает рукой на вывеску – ночной магазин.

- Я зайду, куплю пару бутылок вина. Все-таки в гости идем, не просто так.

Абазур кивает, и в следующее мгновение мужчина исчезает за автоматическими дверьми супермаркета.

Минут через пять отец появляется с пакетом, в котором звенят бутылки, вдобавок одна бутылка, по всей видимости, с коньяком, торчит у него из кармана зимней куртки. Когда они немного отходят, мужчина делает несколько глотков.

- Черт, забыл взять что-нибудь на закуску. Ну ладно, обойдемся без нее. Что ты думаешь о фильме?

Абазура не ожидал, что они еще вернутся к фильму. Пересказ событий он слушал невнимательно, но концовку и особенно комментарий отца запомнил хорошо.

- Кажется, - начинает он, - ты не в восторге от семейной жизни.

Отец поворачивается, и Абазур краем глаза видит его раздосадованную улыбку. Больше даже не видит, а представляет.

- Ну, продолжай, что ты остановился.

- Даже в этом фильме, в котором, думаю, есть масса прочих смыслов, ты остановился на семейной несостоятельности. И в качестве решения предлагаешь самый радикальный вариант с убийствами, в том числе детей. Думаю, причина в том, что тебе не по душе собственная семья. И ты пытаешься распространить свое неудовлетворение на все остальные семьи, в том числе совершенно абстрактные, из кино.

Отец смеется, достает из кармана бутылку и пьет на ходу.

- Ерунда. Пустая психология. Я предлагаю обсудить фильм, а ты вместо этого копаешься в моих отношениях с семьей. Во-первых, я не предлагал никаких радикальных вариантов, это был проект однокурсника героя - убить всех, чтобы избавиться от проблем. Я в это даже не углублялся. Только предложил более реалистичный финал после провала его проекта. Это меня интересует, а не психологическая болтовня.

Абазур, который и до этого говорил неуверенно, теперь вообще не знает, что ответить, как себя вести. Он судорожно протягивает руку и выхватывает у отца пакет с вином. Жест уважения к старшему, правда, не совсем своевременный.

*V

В какой-то момент отец обгоняет Абажура на несколько метров, и молодой человек замечает, что мужчина слегка хромет. В памяти мгновенно возникают потеки крови, оставшиеся на полу квартиры.

Ведь у него шла кровь, думает молодой человек, а я даже не предложил обработать рану.

- Как твоя нога? – спрашивает он, догоняя.

- Нога?.. – отец не сразу понимает. – Вроде нормально с ногой. Видишь – иду.

Должно быть, отец пьет коньяк, чтобы заглушить боль. Но что он, Абажур, может поделать в такой ситуации, не насильно же ему ногу бинтовать? К тому же, вспоминает молодой человек, они направляются в больницу, где отца смогут осмотреть специалисты. Все развивается так, как нужно, в правильном направлении.

- Ты знаешь, куда мы идем? – спрашивает Абажур.

- Ты утверждал, что ведешь к знакомой девице.

- Да, к девице, – соглашается сын, – но не к ней домой, а в больницу. Она сейчас проходит курс лечения.

- В больницу, – повторяет мужчина и на его губах появляется улыбка, едва различимая в темноте.

Они снова погружаются в молчание. Абажур вспоминает передачу по телевидению, которую иногда смотрел в детстве.

"Интеллектуальная" игра, в которой три игрока отвечали на вопросы ведущего. Особенностью викторины было то, как игроки получали денежные призы за правильные ответы. Точнее, как это преподносилось телезрителям. Деньги появлялись на блестящем подносе, который медленно летел по студии, пока не останавливался возле игрока, чуть выше его головы. Снимающая камера цеплялась сзади к летящему подносу. Она снимала людей сверху и, как только сейчас догадался Абажур, слегка искажала изображение. Участники викторины представляли нелепыми полукарликами, соревнующимися друг с другом за летающие деньги. Игрок, к которому приближалась камера, выглядел наиболее карикатурно. На лице его отражалась эмоциональная схватка: с одной стороны стеснение, с другой радость выигрыша. Вдобавок к остальному поднос располагался на такой высоте, что достать

деньги можно было только некрасивым движением, что немедленно отражалось на физиономиях участников. А на передачу приглашали исключительно солидных мужчин в возрасте с густой растительностью на лице. Было смешно за ними наблюдать.

В то время Абажур мечтал, чтобы отец отправился на телевидение и тоже поучаствовал в подобном шоу. Молодой человек полагал, что таким образом можно хорошо заработать, и недоумевал, почему медлит отец. Мальчик даже рассказал о своем проекте матери, которая его одобрила, она тоже видела мужа тянущимся к деньгам на подносе. Но муж так ни в чем и не поучаствовал.

- Неплохо бы купить что-нибудь в подарок твоей подруге, – говорит отец, убирая бутылку коньяка обратно в карман.

Абажур кивает. Действительно, как-то он не подумал о подарке. Слишком неожиданно пришла идея навестить подругу.

- Можно.

Отец смотрит на часы.

- Без четверти пять. Скоро что-нибудь откроется.

- Здесь неподалеку есть круглосуточный магазин, – говорит Абажур.

- Магазинов-то полно, но сможем ли мы купить там подарок?

- Сможем. Это универсальный магазин.

- И работает по ночам?

- Круглосуточный.

Довольно скоро они находят магазин. Он, действительно, открыт. В самом деле, огромный супермаркет с бесконечной вереницей самых разных отделов, горами товаров. В ярком галогенном освещении, почти без покупателей, с одними лишь неприметными консультантами, изумленно разглядывающими ночных посетителей.

Отец с сыном, не сбавляя хода, проскакивают три или четыре отдела, затем все-таки сбавляют шаг: нужно же хоть что-нибудь рассмотреть. Теперь они идут не спеша, вертя головами, часто мешая друг другу, закрывая обзор.

- Может быть, поделимся? – предлагает Абажур.

- Разделимся? – переспрашивает отец. – Но зачем? Сейчас быстро что-нибудь выберем и уйдем. К чему эти выкрутасы.

Минут десять, или даже больше, они таскаются по отделам, но так ничего и не находят. Несколько раз Абажуру попадаются на глаза интересные предметы, но он не успевает даже сообщить о них, потому что отец уже скрывается за углом или каким-то еще препятствием. Не всегда молодой человек успевает хотя бы понять, что это за предмет, его функциональное значение, поэтому приставать с ним к своему спутнику не решается.

Проехали, говорит он себе под нос и спешит дальше.

Вот уже сорок минут они ходят по магазину, скользя взглядами по бесконечной веренице предметов. Выбрать есть из чего, но вот как это сделать. По крайней мере, у отца с Абажуром ничего не получается. Они успевают уже не раз разойтись, чтобы попытать удачу порознь, и снова сойтись, каждый с пустыми руками, так ничего и не присмотрев.

После очередного такого воссоединения отец сдается.

- Гиблое дело, - говорит он. - Не знаю, в чем здесь штука. Не понимаю даже, как это делается – выбирать подарок. Подойти, внимательно рассмотреть, прицениться. Всего лишь теория. Как только я замечаю что-то интересное, в голову лезет мысль, что в следующем отделе будет еще лучше. И я спешу дальше. Нет времени даже взглянуть на ценник. Если и успеваю посмотреть, цена вылетает из головы, стоит отойти на пару метров. Вероятно, все из-за того, что я не знаком с этой девушкой. Это же твоя знакомая – откуда мне знать, какие подарки она любит, какие у нее вкусы. Ты об этом осведомлен, а не я - тебе и выбирать.

Абажур не согласен.

- Это же была твоя идея...

- Идея могла исходить от кого угодно, - перебивает отец. - Сейчас важно хоть что-нибудь выбрать и дергать из этого лабиринта. Не имеет значения, кто выберет подарок. Можешь просто тыкнуть пальцем, и я это сразу куплю. Согласен?

Абажур кивает, хотя идея не особо ему по душе. Отец же, напротив, успокаивается. Он даже прикладывает к коньяку за удачно подвернувшейся стойкой с ежедневниками. И ободряюще хлопает сына по плечу: не волнуйся, все отлично.

Они пропускают пару отделов. Наконец молодой человек останавливается и украдкой, чтобы никто, кроме отца, не заметил, показывает пальцем на витрину.

- Грандиозно, - восклицает мужчина. - Как раз то, что нужно.

Он подходит, берет со стойки набор пластиковой посуды и спешит к выходу. Дело сделано!

Только на кассе Абажур предпринимает неуверенную попытку отыграть ситуацию назад. Молодой человек утверждает, что показывал на аккуратную бело-голубую вазочку, а отец взял стоящий рядом набор одноразовой посуды. То есть замысел был совершенно иным.

- Поздно, - констатирует отец, расплачиваясь.

Абажур кивает. Он все понимает - нет значит нет.

- Что хоть за сервиз? - молодой человек заглядывает через плечо отца, но мужчина уже убирает покупку в пакет с вином.

- Обычный, - говорит он, - тарелка, глубокая тарелка, пара стаканчиков, вилки и ложки. Что еще нужно.

Абажур снова кивает. И оба они, один за другим, покидают магазин.

Ситуация осложняется тем, что по дороге отец заходит в пару магазинов и теперь, когда они оказываются у самой больницы, настолько пьян, что способен на любой фокус. Хотя это не совсем так. Отец не выказывает признаков сильного опьянения, кроме, разве что, несурзной речи. Так, по крайней мере, считает его сын.

- Я пришел сюда, чтобы умереть, - заявляет мужчина.

Он смотрит на часы – 6:25, замечает четырехэтажное здание больницы, белеющее в темноте.

- Здесь, - уточняет он, - в этой больнице.

Затем, обращаясь уже к Абажуру:

— Где вино?

Молодой человек приподнимает руку с пакетом.

- Не забыли, прекрасно. А где подарок... тарелки, вилка?

Абажур снова поднимает пакет.

- Здесь.

- Вместе с вином?

- Да, все вместе.

Мужчина делает пару глотков коньяка, убирает бутылку в карман.

- Пожалуй, не стоит тебе столько пить, - почти шепчет Абажур. - Особенно, если мы идем к моей подруге... Еще и в больницу.

- Да что ты знаешь о больницах?! – вскипает отец. – Об опьянении!? Я и пришел сюда только за тем, чтобы быть пьяным. И, в конечном счете, умереть. Да! Да...

- Не понимаю, почему ты постоянно возвращаешься к смерти?

- Все возвращаются к смерти, - мужчина растягивает губы в улыбке, довольный симпатичным клише, случайно слетевшим с языка.

Спутники подходят совсем близко к больнице, почти упираются в стену. Отец снова глядит на часы – 6:27.

- Пора, - объявляет он. - Теперь внутрь.

Только сейчас Абажур в полной мере осознает происходящее. Его поражает беспечность, с которой он посреди ночи отправился в больницу. Кто его впустит в такое время? Вдобавок с пьяным отцом, несущим околесицу, словно в белой горячке.

- Слишком рано.

- Нет, - выкрикивает отец. – Нормально. Открывай дверь.

- Да здесь и двери нет, - шепчет сын. – Сплошная стена.

- А где дверь? Где вход?

- Не видно в такой темноте. Ничего не видно. Надо ждать рассвета.

Отец заглатывает остатки коньяка и швыряет бутылку, которая с дребезгом разбивается. Обо что – не видно, да и не важно. В руках у мужчины тут же появляется другая бутылка, полная. Он убирает ее в опустевший карман.

Удивительно, но когда находят дверь, она оказывается открытой. Отец с сыном осторожно, стараясь не сильно шуметь, проникают в больницу. В фойе ни души, через окна проникает лунный свет, мягко освещающий помещение.

Мужчина переходит на шепот.

- Где лежит твоя подруга? На каком этаже?

- На втором, - отвечает Абажур.

- А лестница?

Молодой человек наугад машет в темноту.

- Там.

Они медленно, на ощупь, продвигаются по темному коридору, пока не натыкаются на лестницу. Перед восхождением решают немного передохнуть.

- Ты постоянно думаешь о смерти, – говорит Абажур и поражается, с какой легкостью слова слетают с языка. – Но ты ведь еще молод. По крайней мере, не слишком стар.

Мужчина смеется, прикрывая рот ладонью.

- Какой же ты пошляк.

Отец становится совершенно невыносимым, думает Абажур. Пьяный невежа. Это уже ни в какие ворота не лезет. Остается только свалиться и отключиться прямо на ступеньках.

- Молод, молод, - передразнивает мужчину и сует под нос сыну открытую бутылку, Абажур аккуратно отстраняет руку отца.

Откуда-то сверху доносятся шаги. Ночные посетители замирают, но через секунду шаги затихают. Наверно, им показалось.

- Такое впечатление, что ты не слушал меня там, в твоей комнате, - нетерпеливый шепот завладевает ухом Абажура. – Ты слушал или дрых? Я ведь еще тогда объяснил, что возраст не имеет никакого значения – смерть всегда своевременна. Только кажется, что бедолагу застали врасплох. На самом деле умирать ему самое время. Есть ситуации, в которых глупо хвататься за жизнь, она утрачивает всякую привлекательность. К примеру, ты болеешь. Какой-нибудь ерундой, которую вылечить – раз плюнуть. Но только на ранней стадии. А если ты эту раннюю стадию проворонил, готовься к долгому и болезненному лечению. Или сразу к смерти.

- Так ты заболел?

- В этом мутном занятии главное даже не длительность и не болезненность – с этим можно смириться – сложнее всего пережить мутацию. Я имею в виду изменение всего жизненного уклада: распорядка дня, занятий, еды, отказ от вредных привычек, излишеств, развлечений. И всего остального тоже. Это дается далеко не каждому. Ломать себя через колено не любой согласится.

Новая порция коньяка просачивается через горло, пищевод, оседает в желудке, а оттуда разносится по кровеносным сосудам, сотрясая организм в алкогольной эйфории.

- Подожди, я сейчас отолю.

Мужчина отворачивается и мочится на стену. Молодой человек наблюдает за его действиями. Просто немисливо, до какого состояния довел себя отец.

- Привычки... Ото всех привычек придется отказаться. Всю жизнь заставят перекроить по-новому. Начнется с пустяка, а закончится вообще всем. Но и этого окажется мало. Объявят, что ты недостаточно постарался для исцеления, не пошел на сотрудничество. А раз так, все усилия коту под хвост. Завтра или, в крайнем случае, послезавтра тебе крышка. Вот уже и справка готова. Бери и проваливай с ней домой.

- Отец, отец, - Абажур тянет мужчину за руку, но тот не обращает внимания.

- А ведь мне не так просто меняться, - продолжает он. - Я слишком консервативен: держусь за любые привычки, даже самые идиотские. Мало кто знает, но я уже несколько лет не спускаю воду из ванны после того, как помоюсь. Там что-то засорилось в трубах, и вся вода выплескивается на пол через дырку в стене. Приходится черпать ведром и выливать в унитаз. Каждый раз одно и то же. Начиналось все как развлечение. Потом не было денег на сантехника. А когда деньги появились, уже вошло в привычку. Я не смог от этого отказаться. Ванна, ведро, унитаз – занятие приобрело значение ритуала. Окрасилось чем-то вроде принципа: или я их, или они меня. Но кто такой я? И кто такие они? Кто вообще такой человек? Имеет ли это какое-то значение? Или все бессмысленно? От начала до конца?

Мужчина на несколько секунд замолкает. Абажуру даже кажется, что он успокоился, но это не так.

- Все катится в тартарары. Из человека ты превращаешься в пациента. Вечно больного, недоленного, проходящего очередной курс терапии. Мающего в очередях к докторам, за справками, рецептами, лекарствами. Способного трепаться только с другими пациентами, причем исключительно о своих болезнях... Болезнях и лекарствах. Симптомах. Осложнениях. И, в конечном счете, смерти. Мучительной или безболезненной, будто понарошку – как получится. Какое все-таки однообразное убожество. Но меня этим шулерам в свою игру не втравить. Не собираюсь даже приближаться. Помимо привычек у меня есть еще и чувство собственного достоинства. Сами возитесь в своем дерьме, а я

способен покончить с болезнью самостоятельно. Избрать способ, место и время по своему усмотрению. Взять судьбу в свои руки. Не дожидаться, не терпеть и не уподобляться безвольной скотине. Потому что я человек. Мужчина. Самец.

Последние слова отец, давно забывший об осторожности, уже не шепчет, а почти кричит, хоть и на ухо единственному слушателю.

И тут на лестнице зажигается свет. Сверху отчетливо раздаются шаги, они приближаются.

- Да кто там так орет? – слышен женский голос.

- Все! Конеч! – спохватывается мужчина.

Абажур перестает что-либо понимать. Испуганно таращится на отца, которого теперь можно рассмотреть и увидеть его искаженную бледную физиономию. Наверно, у него и вправду белая горячка. Это уж точно. Такого раньше не было.

Мужчина молниеносным движением достает бутылку, опрокидывает в себя и так же быстро прячет в карман. А в следующее мгновение на лестничной площадке перед ними возникает фигура в белом халате.

V*

Эта женщина – доктор. Сначала из-за плохого зрения она почти ничего не различает, но, спустившись пониже, узнает мужчину. С ним молодой человек, которого доктор раньше не видела.

Но, боже мой, как пьян мужчина, ее пациент. И что он делает в такое время? Она велела ему явиться к 9:00, а сейчас еще и семи нет. Должно быть, он все-таки сорвался. Напился до животного состояния. Не выдержал напряжения. А ведь казался таким спокойным, уравновешенным. И тем не менее он здесь: вдрызг пьяный, да еще с приятелем. Хотя приятель, вроде, не так пьян.

- Что вы делаете здесь в такое время? – без вступления обрушивается доктор. – И почему в таком безобразном состоянии? Вы же знаете, что процедура с алкоголем несовместима.

- Здравствуй, - едва слышно произносит мужчина и разводит руками.

Абажур кивает, но на него не обращают внимания.

- По-моему, это вторая ваша процедура. Должна была быть... То есть с правилами вас ознакомили. И все равно вы пришли пьяный. Приползли, можно сказать...

На лице доктора возникает неприятная гримаса.

Проходит не меньше минуты под нервное стрекотание освещения, прежде чем женщина продолжает. Теперь смягчившись едва не до сострадания.

- Поймите, это важнейший для вас этап лечения, от которого зависит вся дальнейшая жизнь. Да и будет ли эта дальнейшая жизнь – вот что вас должно беспокоить. Потерпите, многие попадают в подобную ситуацию и находят силы выдержать до конца. У вас тоже получится. Не так это и страшно, как кажется поначалу. Соберитесь, прошу вас. А теперь возвращайтесь домой. И приходите через несколько дней, когда будете готовы. Вернее, постоит. Сейчас все-таки зайдите в кабинет и отмените процедуру. Скажите, что вам ее отложили. Отдайте направление, пусть поставят печать о пропущенной процедуре, и вклеят в вашу карту болезни. Запомнили?

Доктор глядит на мужчину и тот кивает.

- Сделайте, голубчик, что я попросила, и возвращайтесь домой. Отдохните. Сейчас вы выглядите очень плохо. Да и ваш приятель не сильно лучше. Как можно больше отдыхайте. А через несколько дней, когда наберетесь сил, приходите снова. Сразу ко мне в кабинет.

Она спускается, проходит мимо ночных посетителей и скрывается в темноте коридоре. Доносятся только постукивания каблучков.

- Ну что ж, пойдем.

Отец с Абажуром поднимаются на третий этаж, находят нужный кабинет. Из-под двери вырывается свет – внутри уже кто-то есть. Мужчина стучит, заглядывает внутрь.

- Две минуты, – доносится до Абажура высокий то ли мужской, то ли женский голос.

Они проходят в конец коридора к окну.

- Вот и все, – говорит отец.

- Что – все? – недоумевает Абажур.

Мужчина достает из внутреннего кармана направление. Разворачивает и, положив на подоконник, пытается разглядеть ребром ладони.

- Вот – это и есть конец.

Абажур снова не понимает, но решает не задавать больше вопросов.

- Она права, этот доктор. С алкоголем в крови, действительно, нельзя. Я сначала думал, что врет, перестраховывается, как и все врачи, но посмотрел в медицинской энциклопедии – так и есть – нельзя. Причем категорически. Большая вероятность летального исхода. А ведь это как раз то, что нужно.

Абажур слушает невнимательно. Он смирился с тем, что отец слишком пьян для понятной речи. Это уже почти галлюцинация, полубред.

Дверь процедурной приоткрывается и из щели вылетает:

- Где вы там? Заходите.

- Пора.

Мужчина смотрит на часы – 6:58.

- А часы, – слегка оживившись, – возьмешь себе... Но только после всего, не сейчас.

Они заходят в кабинет. Абажур тоже, рассчитывая, что пождет внутри. Дело пары секунд передать направление и поставить печать.

Отец протягивает направление невзрачному мужичонке, обладателю высокого голоса, выглядящему не как доктор, скорее, как лаборант. Или как они здесь называются, соображает Абажур, медсестры, медбратья.

- А вы рано сегодня, – отмечает лаборант, заглядывая в бумажку.

Он поднимает голову и всматривается в пациента.

- Так вы в придачу еще и пьяны, – усмехается. – Пьяным на процедуру нельзя. Нет.

- Да ладно вам. Я и в прошлый раз был слегка пьян, и в этот. У меня просто дел еще навалом, поэтому так рано. Вот вам небольшой презент.

Отец берет у Абажура пакет и протягивает его лаборанту. Тот заглядывает внутрь.

- Посуду оставьте себе, а за вино спасибо. Что это, кстати? – достает одну бутылку. – Легенда Крыма. Прекрасно. Благодарю.

Лаборант убирает вино под стол.

- Ладно, раздевайтесь и залезайте в кабинку.

Абажур замечает рядом с дверью стул и садится. Похоже, никто внимания на него уже не обращает. Ничего плохого из-за того, что он подождет на стуле, не случится.

Присев, молодой человек осознает, как устал. Ведь он пролежал в такую рань, а потом всю ночь таскался по городу.

Оставшийся в одних трусах отец заходит за угол, вероятно, там и находится кабинка. Меньше чем через минуту к нему присоединяется лаборант. А Абажур, оставшись в одиночестве, закрывает глаза и скоро засыпает.

Ему снится, что он надевает часы и идет в поликлинику лечиться от бешенства. По дороге молодой человек встречает отца в распахнутой шинели, который говорит ему:

- Хорошо пройти по городу во время утреннего намаза.

И ныряет в гнилую калитку, не дождавшись ответа.

Когда Абажур просыпается, то видит перед собой встревоженную физиономию лаборанта, который повторяет одну и ту же фразу.

- Вы же слышали, я говорил ему, нельзя с алкогольным опьянением, а он сказал, что у него направление, и сам залез в кабинку? Вы слышали, как я говорил, с алкоголем в крови категорически запрещено, а он достал направление? Я говорил, только в трезвом виде, но он показал направление, ему было назначено, и сам залез в кабинку. Вы видели, как он оттолкнул меня, отшвырнул, я не мог ничего сделать? Вы расслышали, что я был против, я говорил, что в таком состоянии...

У Абажура слипаются глаза. Он хочет только, чтобы от него отвязались и дали немного поспать. Не обращая внимания на тарахлящего лаборанта, молодой человек снова засыпает.

Маргарита Кривченко **Карты**

Мы маршируем вдвоем, в парадной форме - красные трикотажные брючки и белая рубашка. Тротуар из маленьких каменных плиток. Она берет меня за руку - пойдем, хватит. Узкие гла-

за, вкрадчивые движения – я из Токио, живу в Лондоне, ты знаешь. Она гладит меня по руке.

- Не смотри на меня.

- Пойдем в кафе. Ты знаешь, где здесь хорошее кафе?

Я оглядываюсь по сторонам – пустые улицы.

- Какой это город?

Кажется, она тоже растерялась.

- Москва, может быть?

- Нет, не Москва. Или Лондон, или Токио. Я не знаю здесь никаких кафе.

Я звоню в квартиру – открывает бабушка. Из квартиры не доносится ни звука. А где все, умерли? Все умерли. На бабушку падает солнечный свет из подъездного окна, она блаженно шурится. Да, пойдешь, сама посмотри. Я захожу в дом, где полно комнат. Иду на кухню, очень хочется пить. «Просто в одночасье, - говорит бабушка, - Что со всем этим делать, интересно?» Улыбка от солнца еще не сошла с ее лица.

Звонит телефон, это японка. Я уже устроилась в гостиницу, говорит она, прогуляемся? Мы же, наконец, в твоём городе, да? С трубкой на плече я открываю дверь холодильника, достаю воду. Да, в моём городе. Для прогулки это не имеет значения.

У нас большая кухня, 12 квадратных метров. Возле окна стоит большой аквариум и диван для гостей. Сейчас на диване сидит мой двоюродный брат, Борис. Он рисует черной шариковой ручкой на последней странице школьной тетради. Я подхожу и смотрю. Он рисует голые женские фигурки и их отдельные части.

- Какая тебе больше всех нравится?

- Они убиты. Все они. Расчлененные, препарированные.

Я открываю холодильник и достаю литровую бутылку «Бон Аква». Кидаю в стакан ломтик лимона и заливаю водой. Лимон мечется в стакане, покрываясь пузырьками. Борис откладывает тетрадь, берет с подоконника колоду карт, улыбается. Давай поиграем? Я смущаюсь. Соглашаюсь скорее из-за странности самого предложения. Борис спрашивает, на что будем играть, не знаешь? Хорошо, сыграем, потом решим.

Откуда она вообще взялась, эта японка? Я не помню, как ее зовут. По-моему, я даже не спрашивала. Сон, забытый в момент просыпания, или образ из кинофильма, которых я смотрю так много, что ленты врезались друг в друга. Или проекция в целое

всех прохожих, марширующих по тротуарам. В любом случае, это она тогда сказала «хватит».

- У тебя отвратительные красные брючки.

Борис тасует колоду и раздает. Я залезаю на диван, скреещаю ноги «по-турецки», беру свои карты.

- Почему ты так села?

Борис смотрит на мои ноги.

- Как «так»?

Рыбы в аквариуме мечутся у стекла, как цветные пятна на дискотеке. Сквозь воду зеленеет дневное солнце.

- Что тебя...

- Посмотри на свою правую руку.

Моя правая рука лежит на правом бедре, ладонью вниз. Где ей еще быть. Левая держит стопку карт. Я – левша.

Когда мы встречаемся с японкой, начинается дождь. На столько мелкий, что никто из прохожих не достает зонтов. Справа на улице строят новое здание. Между зданием и улицей – много строительного мусора и черная ограда из вертикальных металлических стержней.

- Пойдем, посмотрим, - говорит она.

- Там совершенно пусто, я видела таких десятки.

- Все-таки зайдем, - она заходит в калитку.

Я иду дальше. Дождь усиливается. Мой прекрасный лондонский зонт опять забыт дома. Рубашка и брюки промокают, холодным прикосновением липнут к телу. Я дрожу, раздражаюсь, поворачиваюсь и захожу в дом, где скрылась японка.

- Борис? Что здесь случилось?

- Я покажу тебе. Ты не все еще видела.

Я смотрю на брата и думаю о том же, о чем и он. Борис бросает карты и тащит меня за локоть в родительскую спальню. Я успеваю захватить стакан с минералкой.

Из коридора мне видно большую комнату. На полу лежит зеркало в темной раме. По стеклу расходятся крупные и мелкие трещины. На зеркале головой - женщина в перламутровом платье. Глаза полуприкрыты. Из рта ее свешивается яркий язык, как будто она облизывает стекло. Узкое лицо - полуприкрытые глаза, яркий язык - сливается с отражением. Зеркало блестит на солнце. Мне страшно.

В спальне, на кровати лежит мама. Борис останавливается, отпускает мою руку.

- Как она тебе?

Хорошая. Лицо заплаканное, но улыбающееся. Как будто проблема вдруг разрешилась самым замечательным образом. Ночная рубашка смялась у груди, открывая пупок, лобковые волосы и ноги. Борис смотрит на нее с нежностью.

- Я бы ей всунул. Когда я вижу твою мать, мне хочется это сделать. Так как она тебе?

Сейчас – да, мне очень нравится. Такая чистая постель, мягкое освещение сквозь занавески, даже лужица потемневшей крови между ног аккуратна, изящна. Голубое покрывало, черные волосы, белая ночная рубашка. Лицо мертвое, как умытое.

- Я не знаю, что делать в таких случаях.

Я захожу в дом через выход. Так я скорее найду ее. Внутри оказывается, что дом не строят, а разрушают. Стены в коридорах сложены из непрозрачных стеклянных плиток, какие-то умывальники в нишах, огромные металлические шкафы с навесными замками. Полумрак, въевшаяся грязь, ржавые подтеки на кафеле. Слышатся отзвуки голосов, в основном, высокие ноты женского смеха.

Я заглядываю в одну из комнат. Здесь было что-то вроде склада, теперь остались только большие пыльные стеллажи, в качестве полок – ряды ржавых железных прутьев. В комнате несколько детей играют в «Море волнуется, раз». Маленького мальчика загоняют на самый верх, заставляют плясать, а сами внизу хором кричат считалочку. На слове «замри!» мальчик застывает на одной ноге, но не может удержать равновесие. Его ноги проваливаются сквозь прутья, он врезается пахом в металлический стержень. Кричит. Дети с воплями пытаются стащить его вниз. Кто-то дергает за рубашку, двое тянут за ноги по обе стороны от прута. Ботинки мальчика падают, ступни беспомощно болтаются в полосатых носках. Дети крепче хватают его ноги и повисают на них. Крики боли и веселья перемешиваются в общий гвалт.

Опять звонок. Теперь звонят в дверь. Я иду через все комнаты, за мной следом – Борис. В дверях стоит полный высокий мужчина в костюме, строгий галстук болтается на выпяченном животе.

- У меня вопрос к женщине, - кивает он Борису.
Борис говорит – ага, обнимает меня за плечо.
- Вы когда-нибудь подвергались насилию?
- Ваш муж, родители, родственники?
- Вы участвовали в насильственных актах?
- Если вы столкнетесь с насилием на улице, каковы ваши действия?

В подъездное окно залетает большая муха и кружится у лица мужчины, между носом и ртом. Ему приходится то и дело взмахивать рукой. На коротком пальце правой руки в солнечных лучах вспыхивает золотое кольцо.

- Да! – кричу я. – Мой двоюродный брат изнасиловал и убил мою мать. И еще кого-то. Мне страшно. Мне нужно позвонить. Если я сталкиваюсь с этим, то звоню по телефону.

Борис крепче прижимает меня к себе. Мужчина довольно кивает. Он запускает руку в карман пиджака (кольцо вспыхивает) и достает мелочь.

- Вот, это вам.
- Ну что вы, - отвечает Борис, - не надо. Купите себе бутерброд.
- Причем здесь бутерброд? Это мелкие монеты! – рука мужчины сжимается в пухлый волосатый кулак. – Неужели я должен объяснять вам связь между мелочью и насилием?

- А какая связь? – спрашиваю я.
- Женщина.

Бородач со звоном опускает мелочь в карман, разворачивается, спускается по лестнице. На середине пролета он останавливается и закуривает сигарету. Сквозь подъездное окно слышно, как во дворе орут дети.

Я наконец нашла японку. Она стоит на площадке лестницы, перила сломаны, и смотрит вниз. Я тихо подхожу сзади и шепчу на ухо: «Эй, где ты была?» Ее волосы щекочут мне нос.

- Смотри, - она показывает пальцем.
Лестница уходит на один пролет ниже первого этажа и образует большую площадку. Там горит небольшой костер. Возле него сидят два подростка, едят арбуз. Тот, что поменьше, полностью, в нелепом джинсовом костюме, куртка ему мала. Он держит кусок обеими руками, с заискивающей улыбкой снизу вверх смотрит другому в глаза. В этой улыбке отражается его участь.

Одноклассники его бьют, вытряхивают в лужу учебники и тетради из портфеля, колют ножиком толстый зад. Он никогда не смотрит на девочек.

Другой парень лет пятнадцати, худой и несколько развязный, с рассыпающимися светлыми волосами, обнимает младшего друга за плечи, что-то рассказывает. Оба радостно улыбаются. Старший вдруг останавливается, в порыве прижимает к себе мальчишку вместе с арбузом и целует в губы. После поцелуя младший смущенно растирает по животу арбузный сок.

- Какие милашки! – говорю я с умилением. – Пойдем к ним, мне нужно согреться. Я до сих пор не высохла.

- Не хочу, мерзость, - узкоглазая щурится и вдруг заливается хохотом так, что эхо гудит по всем этажам. – Пидоры, кретины, вонючая мразь!

Мы с Борисом возвращаемся на кухню. Я хватаю телефонную трубку. Борис садится на прежнее место и поднимает свои карты.

- Играм.
Я набираю номер телефона.
- Если ты выиграешь, я дам тебе тысячу рублей.
Я перестаю жать кнопки и смотрю на него.
- Да? А если я проиграю?
- Ты же играешь лучше меня.
- Так что, если я проиграю?
- Ты снимешь трусы, нагнешься, и я коснусь членом твоей задницы. Только коснусь пару раз и все.

Я снова беру за телефон.
- Карты мне совершенно не интересны, с самого детства. Позови бабушку.

В трубке раздается голос японки: «Hello?»
Мы идем по тротуару из маленьких каменных плиток, и создание проваливается. Как будто ты спишь, и осознаешь, что меду двумя фрагментами сна появилась дыра, ничем не занятый промежуток. Как будто ты смотришь на часы и не знаешь, прочему прошло так много времени, слишком много. Японка идет рядом в красных брюках и рассказывает о Москве, но теперь я не совсем доверяю ощущениям. Как там дома? Попала ли я сюда сейчас до того момента, когда я была здесь впервые, или после?

Мне удастся прочесть табличку на углу – Russell-square. В парке парень лет тридцати пускает мыльные пузыри. У него ведро с раствором и большая лопатка с дыркой. Он окунает лопатку в ведро и машет ей в воздухе. Рядом на траве сидят его жена и пятилетняя дочь. Они занимаются чем-то другим, папаша их не интересует. Каждый сам по себе. Мы с японкой останавливаемся и смотрим на пузыри.

- Вон, здесь есть кафе. Самое обычное.

- Тебе что, плохо?

Я не отвечаю. Жуткий звон в ушах, оболочки мыльных пузырей застилают глаза едкой радугой. Японка опять берет меня за руку, засовывает свои пальцы между моими – идем. Мы выходим из сквера, переходим дорогу на зеленый свет. Мне хочется пить. Я почти ничего не вижу. Я говорю, что нужно купить воды. Быстрее. Она крепко сжимает мои пальцы, слишком крепко. Быстрее. Идем, идем.

Ника Дуброва

С

Я приехала навестить свою семью издалека — в одном городе мы не жили больше трех лет, и я предчувствовала, что многое изменилось. На станцию пригородной железной дороги я приехала поздно, ночь уже подмяла под себя поселок, и мать, чуть уставшая, но радостная, от того, что я вот и наконец, ждала меня на платформе, переминаясь от холода. Ну с приездом, обняла она меня, да, ответила я. Мы соскучились, подтвердила мать, ну наконец-то, ответила я. Она взяла в руки мои сумки и пошла вперед, к машине, которую она водила теперь сама. Когда подошли к машине — ее я, кстати, не узнала, в памяти она осталась синей, а в действительности оказалась зеленой — а что, машину уже поменяли, сказала я, всегда такая и была, ответила мать и добавила, садись только на заднее. Неужели мать не хочет даже поговорить со мной, значит, радость после встречи была только для приличия, подумала я, и уселась на заднее сидение. Пока она закидывала в багажник сумки, передняя дверь открылась и в ма-

шину залез кто-то белый, насквозь промерзший, тут же за руль села мать. Мне было неудобно спросить, кто это, да и вообще зубы стиснулись, когда я подумала, что, может быть, мать должна кого-то подвезти, и домой приедем нескоро, несмотря на то, как я устала и хочу есть. Когда машина тронулась, мать повернулась ко мне, а это мой снеговик, сказала она, и перевела взгляд на дорогу. Не сразу поняв, о чем именно она говорит, я уставилась на фигуру на переднем сидении — действительно, такое белое холодное существо могло быть только снеговиком, как же я сразу не догадалась. Где нашла, спросила я, чтобы избавиться от не ловкой паузы. А как-то ночью сам пришел и постучался в дверь, ты же знаешь, мы возле леса живем, ответила она. Конечно, я знала, что дом находится возле леса — да я и выросла в нем, и в этом же лесу собирала грибы и каталась на санках. И ты пустила, вот так вот, незнакомого, спросила я, и тут же испугалась, если снеговик нас понимает, он может ни на шутку разозлиться, что я говорю о нем в таком тоне. Нет, понимаю, конечно, что ему негде ночевать было, добавила я извиняясь. Да, негде, подтвердила мать, а потом, как же я его одного оставлю в такой холод, это не по-человечески, укоризненно сказала она. Мать всегда отличалась удивительным гуманизмом — и вот, пожалуйста — прямо передо мной снежный шар, служащий снеговiku головой, и я даже не знаю, есть ли у него мозги, а спросить, опять же, неудобно. В общем, он у нас теперь в твоей комнате живет, закончила она.

Машина уже подъезжала к дому, и дорога исчезла в снегу, расплывающимся в оранжевом свете фонарей. Ты тогда в комнате сестры пока поспишь, ладно, сказала она, у него в твоей уже постелено, а он ведь пачкает, с него, знаешь, за ночь сколько потекает, объясняла мать, но выглядело это так, будто бы она оправдывается. Снеговик же ехал молча, и так же уверенно, ничего никому не сообщая, вылез из машины, сам открыв дверь. У него же вместо рук снежки, как он открывает дверь, не выдержала я, ухватив мать за плечо. Он уже привык, отрезала она. И мягче добавила, и потом, у него снежки клеятся к поверхности, ну так он и открывает, очень удобно, он даже чай пить может, сказала она не без гордости. В поезде, когда я ехала с таким нетерпением домой, я гадала, что именно могло измениться, сестра уже выросла, отец поменял работу, собака давно умерла, может быть, есть но-

вое домашнее животное, и надо быть к этому готовой, но что вот так вот, придется спать на полу из-за того, что у меня на кровати лежит текущий от жары снеговик, такое мне и в голову не приходило. Пока шли к дому, я пыталась догнать мать, чтобы поприставить к ней с вопросами, если снеговiku так жарко, что он протекает, почему бы не постелить ему во дворе, под яблоней, да и вообще, наконец, если мне негде спать, я могла бы не приезжать, почему она не сказала, я потратила на билет месячную зарплату. Ты, наверно, забыла, что вы находитесь на другом конце мира, добавила я. Кто сказал, что тебе негде спать, возмутилась мать, это твоя родная сестра, и вы вполне можете переночевать вместе. Одну ночь, не унималась я, но не проведем же мы так неделю. Начните с одной ночи, словно шутя сказала мать, всё в жизни начинается с малого.

Ночью сестра писала сообщения каким-то мальчикам, а я не могла уснуть. Матрац, который мне дали, был старый и весь сваялся, одеяло было будто бы треугольным, так что я все никак не могла натянуть его, и я думала, сестра стала подростком, пока я отсутствовала, теперь она влюблена, но никто не знает в кого, а в это время в комнате живет незнакомый снеговик, который пришел из леса.

Утром за кофе я воспользовалась отсутствием отца и спросила у матери, а как же отец относится к тому, что дома снеговик, он ведь мне раньше запрещал приводить на ночь друга. Он не запрещал, пояснила мать, он только не хотел, чтобы вы спали на одноместной кровати, а что касается снеговика, то да, нельзя сказать, что он ему рад, но что он может изменить. Я слышала, вы решили разводиться, сказала я. Кто это сказал, пожала плечами мать, если он не любит снеговика, то это дело вкуса, а не повод к разводу. И действительно, подумала я, смотря на нашего гостя, который прилепив свою руку-снежок к кофейной чашке, заливал напиток себе куда-то внутрь. А у него что, есть пищевод, шепотом спросила я. Снеговик уставился на меня — казалось, что черные глаза-пуговицы смотрят пристально, хотя они не могли менять ни своей формы, ни вообще передавать какие-либо эмоции. Мать ответила, откуда я знаю, мы его не вскрывали. И что ты ко мне пристала, не выдержала она, поздно вечером, пока отец был на работе, он пришел, постучался, я открыла, запустила его в твою комнату, потому что это у нас в доме единственная пустая,

ему там понравилось, он остался, и до весны будет здесь, да какие от него беспокойства, он ведь ничего не ест, только пьет. Мне хотелось добавить, что это, так как у него нет пищевода, но я промолчала, чтобы не доводить до конфликта.

Днем, не выдержав специфической обстановки, сложившейся дома, я поехала в город, ходила по магазинам, каталась на метро, заглядывалась на местных мужчин, а вечером, когда вернулась на пригородную платформу, было уже темно, и мать, как обычно, встречала меня. Как оказалось, со снеговиком — он бродил неподалеку, видимо, не желая смущать своим присутствием. Воспитанный, сказала я, кивая в его сторону. Да это он тебя боится, сказала мать, ты ведь всех нас запугала, и сестра тебя побаивается, жаловалась мне, что ей приснилось, как в детстве ты ее лупила. Снеговик шел за нами следом, не теряясь, но и не надоедая нам. Я старалась незаметно поглядывать по сторонам, чтобы понять, как прохожие реагируют на живого снеговика — не каждый ведь день такое увидишь. Женщины шли с сумками и смотрели под ноги, мужчины несли пивные бутылки и пытались найти пить, кроме того, многим то и дело звонили, а остальные сами пытались кому-то дозвониться — снеговика, казалось, никто не замечал. К тому же, я не знала, что изменилось в стране за два года — могла произойти реформа, при которой снеговики стали полноправными гражданами, возможно, вышел закон, поощряющий лепку из снега, или же что-то в поддержку разнообразия способов жизневыражения, снеговик мог тогда сойти за мужчину, решившего жить на северный манер — словом, я совершенно не следила за новостями в стране, и теперь чувствовала себя чужой, фактически иностранкой. Отвлечшись на свои мысли, я не заметила, как мать исчезла — я увидела ее уже на другой стороне дороги, догоняющей снеговика, который чуть не попал под машину. Когда, слушая музыку и переживая к счастью не случившуюся трагедию, мы сидели в машине, мать повторяла разволновавшись, откуда он мог знать, в лесу нет ни дорог, ни машин, и, не снимая перчатки, гладила его по снежной голове.

Вечером пришел отец, как всегда, хмурый, недовольный, он заперся в своей комнате. Со мной он так и не стал говорить, и не о чем не спросил — ни о том, как проходит моя работа за рубежом, ни о личной жизни, ни о ярких событиях, ни даже не затронул общих тем — здравоохранение, животные, наркотики, вре-

мена года. Потом я увидела, как снеговик стучится к нему — будто бы смущенный он ритмично ударял своей рукой-шариком в дверь. Наконец отец открыл, и снеговик скрылся в его комнате. Мучаясь от любопытства, через некоторое время я тоже постучалась и дождавшись отца, повернувшего ключ с другой стороны, зашла. Снеговик сидел, прилепив к своим ладоням-снежкам пивную бутылку, на полу от него уже натекла приличная лужа. Тает, сказал отец. Да, ответила я, отец подошел к батареям и что-то стал крутить, было непонятно, то ли он добавляет, то ли убавляет — да и вообще его отношение к снеговiku — замыслил ли он его растопить или хочет помочь. Когда снеговик переставал пить, было видно, что вместо рта у него небольшое углубление, дырочка — в нее-то он и заливал напитки. Будешь, спросил отец, протягивая мне бутылку и одновременно открывая ее. Нет, не пью, ответила я, ну тогда иди, он перекошил уголки рта, и я, еще раз оглянувшись на эту выпивающую компанию, вышла.

На следующий день мать говорила со мной о снеговике, воспользовавшись его отсутствием — он лепил снежный замок во дворе. Хорошо, что пошел снег, без него он впадает в депрессию, сказала она, и было видно, что она радуется. Снеговик казался очень увлеченным — он уже построил крепостную стену, сделал ров вокруг замка, и теперь приступил к строительству башен. Снег влажный, легко лепить, продолжила мать, он ведь такой ранимый, чуткий, ты знаешь, сказала она, смотря на меня. С одной стороны, мне хотелось поддержать мать, и я сказала, да, это очевидно, он вырос один, а теперь нашел друзей — правильное было бы сказать, семью, но так говорить мне было противно — с другой стороны, мне казалось диким, что после столь долгой разлуки мать ничего не спрашивает о моих делах в чужой стране, что она, недалеко уйдя от отца, ограничилась общими вопросами, сколько я получаю, что планирую делать, что мне нравится и нет на новом месте. Было очевидно, что она была по уши упрямана в своих зимних проблемах, а моими не интересовалась, а может быть, считала, что все у меня хорошо и спрашивать нечего. Ты знаешь, ведь скоро весна, сказала она, подтверждая мои мысли. Если мы не найдем способ защитить его кожу, то есть покрытие, он растает, сказала она, и было видно, чего ей стоила эта фраза, губы у нее теперь дрожали. Ну что ты, пробормотала я, пытаясь ее утешить, но собственный голос вызвал у меня недоверие. Об-

ратитесь в Лигу содействия снеговикам, посоветовала я. Но ты ведь знаешь, что в этой стране даже о людях позаботиться некому, закричала она, ты хоть думай, что говоришь-то. Возможно, она завидовала мне — считала, что я прожила несколько лет в хорошей удобной стране, в то время как они здесь мучались, сводя концы с концами и безуспешно пытаясь приютить снеговиков. Даже если они не смогут позаботиться о нем до конца жизни, то хотя бы дадут часть денег на билет за северный полярный круг, закончила я. Мать молча смотрела на то, как снеговик в приготовленном для него ведре с водой смачивает свои башни, ждет, пока они заледенеют, а потом лепит их на замок — он был так увлечен работой, что не замечал нас. Потом она сказала, билет на поезд у нас стоит копейки, и ты это знаешь, я только волнуюсь за него, чтобы всё у него было хорошо, а то уедет, как ты, и всё, пиши-пропало.

Вечером мать попросила составить ей компанию: пойти погулять в лес со снеговиком — тут же она пожаловалась на сестру, та отказывается выгуливать снеговика, ссылаясь на то, что у нее много невыученных уроков, да и он сам уже не маленький. Но если он потеряется или, хуже того, кто-то забавы ради запустит в него веткой или камнем, и никого из нас не будет рядом, она такого не переживет, объясняла мать. Слушая ее, я все больше проникалась ее чувствами: матери было нелегко, я уехала за многие километры, сестра выросла и избегала общения, пропадая с друзьями, отец задерживался на работе без видимой причины, а дома пил. Мы пойдем на ледяные горки, он их обожает, сказала мать. На горках снеговик перепробовал все возможные спуски и предпочел самый крутой и длинный, где он, чуть поджав ступни, спускался на шаре, который служил ему базой и центром туловища. Как хорошо, что ты наконец приехала, воскликнула мать, но смотрела она при этом на своего снежного друга, и мне показалось, что она радуется тому, что теперь и я могу восхититься его играми и достижениями. А правда, он очень необычный замок слепил, добавила она, заметила ли ты, что башни все разные, и расположены асимметрично. Мне хотелось сказать, что хотя замок явно удался, но меня это не волнует, я проделала такой огромный путь, чтобы увидеться с семьей, узнать о ее проблемах и новостях, рассказать о своей жизни. Но тут же я подумала, что цель приезда вполне достигнута — мало того, что я узнала обо

всем новом, что случилось, но больших новостей было бы странно ожидать — семья пополнилась новым членом, с которым мне даже удалось пообщаться. Другое дело, что я сама и события моей жизни остались на втором плане, но по сравнению с такой новостью это, наверное, и справедливо. И все-таки я чувствовала себя неловко, будто бы что-то шло не по плану, и все делали вид, что никаких изменений не произошло, тогда как дела полностью вышли из-под контроля. Я подумала о том, о чем бы мы могли говорить, если бы я вернулась в ту семью, которую знала раньше и к которой так привыкла, и задала свой вопрос, а как сестра, как ее успехи в школе. Ну какие успехи, нехотя, будто бы отвечая на скучный, ненужный вопрос, сказала мать, она, наверно, останется на второй год, пробегала с мальчиками и пропустила много уроков. А почему ты не наняла ей репетитора, сказала я первое, что пришло в голову. Ты же знаешь, что отец почти ничего не зарабатывает, и всё пропивает, объяснила мать само собой разумеющееся. Я видела, он и снеговика спаивает, не выдержала я. Дааа, с явным удивлением ответила мать, а вот с этим я разберусь. Испугавшись, что отец будет недоволен тем, что я выдала его, да и вообще понимая его ситуацию — приходится терпеть в доме постороннего снеговика — я добавила, ничего ему не будет, он ведь из снега. Мать посмотрела на меня с недоверием, а откуда ты знаешь, какое воздействие алкоголь оказывает на снеговиков. Нет, точно не знаю, замялась я, да и не так уж много живых снеговиков я видела. Не то что не много — не одного, отрезала мать. И опять, словно зачарованная, стала наблюдать за спускающимся на шаре-основании и поднимающимся снеговиком, потом посмотрела на меня: я и сама не видела живых снеговиков, и вдруг, глядя на мать, я поняла, что в ту ночь, когда он пришел к нашему дому, и в моей жизни произошло особенное событие, значение которого потому и ускользает от меня, что оно слишком велико.

Ночь я спала опять плохо, на полу было то ли холодно, то ли неудобно; сестра переписывалась с кем-то по компьютеру, хихикая и отправляя в экран поцелуи — в какой-то момент я даже подумала, что ее снимает камера, но сил вставать и проверять, так ли это, у меня не было — сестра была полураздета, и только теперь мне показалось это подозрительным. Утром, из-за плохо проведенной ночи, я не могла проснуться, и когда встала, дома никого не было, наверное, все ушли по делам. Я налила себе ко-

фе, села за стол и стала смотреть в окно, шел снег, выходить на улицу не хотелось и сложно было понять, как все остальные преодолели это чувство, оделись и пошли куда-то. Когда через несколько минут я увидела снеговика, во мне неприятно заворочалось осознание того, что он совершенно растаял в моих мыслях, я пила кофе так, будто бы дома всё было, как прежде, до моего отъезда. Я передвинула свой стул, теперь меня прикрывала штора, и снеговик, если бы даже захотел, не смог меня увидеть. Но он, казалось, позабыл обо мне и решил, что остался во дворе один — так я подумала, понимая, что он занимается чем-то странным. И это несмотря на то, что мать всячески избегала оставлять его одного — только сейчас я вспомнила, как еще рано утром она разбудила меня, попросив присмотреть за ним, и, пообещав, я тут же заснула. Понаблюдав за ним некоторое время, я поняла, что он не просто лепит из снега, как лепил раньше замок, а налепливает снег на себя. Выходило это у него с трудом и, видимо, поэтому время от времени он злился и ударял ногой в сугроб, но тут же начинал заново: руками-снежками похлопывал по себе, стараясь покрыть туловище новым снежным слоем. Длилось это долго — нижний снежный шар, служащий ему основанием, стоял, и превратился в какую-то непонятную фигуру, больше уже напоминающую куб, чем шар. Конечно, снеговик не мог, с помощью только своих рук-снежков вылепить себе новое тело, если можно так выразиться; но он старался, у него это не получалось, и казалось, что он знает об этом. В то же время теперь я стала понимать, что даже если снеговик обычно ничего не говорил и вел себя так, будто бы был лишен собственной воли, это было совсем не так. Когда он понял, что ему необходимо спасти себя, он не медлил и не ждал помощи со стороны. Я увидела, как он упал в сугроб и, надо полагать, от отчаяния стал кататься в нем — но снег не лип на него. Впечатленная этой сценой, которую никто кроме меня не мог видеть, я вдруг захотела помочь ему — одеться и, несмотря на холодную погоду, выйти на улицу и налепить на него столько снега, сколько понадобится. Но это было только первое мое желание, потому что тут же я вспомнила мать и то, как она гладила его по голове, в то время как меня даже не поцеловала в щеку. Мне хотелось, чтобы снеговик, прокатав снег до земли, наткнулся на забытые кем-то с осени острые предметы — учитывая семейную привычку не класть вещи на место, это было

вполне возможно. Прячась за шторой я смотрела на то, как он попусту растрчивает силу, внутри у меня всё промерзло, рот и горло покрылись снежинками, но я не могла оторвать взгляд — устав снеговик замер, но так и не поднимался. Он вскочил только, когда, как и я, услышал, что во двор зашли мать с сестрой — они громко кричали — снеговик, покачиваясь, встал на ноги, бегло осмотрел себя, медленно пошел им на встречу. А я вскочила со стула, бросилась в прихожую, оделась и, спрятавшись в туалете, выбежала из дома, как только мать с сестрой прошли в кухню.

Лесной дорогой я прошла к озеру — лед на нем начинал таять и плавал серыми нетонущими пятнами, наверное, потому что я не одела свой теплый свитер, а может, из-за влажности, холод колот меня. Хотелось вернуться в тепло, да я и вышла без сумки, а в то же время я понимала, что, только зайду в дом, увижу сестру, которая подсаживается или уже сидит за компьютером, мать, готовящую невкусное, только чтобы быстренько поесть, блюдо, снеговика, который толчется в доме, потому что знает, что здесь ему будут вливать в снежный пищевод горячий чай. Деревья стояли на берегу озера, как надсмотрщики над тальми льдинами — как если бы льдины были живыми и пытались выползти на свободу, в лес, а деревья своими черными ветвями готовы были раздавить их, но не дать бежать. Когда я вернулась домой, мать даже не спросила меня, где я была, наверное, не заметила моего отсутствия, а только сообщила, что хотела купить еще один холодильник, но уже стоя в очереди в кассу поняла, что снеговик все равно откажется сидеть в нем. Да, мама, это не выход, подтвердила я, но она не смотрела на меня. Он тоже заботится обо мне, сказала мать, как-то я, поскользнувшись, упала, а он наклонился и насколько было возможно протянул ко мне свои снежки, и я, опираясь на них, встала. А что мы должны делать, не выдержала я. Кто вы, переспросила мать, будто бы не поняв. Мы, я, например, или сестра, нам что делать, сказала я, но мой голос прозвучал без возмущения, и я сама уже не понимала, что хотела сказать. Ты вернешься в свою страну, сестра, если не хочет прислушиваться ко мне, уже не ребенок и может сама решать, как ей быть, ответила мать как если бы всё было проще простого. Я посмотрела на неё — сразу я не заметила, оказывается она читала книгу, Как выжить в вечном холоде, к чтению которой она и вернулась. Значит, для тебя зима не преграда к счастью, спросила я

её. Снег не напускает на тебя уныние, уточнила я свой вопрос. Знаешь — казалось, мать задумалась — с тех пор, как я живу в этом городе, я разлюбила лето, оно слишком короткое, чтобы обращать на него внимание — и она продолжила читать, я, подождав чуть-чуть, пошла к себе, точнее, в комнату сестры. Не слишком отдавая отчет в том, что я делаю, я собрала все вещи, застегнула сумку, вспомнив, что дома у меня перед отъездом взорвалась лампочка, зачем-то выкрутила лампочку в коридоре и засунула ее между своих вещей. Со сборами я управлялась быстрее, чем ожидала, и опять стала думать о том, что не смогу уснуть, буду лежать в полумыслях-полуснах часа два-три, буду мерзнуть и натягивать на себя одеяло. Не стоило мне приезжать к родителям в самые холодные месяцы, за границей я забыла, что такое настоящие зимы — друзья говорили, что снег это сказочно и только зимой можно почувствовать особую атмосферу, лучше всего передающую характер этой страны.

Утром я хотела уехать — желания разбираться в старых вещах не было, они бы потянули за собой воспоминания и те бы посыпались на меня гирляндами и свертками, развязывающимися и высыпаящимися на мою голову — и хотя я знала, что лучше всего было не тянуть с отъездом, я зашла в свою комнату. На кровати сидел снеговик, перед ним на стуле стоял горячий кофе, но он не пил, стараясь не смотреть на него, я прошла к шкафу, хлопая ногами в воде, носки сразу же промокли, когда открыла шкаф, на меня выскочил холод — внутри был установлен холодильник. Я захлопнула дверцы, выскочила из комнаты, не ища даже свои вещи, хотя некоторые из них могли бы быть мне полезны — побежала искать мать, чтобы наконец сказать ей всё, что я думаю о присутствии снеговика в доме. Матери нигде не было, но в гостиной сестра болтала с кем-то по телефону. С трудом дождавшись паузы в разговоре — сестра умирала со смеху — я спросила, где мать. А она поехала на вокзал узнавать, какие есть билеты на северные поезда, сквозь смех быстро ответила сестра. Одевшись и взяв свою сумку, я попыталась попрощаться с сестрой, но она, продолжая говорить по телефону, закивала мне, махая рукой. Я вышла и тоже поехала на вокзал, но матери там не встретила — наверное, мы разминулись в пути.

Когда за эти дни я представляла себе свой отъезд — то, как буду покупать билет, вертеть его в руках, одновременно пытаясь

не выронить сумки, покупать еду в поезд, садиться, знакомиться с соседями по купе — мне казалось, что всё это навалится на меня, заставит вернуться, позвонить в другую страну, объяснить, что я вынуждена остаться еще на некоторое время, что приеду позже — всё это только за тем, чтобы, забежав домой, пережить свой приезд второй раз, пусть и так, со снеговиком. Но теперь, заплатив немалые деньги за билет, я крепко держала его в руках — когда подошел поезд, я поскорее забралась в вагон и уселась на свое место, ни с кем не здороваясь. Смотря в окно едущего поезда, я видела только мелькающие черные ветви, словно разогретые изнутри, они, казалось, растаптывали собой снег и сочились чернотой.

На следующий день, когда я была уже далеко, я не выдержала и позвонила матери. Ну куда ты пропала, спросила она строго, но тут же рассмеялась — её смех был похож на лай запыхавшего животного. Я уехала, вспомнила, что надо было вернуться пораньше, что я плохо рассчитала дни, стала объяснять я. Это удачно, ответила мать, я тоже скоро уезжаю на север. Её слова, поначалу рассыпавшиеся в моей голове, собрались в предложение, и я поняла, что она сильно простужена и охрипла. А сестра, а отец, спросила я, хотя отъезд матери, в сущности, не был для меня неожиданностью. Они будут присматривать друг за другом, конечно, успокоила меня мать. Я ведь ненадолго, добавила она, как прибудем, пришлю тебе снежинку. Ну хорошо, спасибо, буду ждать, поправляйся, сказала я и положила трубку. И тут же подумала, что надо было бы перезвонить, спросить, где же она так простудилась, если еще даже не доехала до крайнего севера. Но когда я расплачивалась за звонок, оказалось, что в кошельке у меня не так много местных денег, и лучше было приберечь их для еды. К тому же, было очевидно, что каждое слово давалось ей с болью в горле.

Когда через несколько дней я садилась на самолет, настроение у меня было приятное, вьюжное, закручивающееся в снежные круговороты. Возвращаясь в мыслях к нашему короткому разговору, я думала, что голос у матери был веселый, хотя и говорила она с трудом, и на секунду мне показалось, что всё устраивается как нельзя лучше. В другой стране, на работе, я говорила всем, что отдыхала на юге, и на вопрос, почему так слабо

загорела, отвечала, что так как много занималась подводным плаванием.

Через несколько недель я получила большое толстое письмо. Из конверта я достала снежинку, вспомнила о матери и поразилась за неё — раз снежинка пришла, значит, всё идет по плану. Но повертев снежинку в руках, я поняла, что её можно развернуть, потом развернуть ещё раз, а потом ещё раз — в конце я раскрывала её уже с трудом, такая она стала огромная. Развернув её, как мне казалось, до упора, а точнее, до собственного изнеможения, я села на диван и уставилась на неё — она занимала всё остальное пространство комнаты. От снежинки шёл холод, но не просто свежесть — хотя и её я не очень-то люблю — а холод, какой бывает из застоявшейся морозильной камеры, с запахом чего-то протухшего, что пора бы было уже давно выбросить. Наступая на неё, борясь с ней, перескакивая через неё, отбиваясь от зимних колючек, давя с треском её кристаллы, я пыталась пробраться к выходу и одновременно звонила другу, который не брал трубку. Когда наконец он перезвонил мне, я сидела в безопасности на платформе метро, в душном запахе подземелья. Я сообщила ему, что квартиру оккупировала огромная снежинка и попросила о помощи; меня трясло, пока объясняла ему свою незавидную ситуацию под грохот проезжающих вагонов. Ночь я провела у коллеги по работе, а когда вернулась, окна в комнате были открыты нараспашку, и дождь капал на пол, но снежинки уже не было, друг — понятия не имею как — эвакуировал её. Я позвонила ему, чтобы поблагодарить, он долго молчал, потом, видимо, с большим усилием сказал так тихо, что я еле разобрала, что у него воспаление миндалевидных желез, страшнейшая ангина. Ночью хотел лечь в больницу, горло, процедил он, но врач выписал двенадцать лекарств, и теперь только на них и держусь. Выздоровливай, сказала я с участием, но за снежинку извиняться не стала — если бы она была из настоящего снега, то в бумажном конверте попросту бы не дошла.

МЕРТВЫЙ ТЕКСТ

Сьюмюэль Беккет
Опустошитель¹

Место, где бродят тела в поисках каждое своего опустошителя. Просторное настолько, что поиски могут остаться напрасными. Тесное настолько, что напрасны любые попытки побега. Оно расположено внутри сплюснутого цилиндра периметром в пятьдесят метров, а высотой в шестнадцать, для соразмерности. Свет. Его приглушенность. Его желтизна. Его вездесущность, словно около восьмидесяти тысяч квадратных сантиметров общей поверхности испускают каждый свой собственный свет. Он колеблется, мигая. Время от времени замирает, как дыхание на излете. Тогда все застывают на месте. Может быть, их пребывание здесь подходит к концу. Спустя несколько секунд все возобновляется. Воздействие этого света на ищущий глаз. Воздействие на глаз, который, ничего больше не ища, пристально смотрит в землю или поднимается к далекому потолку, где никого не может быть. Температура. Колеблется, но в более медленном ритме, между теплом и холодом. Переходит от одной крайней отметки к другой примерно за четыре секунды. Иногда на миг замирает на холоде или тепле. Это совпадает с мгновениями, когда замирает свет. Тогда все застывают на месте. Может быть, все подходит к концу. Спустя несколько секунд все возобновляется. Воздействие этого температурного режима на кожу. Она становится пергаментной. Тела, задевая одно за другое, шуршат, как сухие листья. Даже для слизистых оболочек это даром не проходит. Звук поцелуя неопишуем. У тех, кто еще пытается совокupляться, ничего не выходит. Но они не хотят это признать. Пол и стена из чего-то вроде жесткой резины. Если грохнуть по ним со всей силы ногой, или кулаком, или головой, они едва отзываются. Шаги, естественно, совершенно беззвучны. Единственные звуки, достойные

¹ Перевод с французского Е.В. Баевской. Печатается по книге Сэмюэля Беккета "Никчемные тексты" (Наука, 2003).

этого наименования, происходят от манипуляций с лестницами и от столкновения тел, а также тела с самим собой, когда оно внезапно на всем ходу бьет себя в грудь. Это что касается плоти и крови. Лестницы. Это единственные здесь предметы. Очень разные в высоту, но все до единой простые. Самые маленькие не ниже шести метров. Иногда складные, с опорой. Они как попало приставлены к стенам. Стоя наверху самой высокой из них, самые высокие в состоянии кончиками пальцев дотянуться до потолка. Поэтому его состав известен, так же как состав пола и стены. Если грохнуть по нему со всей силы перекладиной, он едва отзывается. Эти лестницы идут нарасхват. У подножия каждой всегда маленькая очередь, или почти всегда. Однако, чтобы пользоваться лестницами, нужна известная смелость. У всех не хватает половины перекладин, причем не по порядку, а как попало. Если бы не хватало каждой второй, это бы еще не беда. Но когда отсутствуют три ступеньки подряд, приходится заниматься акробатикой. Тем не менее эти лестницы идут нарасхват, и нет ни малейшей опасности, что их низведут до уровня простых стоек, соединенных сверху и у основания. Потому что потребность карабкаться наблюдается у слишком многих. Избавиться от нее — облегчение, которое мало кому дается. Выломанные ступеньки находятся в руках у горстки привилегированных. Они ими пользуются исключительно для нападения и защиты. Отдельные попытки проломить ими собственный череп приводят в лучшем случае к кратковременным потерям сознания. Назначение лестниц — поднимать искателей к нишам. Те, кто больше туда не стремится, пользуются ими, просто чтобы подняться над землей. Забираться на лестницы по двое не принято. Беглец, которому посчастливилось найти свободную, может взобраться на нее и переждать, когда утихнет ярость. Ниши, или впадины. Это углубления, выдолбленные в той же самой стене на уровне воображаемого пояса, который тянется на полдороге от пола к потолку. Так что они имеют отношение только к верхней половине. Более или менее широкий вход быстро приводит в камеры, которые бывают более просторными и менее просторными, однако в них всегда достаточно места для того, чтобы тело, сгибаясь и разгибаясь обычным образом, могло туда проникнуть и с грехом пополам улечься внутри. Они располагаются в нестрогом шахматном порядке, с точно отмеренными погрешностями, каждая сторона

равна в среднем семи метрам. Гармоничность расположения может оценить только тот, кто долго посещал все эти ниши и изучил их так основательно, что у него в голове сложилось идеальное представление об их устройстве. Вряд ли есть такой. Потому что у каждого верхолаза есть любимые ниши, а лазить в другие он по мере возможности избегает. Некоторые ниши связаны между собой туннелями, пробитыми в толще стен, такие туннели достигают порой пятидесяти метров. Но у большинства выход там же, где вход. Словно в какой-то момент начало сказываться уныние. Именно под этим углом зрения можно рассматривать существование длинного заброшенного туннеля-тупика. Горе телу, которое туда легкомысленно сунется, — после долгих усилий ему придется возвращаться ползком задом наперед, иначе никак. Эта драма, по правде сказать, — не отличительная черта именно этого туннеля как недостроенного. Стоит только посмотреть, что происходит неотвратно, когда в обычный туннель с противоположных сторон одновременно заползают два тела. В нишах и туннелях поддерживается то же освещение и тот же температурный режим, что во всем помещении. Вот краткое описание помещения.

Из расчета одно тело на квадратный метр получаем ровным счетом двести тел. Близкие и дальние родственники и более или менее добрые друзья в принципе знакомы друг с другом. Узнавание затрудняется давкой и темнотой. Под определенным углом зрения эти тела можно разбить на четыре вида. Во-первых, те, кто циркулирует безостановочно. Во-вторых, те, кто иногда останавливается. В-третьих, те, которые, если не сгонят, никогда не сходят с отвоеванного места, а когда их сгоняют, бросаются на первый же свободный клочок и снова замирают. Это не совсем точно. Потому что хотя у этих последних, или сидячих, потребность карабкаться отмерла, тем не менее иногда они непонятным образом оживают. В таком случае данная особь покидает свой пост и отправляется на поиски свободной лестницы или пристраивается к наименее длинной или наиболее близкой очереди. На самом деле искателю трудно отказаться от лестницы. Парадоксальным образом именно сидячие своей яростью нарушают спокойствие в цилиндре. В-четвертых, те, кто не ищет, или неискатели, — они, как правило, сидят у стены в позе, которая исторгла у Данте одну

из его редких бледных улыбок. Под неискателями, несмотря на пропасть, в которую это заводит, в итоге оказывается невозможно понимать что бы то ни было, кроме бывших искателей. Чтобы отчасти лишиться это понятие оттенка безнадежности, достаточно предположить, что потребность искать может воскреснуть с тем же успехом, что и потребность в лестнице, а глаза, явно и навсегда потупленные или прикрытые, обладают странной способностью вспыхивать опять среди лиц и тел. Но несмотря на это, неискателей все равно оказывается достаточно, чтобы за более или менее длительный срок в этом народце уничтожились последние остатки энергии. Изнеможение — к счастью неосязаемое, по причине его крайней постепенности и внезапных пробуждений к жизни, частично его компенсирующих, а также рассеянности заинтересованных лиц, оглушенных то страстями, которые еще их волнуют, то состоянием истомы, в которое они неосязаемо впадают. И будучи далеко не в силах представить себе, что с ними будет под конец, когда каждое тело застынет без движения, а взгляд опустеет, они дойдут до этого незаметно для себя, да так и останутся. Даже при том же освещении и температурном режиме нетрудно предугадать, что с ними тогда произойдет. Но предположим, что освещение за ненадобностью отключится, а температура упадет приблизительно до нуля. Тьма, холод, застывшая плоть. Вот в общих чертах что касается взгляда на эти тела под определенным углом зрения, а также самого этого понятия и его последствий, коль скоро такое понятие у нас принято.

Площадь внутренней поверхности сплюснутого цилиндра, периметром в пятьдесят метров и высотой, для соразмерности, в шестнадцать, в целом равна приблизительно тысяче двумстам квадратным метрам, восьмьсот из которых приходится на долю стены. Это не считая ниш и туннелей. Вездесущий слабый желтый свет, постоянно одержимый головокружительными метаниями из одной крайности в другую и обратно. Температура, подверженная аналогичным колебаниям, но в тридцать-сорок раз более замедленным, под влиянием которых она быстро падает от максимума порядка двадцати пяти градусов до минимума порядка пяти, что дает регулярное изменение на пять градусов в секунду. Это не вполне точно. Поскольку очевидно, что в крайних точках» амплитуды разница может сократиться только до одного

градуса. Но такая ремиссия длится от силы секунду. Очень редко — остановка обоих колебаний, зависящих, вне всякого сомнения, от одного и того же двигателя, и одновременное их возобновление после затишья различной длительности, достигающего максимум секунд десяти. Соответственная приостановка какого бы то ни было движения у движущихся тел и возрастающее окаменение у неподвижных. Единственные предметы — полтора десятка простых лестниц, из них несколько складных, с опорой, приставленных к стене через неравномерные промежутки. В верхней части стены по всей окружности — расположенные в шахматном порядке, для соразмерности, два десятка ниш, причем некоторые из них связаны между собой туннелями.

Постоянно проносится слух, или, вернее, имеет хождение идея о том, что существует выход. Те, которые в это больше не верят, не застрахованы от того, чтобы верить новым подтверждениям понятия, — согласно которому, пока оно сохраняется, все здесь умирает, но смертью настолько постепенной и, в сущности говоря, настолько мерцающей, что она даже ускользает от взгляда посетителя. Относительно природы выхода и его местонахождения имеются два главных мнения, которые разделяют, не противопоставляя, всех тех, кто остался верен этому древнему поверью. Для одних речь может идти только о тайном ходе, берущем начало в одном из туннелей и ведущем, как сказал поэт, в убежища, нам данные природой. Другие грезят о замаскированном люке в центре потолка, ведущем в трубу, в конце которой могут блистать солнце и другие звезды. Курс часто меняется в ту и другую сторону, и тот, кто в какой-то момент только и твердит о люке, запросто может сам себя опровергать минутой позже. Однако не менее очевидно и то, что из этих двух партий первая убывает за счет второй. Но убывает так медленно, непоследовательно, и, разумеется, столь незначительно отражаясь на поведении тех и других, что обнаружить это могут только посвященные. Такое перетекание в порядке вещей. Потому что те, которые верят в доступность выхода, берущего начало в каком-нибудь туннеле, даже если при этом они и не мечтают им воспользоваться, могут соблазниться поисками. Тогда как сторонникам люка этот демон-искуситель не страшен по той причине, что центр потолка недосягаем. Таким образом, выход неощутимо перемещается из тун-

неля на потолок, не успев оказаться никогда не существовавшим. Вот краткое описание этого поверья, такого странного и по существу, и по причине той преданности, которую оно внушает множеству одержимых сердец. Его бесполезный огонек последним покинет их, если окажется, что их ожидает тьма.

Самые высокие, стоя на верхней перекладине большой лестницы, максимально раздвинутой и приставленной к стене, кончиками пальцев могут коснуться краешка потолка. Тем же телам та же лестница, установленная вертикально в центре пола, позволяя выиграть полметра, даст возможность спокойно исследовать баснословную зону, слышущую недоступной, которая в принципе таковой отнюдь не является. Ибо такое использование лестницы вполне можно себе представить. Достаточно было бы двух десятков добровольцев, решивших объединить усилия, чтобы удерживать ее в равновесии с помощью, если понадобится, других лестниц, которые выполняли бы функцию подпорок. Братское единение. Но это последнее, даже если забыть о вспышках ярости, так же чуждо им, как бабочкам. И дело не в нехватке мужества или ума, а в идеале, снедающем каждого из них. Это что касается того неприкосновенного зенита, где, по мнению любителей мифологии, скрывается выход с земли на небо.

Употребление лестниц регулируется соглашениями, источник которых неизвестен, а своей определенностью и тем, что требуют от верхолазов безусловного повиновения, они скорее напоминают законы. Есть проступки, которые обрушивают на виновного коллективную ярость, удивительную в существах в своей массе столь мирных и обращающих друг на друга так мало внимания во всем, что не имеет отношения к главному делу. Другие, напротив, почти не нарушают всеобщего равнодушия. Это на первый взгляд весьма любопытно. Все основано на запрете взбираться на одну лестницу более чем по одному. Пока тот, который ею пользуется, не спустится на землю, лестница остается под запретом для следующего. Бесполезно даже пытаться представить себе неразбериху, которая возникла бы, если бы этого правила не было или если бы оно не соблюдалось. Но поскольку оно создано для всеобщего удобства, не может быть и речи о том, чтобы оно функционировало без ограничений, или о том, чтобы оно позво-

ляло бестактному верхолазу удерживать у себя лестницу сверх разумных пределов. Потому что если этого как-то не обуздать, тот, кому придет в голову фантазия поселиться в нише или в туннеле, оставит за собой неиспользуемую лестницу вообще навсегда. А если его примеру последуют другие, что неизбежно, то в итоге сто восемьдесят пять тел верхолазов, за вычетом победивших, никогда больше не смогут оторваться от земли. Не говоря о том, как нестерпимо было бы наличие оборудования, которое никак не используется. Итак, было решено, что спустя определенный срок, который трудно выразить в цифрах, но все умеют его определить с точностью до секунды, лестница снова освобождается, то есть поступает на тех же условиях в распоряжение следующего верхолаза, которого легко распознать по его месту в голове очереди, а кто допустил злоупотребление, тот пускай пеняет на себя. Положение этого последнего, утратившего свою лестницу, в самом деле щекотливо, и может показаться, что возможность для него когда-либо вернуться на землю исключается априори. К счастью, рано или поздно ему это все-таки удастся благодаря другому установлению, согласно которому в любых обстоятельствах спуск имеет приоритет перед подъемом. Таким образом, ему остается только караулить у выхода из своей ниши, пока вблизи не окажется лестница, а затем преспокойно ступить на нее в уверенности, что тот внизу, который собирается или уже начал подниматься, уступит дорогу. Худшее, что ему грозит, это долгое ожидание подходящей лестницы. В самом деле, тот, чья очередь наступила, редко хочет подняться в ту самую нишу, что и его предшественник, причины самоочевидны и могут быть изложены в любое время. Итак, он, а за ним и очередь, вместе со своей лестницей уходит в другое место и устанавливает ее под одной из пяти ниш, остающихся в его распоряжении, поскольку такова разность между числом этих последних и числом лестниц. Возвращаясь к несчастным, не уложившимся в срок, очевидно, что шансы на быстрый спуск будут расти, хотя далеко не вдвое, если благодаря туннелю тело имеет в своем распоряжении две ниши, возле которых можно караулить. Правда, даже и в этом случае тело чаще всего, а если туннель длинный, то и всегда предпочтет сделать ставку на одну из двух ниш, опасаясь, как бы лестница не оказалась вблизи в тот момент, когда оно будет на пути от одной ниши к другой. Но лестницы служат не только для

того, чтобы добираться до ниш и туннелей, и те, кого это больше не интересует, хотя бы временно, пользуются ими просто для того, чтобы подняться над землей. Они взбираются вверх и останавливаются на той высоте, какую выберут, и чаще всего устраиваются стоя лицом к стене. Этой категории верхолазов тоже случается превышать предписанные сроки. В таком случае предусмотрено, чтобы тот, к кому переходит лестница, поднялся к виновнику и одним или несколькими ударами в спину вернул его к действительности. Большого и не требуется, чтобы этот последний поспешил спуститься следом за своим преемником, которому потом остается только вступить во владение лестницей на обычных основаниях. Такая уступчивость нарушителя ясно показывает, что проступок был совершен неумышленно, но в силу временного сбоя его внутренних песочных часов, что легко понять и соответственно простить. Вот почему эта провинность, впрочем, не столь частая, как со стороны тех, кто поднимается к нишам и туннелям, как и со стороны тех, которые останавливаются на лестнице, никогда не влечет за собой вспышек гнева, приберегаемых для несчастных, которые, когда подходит их очередь, вздумают подниматься до истечения срока и чья поспешность, между прочим, могла бы, кажется, получить объяснение, а следовательно, и прощение с тем же успехом, что противоположная крайность. Это в самом деле любопытно. Но имеется основной принцип, запрещающий подниматься больше чем по одному, и постоянное пренебрежение этим принципом быстро превратило бы цилиндр в ад крошечный. В то время как запоздалое возвращение на землю вредит в конечном счете только опоздавшему. Вот краткое изложение кодекса верхолазов.

Перемещение тоже происходит не как попало, а всегда вдоль стены в направлении всеобщего движения по кругу. Это такое же суровое правило, как запрет подниматься больше чем по одному, и его нарушение не сулит ничего хорошего. И это более чем естественно. Потому что, если во имя сокращения пути разрешить беспрепятственно носить лестницы сквозь толпу или даже вдоль стены, но в обоих направлениях, жизнь в цилиндре скоро станет невозможной. Поэтому для переносчиков лестниц предусмотрена вдоль всей стены дорожка шириной около метра. Там же размещаются те, которые ждут своей очереди на подъем и должны из-

бегать вторжения на арену как таковую, стараясь держаться как можно ближе к соседям по очереди и прижиматься спиной к стене, занимая как можно меньше места.

Любопытно отметить, что на дорожке, сидя или стоя спиной к стене, присутствует некоторое количество сидячих. Хотя для лестниц они практически мертвы и создают помехи как для переноски лестниц, так и для ожидания, тем не менее их терпят. Дело в том, что эти своеобразные полумудрецы, среди которых, кстати, представлены все возрасты, внушают тем, кто еще суетится, если не поклонение, то во всяком случае некоторое почтение. Те дорожат этим как почестями, которые им полагаются по праву, и болезненно чувствительны к малейшему недостатку уважения. Сидячий искатель, на которого наступили, вместо того чтобы через него перешагнуть, может взорваться и перебудоражить весь цилиндр. Равным образом прижимаются к стене и четыре пятых побежденных, как сидя, так и стоя. На этих можно наступить, и они не среагируют.

Наконец, следует отметить, как стараются искатели на арене не вторгаться в пространство, отведенное верхолазам. Если, устав от бесплодных поисков в толпе, они поворачиваются к дорожке, то медленно продвигаются по воображаемой кромке, так и пожирая глазами тех, кто там находится. Их медленный хоровод в направлении, противоположном переносчикам лестниц, создает вторую дорожку, еще более узкую, и в свою очередь большинство искателей ее придерживается. При надлежащем освещении, если смотреть сверху, это похоже на два тонких кольца, вращающихся в противоположных направлениях вокруг кишения в центре.

Из расчета одно тело на квадратный метр получаем равным счетом двести тел. Тела обоего пола и всех возрастов от старости до малолетства. Грудные младенцы, которые, когда им больше не нужно сосать грудь, ищут глазами, сидя на коленях у старших или на земле, на корточках, в позах, необычных для столь нежного возраста. Другие, немного постарше, передвигаются на четвереньках и ищут под ногами у других тел. Живописная деталь: женщина с седыми волосами, похоже, еще молодая, в забытьи

притулилась к стене, глаза закрыты, руки машинально прижимают к груди малыша, а тот выгибается и норовит повернуть головку и посмотреть, что там у него за спиной. Но таких, совсем маленьких, очень мало. Никто не смотрит просто так, туда, где никого не может быть. Потупленные или прикрытые глаза означают забытьи и принадлежат только побежденным. Эти последние, которых с большой точностью можно было бы пересчитать по пальцам одной руки, не обязательно хранят неподвижность. Они могут блуждать в толпе и никого не видеть. Физически они ничем не отличаются от тел, которые еще упорствуют. Эти последние их узнают и пропускают. Они могут ждать у подножия лестниц, а когда подходит их очередь, забираться в ниши или просто подниматься над землей. Они могут ползать на ощупь по туннелям в поисках неизвестно чего. Но обычно они скованы забытьем, пригвождающим их к одному и тому же месту в одной и той же позе. Чаще всего именно поза, для которой характерна крайняя сутулость как у тех, кто сидит, так и у тех, кто стоит, позволяет отличать их от сидячих искателей, пожирающих глазами каждое проходящее тело, пускай при этом головы их не совершают ни малейшего движения. Эти же сидят или стоят, прижавшись к стене, кроме одного, которого оцепенение застигло прямо на арене, где он стоит посреди беспокойных. Эти последние его узнают и стараются не беспокоить. Они постоянно подвержены резким приступам глазной лихорадки, точно так же, как те, которые, отказавшись от лестницы, внезапно снова за нее хватаются. Точно так же справедливо, что в цилиндре то небольшое, что возможно там, где ничто не возможно, обращается в ничто и даже в целом менее того, коль скоро у нас принято такое понятие. Вдруг ни с того ни с сего глаза вновь принимаются искать с таким же остервенением, как это было в непредставимый первый день, но потом без какой бы то ни было видимой причины вдруг опять закрываются, а голова падает на грудь. Словно от большой кучи песка, защищенной от ветра, каждые два года по три песчинки убавляют и по две добавляют, коль скоро у нас принято такое понятие. Если у побежденных еще есть куда идти, то что говорить об остальных и каким словом их назвать, кроме красивого слова «искатели». Одни из этой далеко не самой многочисленной категории никогда не останавливаются, разве только чтобы дожидаться лестницы или покараулить возле ниши. Другие

время от времени ненадолго застывают в неподвижности, не переставая искать глазами. Что касается сидячих искателей, то эти больше не циркулируют, прикинув и рассчитав, что имеют больше шансов, оставаясь на месте, которое себе отвоевали, и если они больше почти не поднимаются в ниши и в туннели, то это потому, что слишком часто поднимались туда напрасно или потому, что у них произошли там слишком неудачные встречи. Возникает вполне разумное искушение видеть в этих последних будущих побежденных и настойчиво требовать и ждать от тех, которые циркулируют без передышки, чтобы рано или поздно все они кончили тем же, чем кончают те, которые иногда останавливаются, а от этих последних равным образом — чтобы они кончили на положении сидячих, а от сидячих — чтобы они превратились в побежденных, а от двухсот побежденных, полученных таким образом, — чтобы каждый из них без исключения рано или поздно в свою очередь окончательно превратился из побежденного в настоящего оцепеневшего, застывшего на своем месте и в своей позе. Но если присвоить этим категориям порядковые номера, то опыт показывает, что из первой категории возможно перейти в третью, пропустив вторую, и из первой — в четвертую, пропустив вторую, или третью, или обе из них, а из второй — в четвертую, пропустив третью. И наоборот: изредка, причем каждый раз на все более недолгий срок, не до конца побежденные возвращаются в состояние сидячих, наименее надежные из которых, всегда одни и те же, в свою очередь могут опять поддаться лестничному соблазну, пускай даже по-прежнему не подавая признаков жизни на арене. Но больше никогда не будут неустанно циркулировать те, которые совершают периодические остановки, не переставая одновременно искать глазами. Следовательно, в час начала, непредставимого, как и конец, все, вплоть до грудных младенцев, которые, правда, передвигались на руках у взрослых, блуждали без остановки и передышки, за исключением, естественно, тех, которые уже ждали у подножия лестниц, или караулили, вжавшись в ниши, или застывали в туннелях, чтобы лучше слышать, и блуждали таким образом очень долгое время, которое невозможно выразить в точных цифрах, и только потом первый из них замер в неподвижности, за ним второй и так далее. Но что касается положения вещей на данный момент, если зафиксировать количество тех не сдавшихся, которые неустанно

ходят взад и вперед, никогда не давая себе ни малейшей передышки, и тех, которые время от времени делают остановки, и сидячих, и так называемых побежденных, то можно ограничиться утверждением, что на текущий момент, с точностью до одного тела, несмотря на давку и темноту, первые в два раза более многочисленны, чем вторые, которые втрое более многочисленны, чем третьи, которые вчетверо более многочисленны, чем четвертые, то есть на всех про всех пятеро побежденных. Широко представлены родственники и друзья, не говоря о просто знакомых. Давка и темнота затрудняют идентификацию. Приведем в пример только самые близкие родственные отношения — муж и жена не узнают друг друга на расстоянии в два шага. Пускай они даже подойдут друг к другу еще немного ближе, настолько, чтобы быть в состоянии коснуться друг друга, и, не останавливаясь, обменяются взглядом. Если они и припомнят друг друга, со стороны это не заметно. Что бы они ни искали, это явно что-то другое.

Что первым делом поражает в этой полутьме, это исходящее от нее ощущение желтизны, чтоб не сказать сернистости, учитывая возникающие ассоциации. Затем то, что она постоянно и равномерно вибрирует с такой частотой, которая, будучи высокой, никогда не превосходит уровня, делающего пульсацию незаметной. И наконец, более чем изредка и на очень короткое время пульсация прекращается. Эти редкие и короткие перерывы оказывают невыразимо трагическое воздействие, и это еще очень мягко сказано. Беспокойные от них застывают, словно их пригвоздили к месту, в позах, зачастую диких, а что до побежденных и сидячих, то их обычная неподвижность выглядит просто смехотворной по сравнению с этим удесятренным оцепенением. Уже занесенные под воздействием ярости или отчаяния кулаки застывают в какой-то точке кривой и не довершают удара или серии ударов, пока не пройдет тревога. То же самое и с теми, которые были застигнуты, когда карабкались или несли лестницу, или занимались любовью, что, конечно, неисполнимо, или забились в ниши, или ползли по туннелям, каждый по-своему, но не будем вдаваться в ненужные подробности. Однако секунд через десять дрожание возобновляется и в тот же момент все вновь приходит в порядок. Те, которые блуждали, вновь начинают

блуждать, неподвижные расслабляются. Парочки вновь замыкают объятия, а кулаки приходят в движение. Шум, который затих было, словно повернули рубильник, теперь вновь заполняет цилиндр. Из всех составляющих этого шума ухо в конце концов начинает различать слабое стрекотание, которое исходит от самого света, оно одно остается неизменным. Разница между крайними значениями силы света при вибрации не превосходит двух-трех свечей. Вследствие чего к ощущению желтого добавляется более слабый оттенок красного. Короче, освещение, которое не только затемняет, но и вдобавок еще и размывает. Ничто не мешает утверждать, что глаз в конце концов привыкает к этим условиям и приспособляется к ним, хотя на деле скорее происходит обратное, что проявляется в форме медленной деградации зрения, постепенно разрушающегося из-за этого туманного и колеблющегося красного отблеска и непрерывного усилия, никогда не достигающего цели, не говоря о чувстве отчаяния, сказывающемся на органе зрения. И если бы удалось в течение достаточно длительного времени тщательно наблюдать за определенной парой глаз, лучше всего синих, поскольку они более подвержены пагубным воздействиям, обнаружилось бы, что они все сильнее вылезают из орбит и наливаются кровью, а зрачки неуклонно расширяются, пока окончательно не вытеснят радужную оболочку. Все это, разумеется, происходит так медленно и неощутимо, что сами заинтересованные лица ничего не замечают, коль скоро у нас принято такое понятие. И мыслящему существу, хладнокровно рассмотревшему все данные и факты, в самом деле нелегко в итоге своего анализа не счесть ошибкой то, что вместо термина «побежденные», который в самом деле имеет неприятный патетический оттенок, речь не ведется просто о слепых. Наконец, отрешаясь от первых неожиданностей, в этом освещении еще то необычно, что, хотя отнюдь не удастся обнаружить один или несколько источников света, видимых или скрытых, создается впечатление, что свет этот исходит со всех сторон сразу, а его источник располагается всюду одновременно, будто светится все место в целом, включая частички циркулирующего в нем воздуха. До того доходит, что даже лестницы — и те, кажется, скорее излучают свет, чем поглощают его, так что чуть ли не само слово «свет» начинает выглядеть неуместным. Тени соответственно возможны только, если их создают неосвещенные тела, нарочно

или вынужденно прижимаясь одно к другому, например, когда на какую-нибудь грудь, чтобы загородить ее от света, или на какой-нибудь половой орган кладут непрозрачную руку, ладонь которой тоже сразу же исчезает из виду. Между тем у верхолаза, который находится один на лестнице или забрался в недра туннеля, вся кожа без изъятия мерцает тем же красно-желтым свечением, вплоть до известных складок и углублений, в той мере, в какой в них попадает воздух. Что касается температуры, она колеблется в намного более широком диапазоне и с гораздо менее высокой скоростью, поскольку она не меньше чем за четыре секунды переходит от минимума, равного пяти градусам, к максимуму в двадцать пять градусов, то есть меняется в среднем всего лишь на пять градусов в секунду. Значит ли это, что каждую новую секунду происходит подъем или падение температуры ровно на пять градусов, не больше и не меньше? Не совсем так. Потому что ясно, что в два определенных момента, а именно, в верхней и в нижней точке диапазона, а именно начиная от двадцати одного градуса в нисходящем направлении и от четырех градусов в обратном, этот интервал пройден не будет. Итак, только в течение от силы семи секунд из тех восьми, за которые осуществляется полный цикл, тела подвергаются максимальному режиму смены нагревания и охлаждения, что дает, однако, в этой области, если прибегнуть к сложению, или, еще лучше, к делению, итоговое число от двенадцати до тринадцати лет частичной задержки в столетие. Поначалу есть нечто настораживающее в относительной медлительности этого челночного движения, если сравнивать его с вибрацией света. Но анализ быстро рассеет эту настороженность. Потому что, если хорошенько подумать, разница учитывается не между скоростями, а между разницей в их изменении. Если бы разницу в изменении температуры можно было приравнять к разнице в несколько свечей, имея в виду силу света, тогда оба воздействия, *mutatis mutandis*, оказались бы равносильными. Но цилиндру бы это не помогло. Так что все к лучшему. Тем более что оба бедствия роднит то, что если внезапно прервется одно, то и второе, повинувшись незримому волшебству, прервется тоже, словно оба связаны с существующим где-то одним и тем же единственным коммутатором. Потому что только внутри цилиндра все очевидно, а снаружи сплошная тайна. Таким образом, тела испытывают то жару, то прохладу, то среднюю темпе-

ратуру, и каждый из этих режимов может продлиться вплоть до десяти секунд, но это не может считаться передышкой, поскольку в других отношениях напряжение не спадает.

Дно цилиндра можно разбить на три различные зоны, имеющие точные мысленные, или воображаемые, то есть неуловимые физическим зрением, границы. Прежде всего, внешний пояс шириной приблизительно в метр, отведенный верхолазам, в котором, как это ни смешно, держится также большая часть сидячих и побежденных. Затем внутренний пояс, слегка поуже, там медленно шествуют гуськом те, кто, устав от поисков в центре, обратился к периферии. Наконец, собственно арена, представляющая собой поверхность ровным счетом в сто пятьдесят квадратных метров, это излюбленные охотничьи уголья большинства. Если присвоить этим трем зонам порядковые номера, станет ясно, что из третьей во вторую и обратно искатель переходит свободно, тогда как, чтобы проникнуть в первую, как, впрочем, и чтобы из нее выйти, он должен соблюдать некоторые ограничения, налагаемые дисциплиной. Один из тысячи примеров царящей в цилиндре гармонии между порядком и вседозволенностью. Итак, доступ в пространство верхолазов разрешен только, когда один из этих последних оттуда уходит и присоединяется к искателям на арене или в виде исключения к искателям промежуточной зоны. Покушения на это правило происходят редко, но случается тем не менее, что какой-нибудь особо нервный искатель больше не в силах устоять перед призывом ниш и туннелей и пытается затесаться среди верхолазов, не дождавшись, пока кто-либо из этих последних своим уходом узаконит для него эту попытку. В таком случае ему неотвратимо даст отпор ближайшая к месту вторжения очередь, и тем дело кончится. Итак, в обязанности искателя на арене, желающего примкнуть к верхолазам, входит дожждаться удобного случая среди промежуточных, или искателей-караульщиков, или просто караульщиков. Это что касается доступа к лестницам. В другую сторону переход тоже не является неограниченным, и, оказавшись среди верхолазов, караульщик некоторое время там находится, пускай как минимум на тот в разных случаях очень разный срок, который нужен каждому, чтобы перейти из хвоста своей очереди в ее голову. Потому что если у каждого тела есть право карабкаться или не карабкаться,

согласно своему желанию, то есть у него и неуклонная обязанность отстоять до конца добровольно избранную очередь. Всякая попытка покинуть ее преждевременно решительно пресекается участниками очереди, и нарушителя возвращают на его место в строю. Но едва он доходит до подножия лестницы и ему остается только дожждаться возвращения на землю предшественника, чтобы завладеть лестницей самому, тут заинтересованное лицо получает право беспрепятственно присоединиться к искателям на арене или, в виде исключения, к караульщикам из второй зоны. Соответственно именно первые в очереди способны освободить столь страстно желаемое место, которое караулят искатели из второй зоны, сменяемые жадной перейти в первую. Объекты этого их ожидания перестают быть таковыми только в тот момент, когда реализуют свое право на лестницу, вступив во владение ею. Потому что нередко верхолаз может добраться до головы очереди с твердым намерением подняться и увидеть, как это намерение мало-помалу тает, а вместо него возникает желание уйти, но решиться на это трудно до самого последнего момента, когда его предшественник уже спускается и лестница фактически уже принадлежит ему. Следует отметить также, что верхолаз, имея возможность покинуть очередь сразу по достижении ее головы, не обязан при этом покидать зону. Чтобы остаться, он должен лишь присоединиться к любой другой очереди среди четырнадцати имеющихся в его распоряжении или даже вернуться на последнее место своей собственной. Но редко бывает, во-первых, чтобы тело покидало свою очередь, а во-вторых, чтобы, покинув ее, оно не покидало зону. Итак, в обязанности верхолазов входит оставаться в зоне по меньшей мере на то время, которое требуется для перемещения из хвоста в голову выбранной очереди. Продолжительность пребывания зависит от длины этой последней и от того, как долго лестница остается занята. Некоторые пользователи держат ее до самого конца максимально разрешенного срока. Другим хватает половины или любой другой доли этого времени. Таким образом, короткая очередь не обязательно самая быстрая, и тот, кто занял очередь десятым по счету, может оказаться первым раньше, чем другой, занявший свою очередь пятым, считая, разумеется, что они присоединились к своим очередям одновременно. Неудивительно в таких условиях, что выбор очереди определяется обстоятельствами, не имеющими ничего

или почти ничего общего с ее длиной. Нельзя сказать, чтобы все, или хотя бы большинство, выбирали себе очередь. Скорее существует тенденция сразу вставать в ту очередь, которая ближе к пункту проникновения, при обязательном условии, что это не повлечет за собой перемещения в запрещенном направлении. Для того, кто вступает в эту зону, ближайшая очередь расположена справа, если стоять вперед лицом, а если она ему не по вкусу и он желает встать в другую, он должен идти на поиски вправо. Существует запрет проходить более одного круга, иначе тела в этих условиях, прежде чем займут место в хвосте какой-нибудь очереди и замрут в ожидании, пробегали бы по арене тысячи градусов. Всякая попытка преступить этот запрет пресекается ближайшей от точки замыкания очередью, а нарушителю вменяется в обязанность присоединиться к этой очереди, потому что вернуться назад он также не имеет права. То, что разрешается совершить один полный круг по арене, достаточно наглядно свидетельствует о духе терпимости, смягчающем дисциплину внутри цилиндра. Но как только место в очереди, выбранной или первой попавшейся, занято, остается все та же обязанность отстоять ее до конца, и только после этого можно перейти к верхолазам. Таким образом, первый переход возможен в любой момент между достижением головы очереди и возвращением на землю предшественника. Остается уточнить в этой связи ситуацию тела, которое, отстояв свою очередь, и пропустив первую возможность перехода, и осуществив свое право на лестницу, возвращается на землю. В этот момент оно опять свободно уйти без каких бы то ни было дополнительных действий, хотя, с другой стороны, ничто его к этому не вынуждает, и, чтобы остаться у верхолазов, ему достаточно повторно простоять на тех же условиях очередь, которую оно только что простояло, и получить повторную возможность уйти, как только оно окажется на первом месте. А если по той или иной причине оно сочтет предпочтительным сменить очередь и лестницу, оно имеет право, с целью зафиксировать свой выбор, совершить полный круг на тех же основаниях, что и только что пришедшее тело, и приблизительно на тех же условиях, с той только разницей, что, поскольку оно уже раньше отстояло до конца одну очередь, теперь на этом новом этапе оно свободно в любой момент покинуть зону. И так далее до бесконечности. Откуда теоретически возможность для тех, кто уже находится среди

верхолазов, остаться там постоянно, а для тех, кто еще не там, никогда туда не попасть. Отсутствие какого-либо установления, направленного на предупреждение подобной несправедливости, ясно показывает, что она не грозит воцариться на вечные времена. В самом деле. Ведь страсть искать по природе своей понуждает искать повсюду. Тем не менее падкому на свободное место караульщику ожидание может показаться бесконечным. Подчас, не в силах больше терпеть и вдохновленный долгим отсутствием, он отказывается от лестницы и уходит искать на арену. Вот в общих чертах на какие зоны делится пол и каковы права и обязанности тел при переходе из одной в другую. Сказанное не исчерпывает всего и никогда не исчерпает. Каким принципам очередности должны следовать караульщики, желающие воспользоваться первым же освободившимся местом у верхолазов, учитывая, что их очередь занять позицию готовности не может быть установлена ни в порядке очереди, поскольку саму очередь среди них установить невозможно, ни другим способом? Не следует ли опасаться перенасыщения промежуточной зоны, и каковы будут последствия этого для совокупности тел и особо для тех, что находятся на арене, отрезанные таким образом от лестниц? За более или менее длительный срок не придет ли цилиндр в беспорядок, управляемый исключительно законом ярости и насилия? Ответы на эти и многие другие вопросы еще понятны и дать их нетрудно, но надо ли. Поскольку лишь искушение лестницей может нарушить неподвижность сидячих, их случай не представляет собой ничего особенного. Побежденные, по всей очевидности, в этом отношении в расчет не идут.

Воздействие здешнего климата на душу тоже нельзя недооценивать. Но она страдает от этого безусловно меньше, чем кожа, все защитные механизмы которой, от пота до гусиной кожи, ежесекундно испытывают нагрузку. Тем не менее кожа продолжает защищаться, без особого успеха конечно, но успешнее глаза, которому даже при наилучших на свете намерениях трудно, когда предел его возможностей будет исчерпан, не предречь слепоту. Потому что будучи в своем роде тоже кожей, не считая входящих в его состав жидкостей и век, он имеет только одного противника. Это иссушение оболочки, которое во многом лишает наготу очарования, придавая ей серый цвет, и превращает естест-

венную сочность плоти, прижимающейся к другой плоти, в шуршание крапивы. Это распространяется даже на слизистые, что было бы не так страшно, если бы не затруднения, которые вытекают из этого для любви. Но даже с этой точки зрения зло не столь велико, поскольку эрекция в цилиндре наблюдается редко. Хотя она все же происходит, а за ней и проникновение, более или менее удачное, в ближайший канал. Согласно закону вероятности, таким образом изредка удастся совокупиться даже супругам, хотя они и не отдают себе в этом отчета. В подобных случаях любопытно наблюдать мучительные и безнадёжные забавы, которые длятся намного дольше, чем у наиболее искусных любовников в спальне. Дело в том, что у каждого и каждой присутствует острое сознание того, какой редкостный случай им выпал и как маловероятно его повторение. Но и здесь наблюдается напряжение и смертельная неподвижность в позах, доходящая подчас до непристойности, когда вибрации останавливаются, и все это на протяжении всего времени, пока длится кризис. Еще более любопытно наблюдать в этот момент, если бы они не были так плохо видны, все эти ищущие глаза, которые застывают по ходу дела и вперяются в пустоту или в вечную мерзость других глаз, и как тогда одни глаза вливаются в другие взглядами, которые должны были избегать друг друга. Нерегулярные перерывы между такими отключками, достаточно длинные для того, чтобы для этих беспомысленных все каждый раз оказывалось словно впервые. Откуда всякий раз та же бурная реакция, словно конец света наступил, и то же короткое удивление, когда отшумит двойная гроза и они опять начинают искать, не испытав ни облегчения, ни даже разочарования.

Если смотреть с земли, стена по всей окружности представляет собой сплошную поверхность. Однако ее верхняя часть испещрена нишами. Этот парадокс объясняется природой освещения, вездесущность которого, не говоря о его слабости, смазывает шероховатости. Никогда не видано, чтобы нишу искали глазами снизу. Глаза поднимают редко. А если поднимают, то к потолку. Пол и стены не запятнаны ни единой отметиной, которая могла бы служить опознавательным знаком. Лестницы ставят всегда на одни и те же места, а ноги следов не оставляют. Удары кулаками и головами по стенам тоже. Если бы были отметины, их нельзя

было бы разглядеть из-за освещения. Верхолаз, который несет свою лестницу, чтобы поставить ее в другом месте, делает это на глазок. Редко он ошибается больше чем на несколько сантиметров. Ниши расположены таким образом, что максимально возможная ошибка не превышает метра или около того. В силу его страсти проворство его таково, что даже такой зазор не мешает ему ни попасть в выбранную или на худой конец любую другую нишу, ни выбраться из нее, хотя встать на лестницу, чтобы спуститься вниз, труднее. При всем том север существует в форме побежденного, или, вернее, побежденной, или, еще вернее, одной конкретной побежденной. Она сидит у стены, подтянув к себе ноги. Голову она уронила в колени, руками обвила ноги. Левая рука держится за правую ногу, а правая рука за левое предплечье. Рыжие волосы, поблекшие от освещения, падают до земли. Они прячут лицо и всю переднюю часть тела, включая промежность. Ноги скрещены, левая впереди. Она и есть север. Именно она, а не какой-нибудь другой побежденный, потому что она неподвижнее всех. Кто в виде исключения нуждается в точке отсчета, может ее использовать. Такая-то ниша для верхолаза, мало склонного к излишним акробатическим упражнениям, может находиться в стольких-то шагах или метрах к востоку или к западу от этой побежденной, хотя он, естественно, даже мысленно не называет ее ни так, ни как-нибудь еще. Само собой, лица прячут только побежденные. Однако не все. Некоторые сидят или стоят высоко держа голову и довольствуются тем, что больше не открывают глаз. Разумеется, запрещено прятать лицо или любую другую часть тела от искателя, если он попросит посмотреть, а кроме того, искатель может, не опасаясь сопротивления, отвести руки от плоти, которую они прикрывают, и поднять веки, чтобы осмотреть глаза. Есть искатели, которые приходят к верхолазам, не собираясь карабкаться, а с единственным намерением с близкого расстояния осмотреть того или иного побежденного или сидящего. Таким образом, волосы той самой побежденной много раз приподнимали и отводили в сторону, и приподнимали ей голову, и обнажали лицо и всю переднюю часть тела вплоть до промежности. По окончании осмотра принято аккуратно восстановить все в прежнем виде, насколько это удастся. Своего рода мораль требует не делать другому того, что причинило бы страдание, если бы исходило от него по отношению к тебе. Это пред-

писание строго исполняется в цилиндре в той мере, в какой от него не страдают розыски. Эти последние обратились бы в насмешку, не будь возможности в случае сомнения проверить некоторые детали. Прямое вмешательство для их прояснения происходит только применительно к личности побежденных и сидячих. В самом деле, сидя лицом или спиной к стене, эти последние обычно видны только с одной стороны и соответственно подвергаются переворачиванию. Но там, где происходит движение, как то на арене или у караульщиков, и существует возможность обойти кругом объекта, в этих манипуляциях нет никакой необходимости. Случается, конечно, что одно тело вынуждено бездвигать другое тело, чтобы получить возможность заняться им определенным образом, подробно осмотреть отдельный участок, найти, например, шрам или родимое пятно. Наконец, следует отметить неприкосновенность в этом отношении тех, кто стоит в очереди за лестницей. Вынужденные из-за нехватки пространства жаться друг к другу во время длительного периода, они доступны для обзора только частично, отдельными местами, и то вперемешку. Горе отважному, захлестываемому страстью, который посмеет поднять руку на самого ничтожного из них. Вся очередь набросится на него, как единое тело. Эта сцена по жестокости превосходит все в подобном роде, что может произойти в цилиндре.

И так далее до бесконечности, пока ближе к непредставимому концу, коль скоро у нас принято такое понятие, вялые, с перебоями, поиски не будут вести последний оставшийся. На первый взгляд ничто не отличает его от других тел, застывших сидя или стоя в безвозвратном забытии. Прилечь, вытянуться во весь рост здесь, в цилиндре, есть нечто неслыханное, и в этой утешительной для побежденных позе им здесь навсегда отказано. Лишение, которое частично объясняется недостатком места на полу, на каждое тело от силы один квадратный метр, каковое может быть дополнено только за счет пространства внутри ниш и туннелей. Так или иначе, зажатость этих иссохших тел, вынужденных беспрестанно задевать друг друга и одержимых отвращением к контактам, никогда не доходит до своего естественного предела. Но упорное продолжение двойной вибрации наводит на мысль, что в этом старом месте не все еще пока устроено наилучшим образом.

И вот в самом деле медленно выпрямляется последний, если это мужчина, и через какое-то время вновь открывает выжженные глаза. У подножия лестниц, беспорядочно прислоненных к стенам, не ждет больше ни один верхолаз. В темных отблесках потолка по-прежнему хранит свою тайну зенит. Вокруг старика-побежденного из третьей зоны лежат, прижавшись к земле скрюченными торсами, только такие же оцепеневшие, как он сам. Малыш, еще обнимающий седую молодую женщину, уже неотличим от ее колен. Рыжая голова понурилась уже до последнего предела, так что спереди виден затылок. И вот он — если это мужчина — вновь открывает глаза и через какое-то время прокладывает себе дорогу до этой первой побежденной, которую так часто принимали за точку отсчета. Став на колени, он отводит в сторону тяжелую массу волос и приподнимает голову, не оказывающую сопротивления. На изможденном лице, таким образом, становятся видны глаза, которые без труда открываются с помощью больших пальцев. В эти спокойные пустыни он погружает свои на какое-то время, пока и первые, и последние не закрываются, и голова, которую он отпустил, не возвращается на прежнее место. Сам он в свою очередь спустя время, которое невозможно выразить в точных цифрах, находит наконец свое место и опускается на него, вслед за чем наступает темнота и в то же время температура устанавливается около нуля. В тот же момент затихает вышеупомянутое стрекотание, что создает внезапную тишину, которая громче всех этих слабых дуновений вместе взятых. Вот в общих чертах последнее состояние цилиндра и этого маленького народца искателей, первый из которых — если это был мужчина — когда-то в непредставимом прошлом наконец впервые понурил голову, коль скоро, конечно, у нас принято такое понятие.

Рихард Гюльзенбек
Доктор Биллиг дошел до точки²
[отрывок]

То, что случай из ряда вон выходящий, видно сразу, как бы ты к жизни ни относился. Вполне возможно, что ты служащий, получаешь жалование в размере 3000 марок, должен содержать жену, нажил с ней троих детей (двух девочек и одного мальчика) и в политическом отношении придерживаешься либеральных взглядов. Отнюдь не просто вдруг взять и изменить идущую своим чередом жизнь — жена грозит тебе всеми средствами своей замызганной души, дети хнычут (папочка! папулечка!), а начальнику плевать на твои интеллектуальные запросы — ты, может быть, уже тысячу раз собирался это сделать, и всякий раз тебя охватывал страх; но однажды, однажды и для тебя, дорогой, придет час, который ты со всей своей непредсказуемой сентиментальностью назовешь своим «звездным часом»: ты увидишь, что жизнь, и в особенности твоя жизнь, — никчемна, жестока и представляет собой непрерывную борьбу за то, чтобы сделать себя и все вокруг как можно хуже. И ты этому даже не удивишься. Для столь важного «открытия» ты найдешь подходящее место в своем буржуазном «вероисповедании» и вернешься к традиционной форме поведения: «Где мой кофе?!» или «Оставьте отца в покое, не мешайте читать газету!» Физиономия у тебя блестит, как натертый мастикой паркет, а на сытом твоём живом трупe болтаются штаны. Но позднее, когда-нибудь, может быть после бутылочки портера или рейнского, ты вспомнишь о тех минутах, когда знал о жизни больше и обладал, так сказать, «живым» сознанием. Проститутки с длинными ногами покажутся тебе вдруг привлекательными, а белый дом — белым животным, лошадьёю невиданной масти. Ты будешь изрыгать проклятия, жрать и снова сквернословить — жизнь опять возьмет над тобой верх.

Д-р Вальтер Биллиг чувствовал себя так же, и все же совсем иначе. Нужно обладать определенным интеллектом, чтобы испы-

тывать отвращение от того, что люди обращаются к тебе «г-н доктор». Хозяйка квартиры делает это по расчету, нищий тоже по расчету, официальные органы — по глупости, а люди — из равнодушия. «Минуточку, г-н доктор!» — кричит кто-то на улице. Биллиг оборачивается. Он очень раздражен. Оказывается, это хромой зовет горбатого. Оба они ненавидят жизнь и свою крюкою готовы поубивать всех детей на улице. Но титул удерживает их от этого, и доброе безумие наталкивается на него, как на препятствие. Титул для них — похоть и публичный дом одновременно, он помогает коротать время и заменяет жену. Биллиг, занимающийся такими вещами без постороннего участия, все понимает и мчится прочь. Он мчится по улицам, которые становятся для него объектом, на котором можно выместить зло, он наталкивается на трамвай, спотыкается о лошадей переполненных конок и наконец оказывается в вагоне третьего класса подземки, где плюхается на лавку, усталый и озлобленный. По чистой случайности он добирается до своей квартиры, где хозяйка, завидя его, раздвигает ноги и язвительно смеется. Он чувствует себя так, словно попал в один из рассказов По, в котором герой с искаженным лицом, задыхаясь, мечется по ночному Лондону, его окружает толпа омерзительных идиотов, он с трудом из нее вырывается, вспоминает сны в которых он с изуродованной рукой был вынужден сражаться против гигантов, мчится дальше, спотыкается падает и рыдает. Хозяйка, постоянно пытающаяся играть роль матери, наставляет: «Послушайте, милый доктор! Вы могли бы вести правильный образ жизни — нужно только научиться сочетать работу с удовольствием. Ах, такой симпатичный молодой человек, и такой скучный». Биллиг дальше не слушал. Он чувствовал себя фетишистом, падким на нижнее белье и работающим лишь по совместительству адвокатом А.У.К.Са. Он копался в большом платяном шкафу, занимающем всю самую широкую стену комнаты: материализация самых невероятных духов, белый лес с редкими молотоглавами, ледяной грот со священными огнями, грозящими превратиться в извергающийся вулкан. «Что такое кожура, если под ней нет фрукта? — сказал осел. — Что такое белье, если под ним нет женщины?»

«Всякое может быть» — подсказывает сумеречное состояние сознания, «все возможно, если есть фантазия. Как Афродита вышла из пены морской, так и женщина появляется из нижнего бе-

² Перевод с немецкого С.К. Дмитриева. Печатается по книге "Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кельне: Тексты, иллюстрации, документы" (Республика, 2002).

ля. Возникающие очертания ее тела говорят больше, чем жест руки. Ее тело раскрывает передо мной чертовски подвижные ландшафты, в которых нет более застылых форм. Платья облегают формы, складки поют». Экстаз д-ра Биллига продолжался четверть часа, после чего он быстро сорвал с себя одежду и занялся гимнастикой по системе Мюллера. Он распахнул настежь окна — сады стояли в цвету. Где-то драли ребенка, доносился голос бранящейся женщины. Хозяйка постучала в дверь, когда Биллиг уже надел рейтузы. «Послушайте, Вы такой молодой человек — и такой вялый. Вам, действительно, нужно лучше организовывать свою жизнь, г-н доктор». Биллиг, занимающийся такими вещами без постороннего участия, умел молчать. Такое затруднительное положение могло кого угодно привести в отчаяние, но Биллиг был человеком героическим. На кухне ему попался на глаза отрывной календарь, на котором большими красными буквами было написано «Анни». Он вспомнил, что Анни — это хозяйская дочь, и одновременно подумал о другой Анни — пятилетней кобыле, которую его друг Галлиус выставил сегодня для участия в скачках. Моментально было принято решение, созрел план. В трамвае Биллиг встретил д-ра Ормана, который только что вернулся из свадебного путешествия и с воодушевлением рассказывал о своей новой квартире. Слушая его, Биллиг злорадно улыбался. Это настолько Ормана озадачило, что он умолк и постарался как можно глубже «зарыться» в складки своего дорожного костюма. Биллигу встретила также кокетка Китти, которая в свое время воспитала говорящую собаку и у которой дома над кроватью красовался диплом, свидетельствующий о том, что какой-то важный комитет имеет честь удостоить ее звания первоклассного собаководы. Биллиг смеялся до слез, когда вспоминал об этом необычном явлении. Кроме того, он повстречал старшего официанта мистера Уэнгса, у которого до войны в Манчестере был мыловаренный заводик — после войны он какое-то время вел вольготную жизнь, а теперь зарабатывал себе на пропитание тем, что продавал из-под полы хлебные карточки. Он попытался запихнуть Биллигу на ходу что-то в карман, чтобы сделать его своим должником, но это ему не удалось. Поезд, идущий до ипподрома, был переполнен настолько, что руки, ноги и головы пассажиров торчали из всех окон. В большом ящике из волнистой жести надрывались свистки. Машина произвольно вы-

пустила пар и превратила все вокруг в невиданную баню. Биллиг отчетливо слышал плескание купающихся, а потом в воду упал тяжелый предмет, громко шлепнувшись о гладкую поверхность воды. Люди завопили от страха. После долгих поисков Биллигу удалось пристроиться в багажном отделении, для чего пришлось какой-то толстой бабе дать под дых. Поначалу в вагоне было темно, но вскоре глаза привыкли к полумраку. Наглый мальчишка в школьной фуражке без умолку насвистывал «Крепитесь, держитесь, ревет ураган», пока Биллиг, который был уже на грани помешательства, не дал ему пинка под зад. Ребенок в ужасе вскрикнул, словно увидел перед собой убийцу. Мамаша стала нагнетать на Биллига остальных пассажиров, обвиняя его в том, что он грубый и необразованный человек. «Да, строят тут всем рожу интеллигентного человека, а чуть что, так сразу набрасываются на маленьких детей. Эмиль, детка, свисти, если тебе хочется. Никто не имеет права запрещать другому свистеть. Если господину не нравится, то пусть едет в другом вагоне».

На задней лавке рядом с ящиком, похожим на гроб, сидели два человека, которые тут же встали на сторону Биллига. Это были Лилли и Фриц, гениальная танцевальная пара из «Винтергартена». Но Биллиг побоялся апеллировать к ним, так как знал, что при первой же возможности они попросят у него взаймы денег. Дышать стало нечем, и ничего против этого сделать было нельзя. Все сидели как в склепе, освещаемом факелами — спичками, от которых прикуривали сигары. Ипподром Биллигу очень понравился. Зеленые лужайки действовали на него умиротворяюще — в блаженной истоме можно было рассматривать платья женщин, которые двигались так, словно хотели продемонстрировать свою бурную энергию. Но потом наверху зазвонил колокол, и Биллиг отправился искать Такахаша, жокея д-ра Галлиуса. Такахаша был от рождения японцем, то есть его мать не могла, конечно, отрицать свое берлинское происхождение. Отец же был родом из местечка у подножия Фудзиямы. Такахаша, как собрание клише всех японских характерных особенностей, был достоин восхищения. Он стоял, скрестив ноги, курил «Мэриленд» (Галлиус доставал «Мэриленд», рискуя жизнью, но чего не сделаешь, чтобы у «малыша» было хорошее настроение) и улыбался, улыбался такой чертовски злобной улыбкой, что Биллиг, памятуя о традиционной подлости японцев, повернулся и

быстро ушел. Еще долго до него доносился ехидный смех этой маленькой обезьяны: «Хи-хи-хи». «Странно, что тебя так волну-ет, насколько все эти люди преисполнены злобы, ненависти и отвращения, — сказал сам себе Биллиг. — А ведь раньше, когда Такахаша был еще совсем маленьким мальчиком-жокеем и работал в манеже, я часто давал ему 5 марок на чай». Кто-то сзади сильной рукой похлопал Биллига по плечу, словно собирался сказать «Именем закона...», но это оказался Галлиус, залитый солнцем, с маленьким букетиком в петлице, в великолепных серых брюках и сером цилиндре, произведшем фурор на всех спортплощадках Старой Англии. «Вы уже видели Анни?» — спросил он с удивительной уверенностью в голосе. «Вы выглядите как светский лев, и у Вас прекрасное настроение, — сказал честный и сентиментальный Биллиг, вспомнив о всех муках, препятствиях и обстоятельствах, приведших его в конечном итоге на ипподром. — Пойдемте, я покажу Вам Анни — Вы сами убедитесь, в какой она форме». Они вошли в конюшню, где мальчики убирали навоз и приводили в порядок упряжь. Атмосфера была как в теплице. На толстых балках горели и коптили керосиновые лампы. «Вот она», — сказал Галлиус. В его голосе слышался триумф, и краска, вспыхнув на щеках, поползла на виски и достигла корней волос. Это действительно была лошадь редкой красоты, каурая, каждый мускул играл, линия шеи напоминала изогнутый стебель большого тропического цветка, бабки были тонки и изящны, как у нюрнбергской детской игрушки. В глазах ее сверкала ненависть, и ноздри нервно дрожали. «Вы когда-нибудь видели, — спросил Галлиус, — как такое животное переходит на галоп? Оно вытягивает вперед, навстречу ветру, шею; его грудь вздымается, как нос корабля, разрезающего тяжелые морские волны. Потрясающе, с какой энергией оно преодолевает сопротивление воздуха. Все происходит легко и непринужденно, как будто все усилия — всего лишь повод; может быть, оно вообще не бежит, подумаете Вы, мой дорогой, может быть, это Земля под ним вращается в обратном направлении. А оно лишь пританцовывает, чтобы сохранить равновесие». «Лошади вообще больше похожи на людей, чем обезьяны, — заметил Биллиг, подумав о Такахаше. — О да! (Галлиус снова воодушевился. Он непрерывно дергал себя за свою французскую бородку.) Нужно видеть, как лошади умирают. Это все равно что судить о достоинстве чело-

века по тому, как он ведет себя перед смертью. Лошади умирают как герои — это удивительно». Биллиг подумал о живодерне, скотобойне и колбасе из конины. Настроение у него вдруг испортилось. Он вспомнил о кишках, вывалившихся из живота лошадей, которых он видел в Мадриде и Барселоне. За своей спиной он услышал легкие шаги. Ему показалось, что это Такахаша, и его охватило такое омерзение, что он в сердцах плюнул, чуть не попав на белоснежные полотняные вставки парусиновых ботинок д-ра Галлиуса. Воздух почему-то стал тяжелее; и прежде чем появились первые признаки грозы, по коже побежали грозовые разряды. Потом вдруг распространился запах — сильный аромат цветов, причем такой интенсивности, что сомнений не было — рядом цветочная оранжерея. Но затем Биллиг понял, еще до того как обернуться, что все его расчеты неверны. Все его философские соображения и их комбинации рухнули. Наступило мгновение желательной катастрофы. Он почувствовал нежный запах кожи, приглушенный запах пота, пахло живой плотью и надутым нижним бельем. Без сомнения, где-то поблизости была женщина. «Ах, Марго! — закричал Галлиус, форсировав свой восторг. — Какая неожиданная радость, что ты пришла, да еще в конюшню, чтобы посмотреть, как я работаю». При этом он тщательно сложил свои нежно-фиолетовые перчатки, которые держал в левой руке, поглубже воткнул галстучную булавку с бриллиантом, а его пальцы скользнули как тень по белоснежной поверхности рубашки. Марго в ответ улыбнулась. С улыбкой она приходит и уходит, принимает участие в семейных торжествах, рождает и в конце концов умрет. Улыбка ни к чему не обязывает и в то же время провоцирует на высказывание своей точки зрения — это лучшая форма поведения опытного делового человека. Улыбка ставит нас в неудобное положение — по натуре мы меланхолики и завалены кучей дел. Но у кого найдется время, чтобы противиться улыбке. Марго улыбается, и Биллиг начинает таять. Он становится настолько мягким, что, обращаясь к ней, говорит: «Милостивая государыня...»

Это была бывшая любовница д-ра Галлиуса, иностранка из «Монико», обладающая всеми повадками элегантной международной кокетки. В начале войны, чтобы избежать всевозможных трудностей, она вышла замуж за эльзасца по фамилии Бурмеестер, преуспевавшего на поприще спекуляции кожаными изде-

лиями. Теперь он был в Швейцарии, где прогуливал с женщинами свои тысячи, — субъект, про которого говорят, что он родился под счастливой звездой. Время от времени он присылал меню из ресторана «Бор о Лак» в Цюрихе или «Поженен», программы варьете из Женевы или Лозанны. Марго воспринимала все, что она говорит, как само собой разумеющееся и не допускающее возражений. Для нее не существовало третьего года войны, но был расцвет элегантности, благополучия, богатства тела и духа. Гранаты, разрывающие в клочья тела, были для нее основой существующей культуры. Их нужно было хвалить. Они делали мир более ярким. У Бурмеестера был остренький, торчащий животик, вокруг которого можно было повязывать галстук. Его фигура была словно создана для того, чтобы вызывать известный гомерический смех. Марго не могла показываться с ним в обществе. К тому же у него были светлые обвислые усы, словно их только что обмакнули в кружку с пивом — инкарнация душ всех саксонских учителей. Он громко разговаривал и даже переходил на крик, если был взволнован, ужасно потел в жару и имел дурную привычку вытирать носовым платком шею. Рядом с ним Галлиус выглядел юношей с изящными манерами, приобретенными в результате блестящего воспитания в детстве. Галлиус был изысканно элегантен и не потел — он принадлежал к тем людям, которые раз и навсегда отучили себя потеть. Он был счастливым владельцем трех комнат и огромного английского гардероба, сохранившегося еще с довоенных времен. Его коллекцией шляп восхищались самые опытные знатоки; кроме того, у него было 163 трости, как у Эрнеста из «Жёнесс». Но Марго смеялась над ним. Она обращалась с ним, как с лакеем, и он с этим мирился. Она была почти на голову выше сентиментального д-ра Биллига и вела себя соответствующе. Биллиг вспомнил о кокотке из «Фоли-Бержер», гигантше в белом атласном платье, которая, когда у нее было дурное настроение, вполне могла бы, подобно античной проститутке-садистке, душить мужчин голыми руками. Если Такахаши вытягивался во весь свой рост, то доставал как раз до ее белых блестящих бедер. На этом уровне стояли прожекторы, свет которых неожиданно падал на лица удивленных и повергал их в состояние странного оцепенения. Марго улыбалась. Биллиг видел ее азиатскую улыбку, ее распушенные первобытные инстинкты и ловил себя на воспоминаниях о чувствах, апогеем которых была

сенсация убийства. «Как смешно и глупо с моей стороны», — сказал Биллиг. В это время подошел Такахаши и попросил сигарету. У него был звонкий, высокий голос — при этом он картавил и шепелявил.

«Хотите посмотреть других лошадей?» — спросила Марго. Биллиг кивнул — ему было все равно, куда с ней идти. Она пробудила в нем воспоминания; он вспомнил о своих путешествиях, в памяти всплыли истории, которые он, как фантастические эскапады, тщательно хранил в кладовых своего мозга. «Биллиг — ты просто чинуша, ни два ни полтора. Дешевка и буржуа», — обзывал сам себя Биллиг. Он сжимал кулаки, метался по кровати и почти плакал, вспоминая об Анжелине, очаровательной кокотке, с которой познакомился в Венеции. Он пытался определить границы собственной индивидуальности — без всякой озлобленности и не прилагая никаких усилий воли. В те дни он жил как среди привидений. Вот появилась пышногрудая из Мадрида: *Yo t'adamo mio bondo* («Я тебя обожаю, мой толстячок»), Вот в Барселоне прямо рядом с ним застрелили Маргариту, в то время как он длинной ложечкой ел сорбе. А путешествие на пароходе в Африку в ожидании черной жары вместе с мулаткой, с которой по многим причинам нельзя было показаться в кафе «Де Дом». Уродливые растения пробивались из щелей деревянных полов его комнаты и прорастали между пальцами, из помойных ведер в туалете неслись запахи болот мангровых лесов. «Эта женщина была средоточием всех сказочных переживаний, осуществлением всех желаний неугомонного буржуа», — несло в голове Биллига. Марго улыбалась. Она сильными руками подхватила Такахаши и посадила на лошадь. Пойдемте, Биллиг, я покажу Вам остальных лошадей». На обнесенной забором лужайке маленькие мальчики водили лошадей по кругу. «Видите ли Биллиг, — сказала Марго низким грудным голосом (она даже не сказала «ah, que c'est joli!»), - я прихожу сюда только для того, чтобы полюбоваться на лошадей, — игра на бегах нагоняет на меня скуку. Переживать, трястись от страха, потеть, чтобы в лучшем случае выиграть пару сотен, - это удовольствие для плебеев». Галлиус ходил вокруг, пытаясь обратить на себя внимание, но она продолжала говорить, даже не взглянув в его сторону. «Хотите верьте, хотите нет, но я безумно люблю лишь лошадей и книги. Лошади наводят меня на мысль о бегстве, семнадцатом веке, элегантности

всякого рода. Ах, посмотрите на эти мускулы — я смотрела бокс в цирке в Париже, — я люблю бои, когда много крови, — билеты страшно дорогие, как вы знаете, и там ты только среди своих, — но mon dieu, лошадь — это спокойное, изысканное представление, совершенное произведение искусства, полнейшее наслаждение». Галлиус покашлял: в этот момент мимо проводили Анни. За ней на кривых ногах бежал Такахаша. [...]

— потом Анни — Вы увидите.

Галлиус многозначительно улыбался. «Voilà», — сказала Марго, которая заметила кого-то в толпе. В толчее можно было рассмотреть широкие разочарованные лица жен бургеров, которые «и в этот раз позволили себе удовольствие», но на протяжении всего времени не могли отделаться от мысли о цене, которую заплатили за входные билеты. Здесь были спекулянты всех мастей, сотрудник тайной полиции, которого видно за версту, с типичным лицом протестантского рантье и незакрученным зонтом. Сын учителя народной школы, который воспользовался возможностью пощеголять в офицерской форме и выгулять свои боевые кресты. Биллиг стоял как громом пораженный — в толчее он потерял из виду шляпу Марго. «Боже мой, — пробормотал он, — что же я буду здесь без нее делать?» Галлиус заметил, что Биллиг взглядом обыскивает толпу. Какой-то болван, один из тех, кто малейшее проявление чувств способен превратить в поток слов. «Удивительная вещь эта военная жизнь, — сказал он, — сможет ли кто-нибудь все это описать; определенные общественные требования возросли, бестия торжествует». «Вы сами, видимо, пишете», — сказал Биллиг из вежливости, продолжая высматривать Марго, белое платье которой время от времени мелькало в толпе. «О, Вы шутите, мой дорогой, — сказал Галлиус, — я думал, что у меня есть талант, но когда есть возможность читать и понимать наших великих... Собственно — что Вы имели в виду?» Биллиг все больше и больше нервничал. «Скажите-ка, Галлиус, кто эта необыкновенная женщина?» Галлиус тут же начал хвастаться своим романом с ней, рассказал, как они полгода жили вместе в Швейцарии — он говорил даже о ее бедрах; встав при этом в позу международного развратника, он свистнул сквозь зубы. «Где Вы с ней познакомились?» — «Она выступала в варьете — называла себя Боден — Мелитта Боден — ах, у нее странная судьба — я с удовольствием бы Вам рассказал, если бы не мой долг хра-

нить это в секрете, — Вы понимаете, что по отношению к даме, которая целиком и полностью доверилась мужчине, существуют определенные обязательства». Биллиг содрогнулся от омерзения. Он заметил, что его лайковые перчатки лопнули, и он снял их, разодрав еще больше, — Галлиус тем временем в ожидании улыбался. Теперь [...] ...черные волны из шляп и зонтов устремились вперед, послышались приглушенные крики. Потом подул сильный ветер. Он низко пригнул ветки деревьев и сорвал в буфете со столов скатерти. Снова прозвенел колокол — на этот раз коротко и многозначительно. «Старт! — сказал Галлиус. — Еще десять минут, и Вы увидите, как бежит Анни». Он отвел Биллига в сторону и разоткровенничался. «Послушайте, — сказал он, — от этой лошади зависит все мое будущее и благополучие моей семьи. Умоляю Вас, поставьте три раза по сто на Анни, она придет первой — Вы сделаете хороший гешефт и поможете другу в тяжелую минуту». Но так как Биллиг не обращал ни на что внимания и, вытянув шею, продолжал высматривать Марго, он продолжил: «Боже мой, не убивайте меня, сжальтесь над моею судьбою».

архив

Дада в Кельне

Ганс Арп
Дадамакс

Его тело стало ему мало.

По крайней мере двенадцать раз в день он освобождается от своих старых привычек.

Он заживо замуровывает в стену буквы.

При помощи маленькой паровой машины приводит в движение страхи.

Будучи вождем революции морских коньков, он возмущается поведением Хагенбека. Из его мощных стен арок и навесов вздымает тикающее колесо неба.

Он мешает куклам высидывать яйца.

А если между двумя аннатомиями натянуть канат то под ним выдадут унылый деревянный сюртук в котором его матушка требует чтобы он отпробовал вкусного мяса умершего батюшки. мне это не по вкусу я предпочитаю кусочек птичьего трупа отвечает он. во время этого *dejeuner sur l'herbe* он еще не подражал редкой форме булимии мудрых увешанных бубенчиками отцов пчел с длинными бровями и галлапетрами.

Начиная с детского возраста он пускает изо рта гигантские шары цветного воздуха. В пустоте они завязываются тоненькими ниточками и мочатся. из них через шланг с юмором сочится большое человеческое сердце. После автодидактической жизни с *dito* торжественно змееголовым он откладывает несколько яиц и восклицает *ceterum cenceo expressionismum esse delendum*.

При помощи полюсов своего эго цветочных веревок петушиных гребешков и выпущенного лисами дурно пахнущего воздуха ему удастся закупорить горизонты.

Потом надев шляпу из водопроводных труб он садится на диван из пемзы и изобретает известный попугайский *geroussoir*. Для этого он берет одного мамая и толчет его в ступке до тех

пор, пока мамая не отделяется от попугая и не выделяются гитовы в виде кашицы, получившееся он намазывает на горящий оброч, дав тягу при поддержке мышки милосской он обшивает лужайку и заливной луг маленькими могилками мяукающих черных львов сколоченных стадами из углей в желтую полоску времен целующихся парашютов полученные на охоте раны карлики губки макаев в мешках бороды бутылок в шелковых платьях шпунты в мраморных животах освещающие погоду приходы полные золоченых повозок дураков игры мышц на дне долины.

Он дует еще раз в шлаковидный охотничий рог из слоновой кости и ретуширует южную рыбу (*piscis australis*) вместе со звездой первой величины (формальная кожаца стоит намного южнее звезды маркаб в правом углу трапеции).

И вот уже в течение многих лет он наслаждается покоем в струях своего фонтана.

Иоганнес Теодор Бааргельд
Да здравствует насилие

*Акушеру пролеткульта,
товарищу Луначарскому*

Скоро это произойдет.

Скоро мы сможем сказать, что испробовали все.

Ты будоражил города. Напрасно. Ты копался во всех складках их одеяний, где бродят, булькая, упадок и грязь. Напрасно.

Ты никогда не был более убедительным, чем в кабаках предместий, где алчность пожирала страждущих.

Где между сортирами и борделями тебе предлагали рюмку водки и вонь дешевых кабаков.

Был ли ты когда-нибудь ближе кому-то другому?

Его лицо ты впервые разглядел в Минотурисе. От Техаса до Индианаполиса ты шел по его следам, как кобель бежит за сучкой.

Ты знал его запах, не зная его самого; ты знал его руку, которую он равнодушно вытягивал для приветствия, не будучи с ним знаком.

С каждым шагом ты узнавал о нем все больше и больше, с каждым шагом тебе открывалось что-то новое.

Я встречал тебя тогда на дорогах, идти по которым мы тысячу раз зарекались и на которых оказывались вновь и вновь.

И ты рассказывал, ты смеялся над самим собой: в низовьях Рейна вы якобы вместе бродили по дорогам, ты и он.

В мрачных городах Нижнего Рейна вы пили и буянили, ты и он. Вы вцеплялись друг в друга со страстным желанием изнасиловать.

А потом каждый опять пошел своим путем. Отправлялся на поиски! Умора! Ты отправлялся искать, и он отправлялся искать. Кого-то.

Теперь ты вновь увидел его лицо, эту бадью твоих жалких потребностей. Да, ты знаешь его запах, не зная его самого.

А так, так должна, видимо, выглядеть его рука, которую он протягивает для приветствия. И наконец,

Наконец, ты орешь во все горло: Здесь, в Техасе, в Минотурисе, в городах мрачного низовья Рейна, был ли я всегда таким?

Я слышу, как ты кричишь. Да, ты всегда был таким, только ты был таким; я говорю это твоей жестокости, которая зовется любовью.

Я отвечаю так всякому насилию, которое проклинает то, что оно творит по отношению к самому себе. Но нам пока нельзя любить друг друга...

Но скоро будет можно.

Скоро мы сможем сказать, что испробовали все, и мы будем знать, что это так.

Моря борются друг с другом до тех пор, пока Тихий океан их не утопит в себе. Об этом мы уже говорили, другие отыграли в это еще раньше.

Но это произойдет, между тем вы будете проклинать себя за то, что уже отыграли. А мы будем вас заставлять, заставляя, даже если вы будете покорно соглашаться.

В океанской долине уже собрались трансатлантические пароходы.

Но мы отберем у вас больше; мы обещаем мало, но и в этом случае не знаем, сдержим мы свое обещание или нет.

Мы изгоним из вашего мира красоту и благородство. Как вы можете говорить о мире, вы, отдающиеся, как женщины.

Небесный цвет давно стек в пустые фабричные трубы Европы.

О колокольни церквей, как бездомный пес, трется бесцветный небосвод.

На Востоке никто больше не призывает к молитве. Минареты Востока покосились.

Купола Востока катаются на спине. На Востоке сцепились земля и воздух!

Мы не делаем тайны из насилия, мы — насильники!

Там, где прошли мы, может вырасти только новое, потому что от старого не осталось ничего, что бы мы пощадили.

Да, скоро это случится. Очень скоро.

**Иоганнес Теодор Бааргельд
Маккаб в Кельне/ К матерям**

??Пояснение к настроению??

Будьте бдительны! Не верьте никому! Не верьте глазам своим. Среди вас скрываются агенты тайных союзов - не верьте самим себе. Повсюду подозрительные идеи и эпидемии чувств. Никто не в безопасности! Прежде всего от самого себя!

Граждане! Берегите то, что у вас есть. Не поддавайтесь на заманчивые предложения вашего сердца. Забаррикадируйте ваши чувства. Держитесь за собственность. Ваш злейший враг - это дух. Это настырное, неуловимое, неимущее существо покушается на ваш покой и ваше счастье собственника. Защищайтесь, обороняйтесь, запирайтесь. Не позволяйте духу вторгаться в вашу простую и двойную бухгалтерию. Собственность свята. Не шутите, когда речь идет о деньгах. И вы, distinguished поклонники авторитета власти, униженные мелкие буржуа держитесь за надежную власть собственности - даже если у вас никакой собственности нет. Защищайте собственность, собственность священна. Накопление и владение - вот высший смысл жизни нормального человека. Нормальный человек, будь бдителен! Вокруг эпидемии. Родился Христос. И этот Христос - коммунист.

Он повсюду - среди бедных, калек, чиновников и прижатых к стене. Его, говорят, видели даже среди социал-демократов. Он

по-прежнему такой же опасный, неисправимый идеалист, каким был 2000 лет назад. Как и прежде, он не дает фарисеям покоя. Христос среди социалистов, среди социалистических фаворитов капитала. А они, трясаясь от страха, исподтишка пытаются с ним бороться, они - тайные пособники благонамеренных буржуа. Граждане, будьте осторожны: а то, чего доброго, еще испачкаете свой чистенький, уютенький бюргерский домик; вы же еще новички в стране буржуазии. Представьте себе:

Христос и секретарь профсоюзов, Христос и социалистический редактор - названия передовиц в "буржуаземократической" прессе. Что делает коммунистический идеалист среди своих врагов? Призывает возлюбить врага своего? На эту удочку уже ни один осмотрительный политик не клюнет. Так что же идеалист там делает? Он не должен забывать, что однажды уже изгонял из храма торгашей и спекулянтов, пособников фарисейства!

Граждане Гуттаперчи, защищайте вашу священную собственность!! На свет появился Христос, и этот Христос - коммунист.

Луи Арагон

Вы можете избавиться...

Через три дня вы можете избавиться от своей привычки глотать поэзию, продлевать свою жизнь и улучшать здоровье. Никакого больше расстройства желудка, никакого запаха изо рта, никаких сердечных болей. Верните себе жизненные силы, успокойте свои нервы, посмотрите трезво на вещи и укрепите силу своего духа. Если вы глотаете поэзию в прозе или стихах или отравляете себя философскими сочинениями, которые опаснее чумы, тогда спросите в магазине мою книгу, представляющую интерес для всех больных, а больны вы все. Нет, это правда. Налейте вашу мочу в стеклянную баночку, и вы увидите.

Иоганнес Баадер

Почему евреи ненавидят Дада

Недовольные плебеи ополчились против Дада, тянувшегося к их опухшим глоткам. Загляните в рот еврея, чтобы узнать, чем он питается. Артистичная молодежь в военных сапогах. Марширующие художники, отрицающие общество кретинов и отцов.

Заткнитесь и слушайте!

Государство, семья, школа. Структуры без будущего. Ад и рай архаичного убожества. Без традиции как без революции. Нация обезумевших домашних животных. Вопли и обильное слюноотделение как последний рубеж существования. Экспрессионизм дырявого сознания.

Дада против юности! А значит и против вас!

Гуляющие по вечернему Кельну толстые евреи – живущие за колючей проволокой или обитатели зоопарков. Выбирать не следует не из чего. Стрельба с закрытыми глазами. Популяция диких пасынков, презирающих жизнь и простые методы. Смысл отрицания в приближении конца.

Заткнетесь и слушайте! Вопросы в сторону! Народ грезит новым Дада. Отребье старых поэтов – под танки! Музыка истерик и милитаризма. Собирайтесь! Дада не будет ждать! Начинайте скабливать с лица свои дурацкие ухмылки.

Буржуазная мораль и свободный досуг. Какая чушь! Наша свобода в кармане еврея. После которого не останется ничего. Традиция, разрушающая ваше будущее. Невыносимое Дада! Дада как дурная закольцованность, пища скользких змей.

Недоумки, поднявшие провинциальные рыла в предвкушении гуманного убийства. Насилие, противостоящее убийству. С манжет капает кровь. Вот ваши изысканные манеры.

Вспомните о войне! Дада призывает взяться за оружие. Или немедленно дезертировать. Это одно и то же.

Желание умереть и в следующий миг родиться вновь. Баррикады строятся сами собой. Болваны ждут. Дада ждать не будет.

Мы завоюем весь Земной шар и наконец расправимся с тобой, мерзкий биологический атавизм, спрятавшийся в кармане еврея.

Франсис Пикабия
Манифест каннибалов Дада

Вы все на скамье обвиняемых. Встаньте! С Вами можно разговаривать, только когда Вы стоите. Стоите так, словно слушаете Марсельезу, национальный гимн России или God save the king.

Стойте так, словно перед Вами знамя. Или Дада, означающий жизнь и обвиняющий Вас в том, что Вы любите из снобизма только то, что дорого стоит.

Мы снова сели? Тем лучше, потому что теперь Вы сможете слушать меня более внимательно.

Что Вы здесь делаете, сидя в переполненном зале как кильки в бочке, — Вы же серьезные люди, не так ли? Серьезные, серьезные, серьезные до самой смерти. Смерть — вещь серьезная, правильно?

Умереть можно героем или идиотом — результат один. Единственное слово, представляющее собой большую ценность, чем стоимость суточного бюджетного набора рабочего и его семьи, — это слово «смерть». Вы любите смерть, которой умирают другие.

A mort! Убивайте их, пусть они все сдохнут! Не умирают только деньги, они утекают.

Деньги — это Бог! Ему поклоняются, он — серьезная личность, перед ним стоит на коленях вся семья. Да здравствуют деньги. Да здравствует человек с деньгами! Он человек достоин почтенный.

Честь продается и покупается, как — задница. Задница олицетворяет собой жизнь, как олицетворяет ее pommes frites³, а Вы со своей серьезностью воняете хуже коровьего дерьма.

Что касается Дада, то он не пахнет и ничего не означает. Да, ничего. Абсолютно ничего.

Дада — ничто, как Ваши надежды

ничто, как Ваш рай

ничто, как Ваши идолы

ничто, как Ваши политические вожди

ничто, как Ваши герои

³ Картошка, жаренная в масле (фр.).

ничто, как Ваши художники

ничто, как Ваши религии.

Свистите, орите, набейте мне морду — а что от этого изменится? Я все равно буду говорить, что Вы — тупые бараны, и буду продавать Вам наши картины за пару франков.

Жорж Рибмон-Дессень
К публике

Прежде чем мы к Вам снизойдем, чтобы повырывать Вам гнилые зубы, поотрывать шелудивые уши, вырвать Вам Ваш чечоточный язык -

Прежде чем мы переломаем Вам Ваши поганые кости -

Прежде чем мы вскроем Ваши катарные легкие, чтобы использовать их в качестве удобрения для повышения урожайности в сельском хозяйстве, удалим Вашу заплывшую жиром печень, Вашу пролетарскую селезенку и пораженные диабетом почки -

Прежде чем мы конфискуем у Вас Ваши отвратительные половые органы, безнравственные и дегенерирующие -

Прежде чем мы отобьем у Вас аппетит ко всему прекрасному, к сахару, философии и метафизическо-математическо-лирическому салату из огурцов

Прежде чем мы обмакнем Вас в серную кислоту, чтобы очистить и облагородить

Прежде чем мы это сделаем

Мы хотим принять антисептическую ванну

Хотим сказать Вам:

Мы - великие подлые убийцы всех Ваших мелких новшеств

И, наконец, как поется в замечательной песне: ки-ки-ки-ки-ки-ки-ки -

Посмотрите на любимого Бога, как он скачет верхом на соло-
вье -

При чем тут мерзость и красота

Мадам твоя рожа воняет сутенерством

Утром

Потому что вечером ее можно назвать иначе - попочкой ангела, больного дерматомиозитом

Мило, не правда ли?

Adieu, мой друг!

(Дадаистское толкование и перевод Вальтера Меринга)

polaroid

Роберт Чалдини
Причина смерти: неуверенность⁴

Все началось с «рядового» убийства в районе Квинс в Нью-Йорке. Тридцатилетняя женщина, Кэтрин Дженовезе, была убита поздно ночью в марте 1964 года на своей улице, когда возвращалась домой с работы. Известие об убийстве не может не взволновать общественность, но в таком огромном городе, как Нью-Йорк, газеты посвятили бы убийству Дженовезе лишь часть колонки, если бы не открывшиеся случайно подробности.

Столичный редактор Times Э. М. Розенталь неделю спустя после этого убийства беседовал за ланчем с комиссаром полиции города. Розенталь расспрашивал комиссара о различных убийствах в Квинсе, и комиссар, думая, что его спрашивают о случае с Дженовезе, раскрыл потрясающие факты, обнаруженные полицейскими. Эти факты не могли не ужасать. Кэтрин Дженовезе умерла не быстрой смертью. Это было долгая, мучительная публичная смерть. Убийца гонялся за ней и атаковал ее на улице трижды. Все это время Кэтрин громко кричала, пока бандитский нож не заставил ее замолчать навсегда. Невероятно, но 38 ее соседей наблюдали из своих окон, как разворачивались события, и никто даже пальцем не пошевелил, чтобы вызвать полицию.

Розенталь, бывший репортер, получивший в свое время Пулитцеровскую премию, не мог оставить без внимания такую историю. Он дал задание репортеру исследовать «точку зрения стороннего наблюдателя» в случае с Дженовезе. Через неделю на первой странице в Times была опубликована большая статья, вызвавшая настоящий шквал споров и предположений. Несколько первых абзацев из этой статьи задали тон и фокус всей истории.

«В течение более получаса тридцать восемь респектабельных, законопослушных граждан в Квинсе наблюдали, как убийца

⁴ Печатается по книге Роберта Чалдини "Психология влияния" (Питер, 1999).

преследовал женщину на Кью Гарденс и три раза атаковал ее, нанося ей удары ножом.

Дважды звуки голосов и внезапное появление света в окнах спален вынуждали убийцу на время затаиться. Но каждый раз он возвращался, находил свою жертву и наносил ей очередной удар ножом. Ни один человек не позвонил в полицию во время этого вооруженного нападения; только один свидетель позвонил после того, как женщина была уже убита.

Эта трагедия произошла две недели тому назад. Но помощник главного инспектора Фредерик М. Луссен, главный детектив данного района, 25 лет занимающийся расследованиями убийств, до сих пор в шоке.

Луссен может изложить факты, касающиеся многих убийств. Но убийство на Кью Гарденс озадачивает его — не потому, что это особенно жестокое убийство, а потому, что „добрые люди“ не сочли нужным позвонить в полицию» (Ganzberg, 1964).

Шок и замешательство испытывали все, кто узнавал детали этой истории, — полицейские, газетчики, читатели. Вначале известие ошеломяло. Затем следовало замешательство. Как могли 38 «добрых людей» не прийти на помощь в этих обстоятельствах? Никто не мог этого понять. Даже сами свидетели убийства были в недоумении. «Я не знаю, — говорили они один за другим. — Я просто не знаю». Некоторые пытались хоть как-то объяснить свое бездействие. Например, два или три человека сказали, что были «испуганы» и «не хотели впутываться». Однако эти оправдания представляются неубедительными: простой анонимный звонок в полицию мог бы спасти Кэтрин Дженовезе. Причем, чтобы позвонить, свидетелям не надо было рисковать своей безопасностью или тратить много времени. Нет, ни страх наблюдателей, ни их нежелание усложнять свою жизнь не объясняют их бездействие; в ту страшную ночь происходило еще нечто такое, о чем они даже не догадывались.

Замешательство, однако, не является интересной темой для новостей. Поэтому в прессе, как и в других средствах массовой информации, давалось следующее объяснение: «Свидетели, не отличаясь от всех нас, просто не пожелали вмешиваться. Американцы становятся нацией эгоистичных, бесчувственных людей. Трудности современной жизни, особенно жизни в крупных городах, ожесточили их. Они становятся „холодным обществом“, бес-

чувственными и безразличными друг к другу людьми». В поддержку этой интерпретации газеты стали регулярно печатать сообщения, в которых детально описывались различные виды общественной апатии. Особенно много сенсационных материалов на эту тему было опубликовано в Times. Данную интерпретацию также поддерживали замечания социальных комментаторов, которые, похоже, никогда не признаются в замешательстве, когда говорят с прессой. Комментаторы считали, что случай с Дженовезе имеет большое общественное значение. Все пользовались словом «апатия», которое, интересно отметить, входило в состав заголовка рассказа, напечатанного в Times на первой странице. Однако все объясняли причины апатии по-разному. Одни приписывали ее появление влиянию телевизионной пропаганды насилия, другие связывали апатию с подавленной агрессивностью, но большинство считали главными причинами возникновения апатии «деперсонализацию» городской жизни, появление «мегаполисных обществ» и «отчуждение индивида от группы». Даже Розенталь, газетчик, который первым рассказал эту историю читателям и который в конечном итоге сделал ее предметом своей книги, присоединился к тем, кто причиной случившейся трагедии считал всеобщую апатию, особенно широко распространенную в больших городах.

«Никто не может сказать, почему эти 38 людей не подняли трубку телефона и не набрали номер полиции в то время, когда мисс Дженовезе громко звала на помощь, коль скоро они сами не могут этого сказать. Однако было высказано предположение, что их бездействие было следствием апатии, порождаемой жизнью в большом городе. Не давать постоянно посягать на себя необходимо для психологического выживания человека, постоянно испытывающего давление множества людей, а для этого требуется игнорировать окружающих как можно чаще. Безразличие к соседу и его бедам является условным рефлексом у жителей как Нью-Йорка, так и других больших городов» (А. М. Rosenthal, 1964).

По мере того как история с Дженовезе обрастала новыми подробностями — она стала темой не только книги Розенталя, но и многочисленных газетных и журнальных статей, нескольких телевизионных документальных фильмов и экспериментальной пьесы, — она все больше привлекала внимание двух работавших в Нью-Йорке профессоров психологии, Бибба Латанэ и Джона

Дарлея. Они исследовали отчеты о деле Дженевезе и на основании своего знания социальной психологии сделали заключение, которое на первый взгляд может показаться просто невероятным: трагедия произошла потому, что присутствовали 38 свидетелей. Во всех газетных сообщениях неизменно подчеркивалось, что убийца не был остановлен, несмотря на то, что тридцать восемь человек наблюдали за ним. Латанэ и Дарлей решили, что никто не помог Кэтрин именно потому, что было так много наблюдателей.

Психологи предположили, что по крайней мере по двум причинам сторонний наблюдатель, скорее всего, не окажет помощи жертве, находящейся в критическом положении, если рядом с ним находятся другие наблюдатели. Первая причина довольно проста. В случае присутствия нескольких потенциальных помощников на месте происшествия личная ответственность каждого индивида снижается: «Возможно, кто-то другой поможет или позвонит в полицию; наверное, кто-то уже это сделал». Так как все думают, что кто-то поможет или уже помог, никто не помогает. Вторая причина является психологически более тонкой; она включает в себя принцип социального доказательства и феномен плюралистического невежества. Очень часто критическое положение не выглядит таковым с полной очевидностью. Является ли человек, лежащий на дороге, жертвой сердечного приступа или горьким пьяницей? Являются ли резкие звуки, доносящиеся с улицы, выстрелами или эти звуки издает грузовик? Крики у соседней двери — это шум драки, требующей вызова полиции, или особенно «громкая» супружеская ссора, вмешательство в которую не всегда уместно? Что происходит? В подобных неопределенных случаях люди склонны оглядываться на других, чтобы получить ключи к разгадке. По реакции других свидетелей мы пытаемся узнать, является ли данная ситуация критической.

Однако мы обычно не думаем о том, что все другие наблюдатели, вероятно, так же как и мы, ищут социальное доказательство. И поскольку все мы предпочитаем казаться уверенными и хладнокровными, мы ищем это доказательство спокойно, бросая исподтишка взгляды на тех, кто нас окружает. Поэтому в трудных ситуациях все, как правило, кажутся невозмутимыми и бездействующими. В результате, в соответствии с принципом социального доказательства, важным событиям часто не приходится

должного значения. В этом, как считают Латанэ и Дарлей (Latane & Darley, 1968b), и заключается суть феномена плюралистического невежества. «Каждый человек решает, что, поскольку никто не озабочен, все в порядке. Тем временем опасность может достигнуть такой точки, в которой тот, кто не находится под влиянием спокойствия других, предпочтет реагировать».

Вадим Климов 31

А не является ли запрет на продажу алкоголя по ночам выделением времени из всего суточного процесса? Запрещенного, кстати, конституцией, как любое выделение. Причем выделение не абы какое, а репрессивное.

Стоит заметить, что дифференциация времени на то, когда можно купить алкогольный напиток и то, когда купить его нельзя, есть ущемление прав полуночников. Людей, бодрствующих ночью, а не днем.

Что-то правозащитная общественность не спешит пикетировать суды, требуя восстановления равноправия. А должна бы.

Если уж запретили продажу спиртного ночью, давайте и ночную наркоторговлю запретим. Действительно, почему вино в три часа утра купить нельзя, а кокаин можно? Это ведь и называется правовым неравенством.

Простой пример. Мужчинам разрешено покупать водку с 21:00 до 23:00, а женщинам нельзя. Подобное называется сексизмом. Уголовная статья: до шести лет лишения свободы. Однако женщинам разрешается покупать водку с 6 до 8 часов. А мужчинам, соответственно, нельзя. Это тоже называется сексизмом и относится к той же статье уголовного кодекса. Шесть лет у кота под хвостом.

Нужны, как мне кажется, пикеты, в поддержку запрещений. Если одним нельзя, то почему другим можно? Политическая стратегия: требовать запрещения для всех. Тотальное равенство. Все или ничего.

Или другой пример, еще проще. В подворотнях справлять нужду запрещено. Есть даже положение административного кодекса. До 1800 часов общественных работ на благо города. Меня, кстати, однажды задержали, схватили в этой самой подворотне. Удалось отделаться небольшой взяткой, но о положении я узнал. И о суровом наказании.

Так вот, почему в подворотнях нельзя, а, например, в лифте можно? Это ведь тоже ущемление - ущемление места. В конституции РФ сказано, что гражданин имеет право находиться в любом уголке страны, ничего не опасаясь. А отливать ему нужно где-то? Или не нужно?

Вот Статегия-31, которую я поддерживаю агитационными видеороликами, заявляет, что граждане могут... без оружия... стоять на Триумфальной площади с 18:00 до 21:00. А отливать они там могут, задаю я резонный вопрос. Э.Лимонов утверждает, что могут. А Л.Алексеева, что не могут.

Я спрашиваю Л.Алексееву, почему вы ущемляете мое право мочиться в месте присутствия? Популярная правозащитница отвечает, что нужно сначала согласовать акцию, а потом уже мочиться. Сначала одно, затем другое, понимаете, спрашивает она.

Это суть конфликта.

Комитет Стратегии-31 разделяется пополам. Вернее, раздваивается. Алексеевский комитет (правозащитный) отстаивает право граждан собираться без оружия с 18:00 до 21:00. А Лимоновский комитет (экстремистский) утверждает, что можно собираться без оружия и еще мочиться в это же время.

Я спросил Л.Алексееву, почему вы, известная правозащитница, запрещаете гражданам справлять нужду без оружия. Она ответила, что в первую очередь отстаивает 31-ю статью конституции. А все остальное во вторую очередь. На что я сказал, Людмила, но если я имею право без оружия... с 18:00 до 31:00... почему я не имею права там же и отлить, если возникнет необходимость. Она сказала, что этот вопрос требует дальнейшего согласования.

А мне, спросил я, что, терпеть все это время, пока вы будете согласовывать. Да, закивала правозащитница. Но это же неправильно, воскликнул я. А я-то что могу сделать, перебила меня Алексеева. Ну, вот у вас Хельсинская группа, начал я, вы могли бы организовать туалетные кабинки на Триумфальной каждое 31-

е число с 18:00 до 21:00. Она сказала, могли бы. Так почему их там до сих пор нет, удивился я. Потому что... начала престарелая правозащитница, но на этот раз я ее перебил.

Я спросил, долго ли Л.Алексеева и ее Хельсинская группа будет морочить голову людям. Когда наконец женщинам разрешат покупать алкоголь в ночное время? Она рассмеялась и спросила, а вам-то какое дело, вы же не женщина. Я сказал, да, я не женщина, но я борюсь с неравенством. Так и женщинам и мужчинам запрещено покупать в ночное время, сказала Л.Алексеева, где здесь неравенство. Я сказал, неравенство в том, что одним можно, а другим нельзя.

Кому, черт вас подери, можно, а кому нельзя, закричала Алексеева. Ну вот, например, мне нельзя, сказал я. А кому можно, спросила Алексеева. Я не знаю, кому можно, сказал я, в первую очередь меня беспокоит, что мне нельзя. Но вы же твердите о неравенстве, сказала Алексеева, вам следует оперировать двумя категориями, одной, которой можно, и другой, которой нельзя.

Но это же разделение людей по признаку, фашизм, воскликнул я. А что вы хотели от нашей отсталой страны, усмехнулась Л.Алексеева. У нас, добавила она, и конституция фашистская, и 31-я статья. Почему, например, с 18:00 до 21:00 и только на Триумфальной, Алексеева вызывающе уставилась на меня, вы никогда не задумывались? Задумывался, прошептал я. Вот видите, сказала правозащитница, а вы говорите женщины, без оружия, после 21:00, фикция это, туфта, бороться нужно совсем с другим.

С чем же, спросил я. Режим надо валить, бодро отчеканила Л.Алексеева, Путина, Медведева, Берлускони. А потом, поинтересовался я, что делать после того, как свалим режим, есть ли у вас позитивная программа. Нету, рассмеялась правозащитница. Сменим власть, а там посмотрим. Как карта ляжет.

Так вы большевичка, воскликнул я. Л.Алексеева захохотала. Сами вы большевичка, сказала она, немного успокоившись, не повторяйте за неумными людьми бредни о большевизме, который, только задумайтесь, уничтожил 31 миллион русских. Тридцать один, повторил я, как номер статьи конституции. А как же, усмехнулась Л.Алексеева, поэтому мы за нее и боремся.

Да, смерть, проорала правозащитница, вскинув руку с зажатым кулаком. После чего я развернулся и двинулся прочь. Невы-

носи́мо было находиться рядом с этой женщиной. Femme Terrible.

extremum

Алексей Лапшин
Метафизика противостояния

I

1. Проблема взаимоотношений Бога и Бытия не имеет ничего общего с отношением субъекта к объекту. Понятие «объект» условно, так как является продуктом человеческого разума, познающего реальность. Поскольку реальность постоянно изменяется, а человек конечен, ничего объективного не существует. Безотносительно к деятельности разума есть только противоположные друг другу тела и явления. Физическое тело, обладающее способностью к самоидентификации, имеет право называться материальным субъектом. Внутри мироздания такой способностью обладает лишь человек.

2. Бытие - это обобщенное существование материальных тел и явлений, противоположное духовному субъекту - Богу. Природа Бытия - безграничный нарциссизм, ведущий жизнь к самоистреблению. Бог, напротив, является абсолютным творцом именно потому, что создает вселенную из Ничто без всякой необходимости в самовыражении. Творец самодостаточен, но идет на умаление себя ради появления совершенно иного. Рождение Бытия было бы невозможно без воли божества к выявлению своей противоположности. В этой жертвенной ориентации Творца скрывается его главное отличие от творения, стремящегося к всеединству и однозначности.

3. Создавая Бытие, Бог преодолевает Ничто. Ничто - это абсолютное одиночество духовного субъекта, не знающего своей противоположности. Появление Бытия как противоположности Бога сразу же исключает истинность Бога по отношению к Бытию. У творения возникает своя, автономная от Создателя Истина.

4. В основе драмы истории лежит фундаментальное различие между Богом и Бытием. Единственным отражением Творца в

противоположном ему мире является Дух, открытый только для материальных субъектов. Дух также чужд миру, как Истина Бытия чужда Богу.

5. Сущность мирового исторического процесса - конфликт между Духом и Истиной. Истина есть совокупное значение осязаемых тел и явлений, тождественных только самим себе. Дух - это принципиально неосязаемый антипод Истины, разрушающий присущую миру однозначность. Принимающий Истину - удаляется от Духа. Раскрывающий Дух - идет против Истины.

6. История человека начинается с первого столкновения противоположностей. Символически эта точка обозначена в мифе о грехопадении. Вкусив плод с древа познания, человек видит Истину, враждебную Духу.

7. Так называемый «Золотой Век» был самым темным и страшным состоянием мира. Отсутствие конфликта означало не близость Бога и Бытия, а тотальную невозможность раскрытия Духа. Золотой Век - это эпоха ложной, фиктивной гармонии, происходившей из тьмы всеобщего сна. Только грехопадение, разрушившее иллюзию «единства», пробуждает Дух к действию. Вся дальнейшая история человечества вызвана стремлением Духа изменить Истину.

8. Суть Истины - фундаментальный закон Бытия, утверждающий отношение «господство-подчинение». Тело есть только тело и ничего сверх этого. Самоотождественность материальных субъектов - главное историческое следствие Истины и основание для насилия. Принцип «господство-подчинение» опирается на строгую однозначность всего имманентного и направлен именно против изменения содержания субъектов. Этим обусловлена повторяемость исторических циклов, воспроизводящих одну и ту же модель отношений. Истина мира заключается в том, что никто и ничто не может изменить своего качества.

9. Присутствие Духа внутри Бытия - безусловное чудо. Чудо - это травмирование Бытия через вторжение в реальность несуществующего. Сама реальность представляет собой видоизменяющийся продукт столкновения Духа и Истины. Благодаря конфликту противоположностей, она ничем не детерминирована и открыта для творчества. Именно реальность, а не иллюзорные «иные миры», является сферой для наиболее потрясающих про-

явлений Духа. Любые учения и практики, отрицающие реальность, в конечном итоге приводят к бессилию перед Истиной.

10. Итак, мир состоит из множества тел, не означающих ничего, кроме самих себя. «А» равно «А», «В» равно «В». Взаимодействие между этими телами регулируется принципом «господство-подчинение», выражающим Истину.

10(а). Дух - это преодолевшее Ничто свидетельство о противоположном субъекте. Дух революционен, поскольку представляет Бога, находящегося вне бытия и его принципов. Противостояние Духа самотождественности мира составляет внутреннее содержание истории.

II

1. Существование реальности, понимаемой как постоянное и противоречивое взаимодействие материальных субъектов, стало возможно исключительно благодаря Духу. Реальность, не воспринимаемая материальными субъектами, была бы детерминированным движением тел в пространстве и времени самодостаточного Бытия. Присутствие Духа дает человеку возможность воспринимать себя как отдельного субъекта, а значит и вступить в противоречие с окружающим миром. Таким образом, реальность связана с осознанием субъективности, выделяющим человека из общего потока детерминированных тел. В этом смысле, реальности без человека не существует. Вне субъективного восприятия она совпадает с ничем не ограниченным движением Бытия.

2. Дух вносит в мир противоречие. Он отрицает однозначность и детерминированность материи и порождает внутрибытийный конфликт, составляющий суть реальности. Если бы не присутствие Духа, мир оставался бы неизменным и не вовлеченным в историю.

3. Весь исторический процесс - ничто иное, как отклонение жизни от Истины, попытка человека перестать быть тождественным самому себе. Последовательное вытеснение из реальности всего духовного - естественная реакция Бытия, защищающего Истину. Настоящее же торжество Истины равнозначно состоянию тотальной бездуховности, лишаящей реальность всякого смысла. Поэтому конец истории возможен только при окончательном вытеснении из мироздания Духа.

III

Самая антиреалистическая традиция - буддизм - рассматривает слияние с Ничто как избавление от бед и страданий мира. «Ничто» противопоставляется реальности, которая объявляется ложью и злом. Учение буддистов противоречит авраамическим религиям, считающим мир творением ex nihilo. Для иудея, христианина, мусульманина Бытие возникает из пустоты не иллюзорно, а по воле Творца. Для буддиста - сам материальный мир суть пустота, а видимые тела - лишь её маски. Но даже если воспринимать реальность как обман, нельзя уйти от вопроса об источнике наваждения. Буддистская философия решает эту проблему теорией о пульсациях пустоты. Которые гипнотизируют сознание призрачной реальностью. В результате, буддизм приходит к парадоксу: негатив разоблачаемого Бытия оказывается следствием Ничто, а не его антитезой.

На радикально антиреалистических позициях, безусловно, находится и индуизм. Одно из его ключевых понятий - майя - отрицает истинность Бытия и представляет мир игрой или фантазией божественного воображения. Конец света для индуса - это не более, чем конец иллюзий. В завершении каждого метафизического цикла «мнимая реальность» растворяется в Абсолюте, упраздняющем всё субъективное и историческое. Фактически, грань между Бытием и Ничто в индуизме стирается.

В отличие от традиций Индостана авраамические религии рассматривают проблему Ничто, прежде всего, как проблему смерти. Именно с идеей творения мира ex nihilo связано представление материальных субъектов о своей конечности и их обострённое чувство реальности. Смерть в авраамизме - это не растворение в Бытии, не переход из одного материального тела в другое, а окончательный уход из мира без малейшей надежды на возвращение. Понимание смерти как противоположности Бытия - главная причина исторической активности народов, исповедующих монотеизм. Страх перед Ничто заставил их сосредоточиться на реальности и посвятить себя её постижению. В то же время практически весь монотеистический мистицизм является попыткой преодоления тождества Ничто и смерти. Отсюда - идеи рая «загробной жизни» и другие проявления антропоцентристского

сознания, свойственного всем авраамическим религиям. В противоположность традициям, растворяющим субъекта в пустоте и иллюзиях, монотеизм предлагает человеку царство Духа, совершенно отличное и от Бытия и от Ничто. Истиной мироздания провозглашаются не законы мироздания, а создающий и отменяющий их Бог.

В основе этих воззрений несомненно лежит вера в победу духа над материей, борьба которых составляет смысл реальности. Торжество Духа для монотеистического сознания – это, в первую очередь, спасение человека от Ничто, ожидающего плоть после смерти. Однако необходимым условием этого спасения монотеизм считает самоотверженное служение Богу.

Выделив из общего потока Бытия материального субъекта, наделённого Духом, авраамические религии навсегда лишили свою «паству» представления о всеединстве мироздания, характерного для других традиций. Благодаря монотеизму, человек почувствовал себя не фантомом среди бесконечности, а отдельным субъектом, способным к реальному действию.

IV

1. Сам факт появления жизни на Земле враждебен необозримому пространству Бытия, несущему смерть. Звёздное небо над головой прямо противоположно божественному Духу, скрытому в человеке. Вселенная, в которой «не растёт ни травинки», не может не выдавливать из себя жизнь во всех её формах. Наивно и самонадеянно отождествлять жизнь и Бытие только потому, что на какой-то планете в мёртвом пространстве существует человек. Среди сотен миллионов ледяных и пылающих глыб жизнь на Земле выглядит не закономерностью, а поразительным, революционным вызовом мирозданию. Бытие возникает из Ничто и уходит в пустоту смерти. Жизнь - единственное движение, способное противостоять детерминизму вселенной.

2. Отражение Духа содержит в себе любой материальный субъект, взятый в отдельности от других субъектов. Божественной печатью отмечены все элементы живой природы, будь-то человек или кора на дереве. Неизбежное затемнение Духа происходит при взаимодействии субъектов с Бытием, диктующим жизни свою Истину. В силу вступает принцип «господство-

подчинение», и «большие рыбы пожирают малых». Посредством воздействия материальных законов Бытие борется внутри себя с жизнью.

3. Человек, наделённый уникальной способностью к восприятию - самый мощный проводник Духа во вселенной. Только человек, осознавший себя автономным субъектом, имеет возможность сопротивляться поглощению жизни чистой материей. Все прочие части природы лишены субъективного восприятия и противостоят инерции Бытия пассивно. Их смысл - в манифестации самого принципа жизни, вступившего в конфликт с системой мироздания.

4. Субъект, утверждающий свою автономность - главный вызов Бытию, нацеленному на всеединство. Всеединство - это неограниченное движение мироздания, стирающее все проявления индивидуальной воли. По сути, оно соответствует состоянию «золотого века», в котором Дух ещё не проявлял своего нетождества с Бытием. Всеединство устраняет субъективность, как важнейшее свидетельство о Духе и, таким образом, делает Истину Бытия абсолютной.

V

Уникальность мировой истории, условно начавшей отсчёт от «грехопадения», связана с необъективным характером Истины. После появления материальных субъектов, способных к восприятию Духа, всеобъемлющая власть законов Бытия оказывается нарушенной. Несмотря на материальную природу субъекта, фактор его присутствия разрывает цепь всеединства и противостоит объективности. Тело есть только тело, однако, в нём отражается Дух, ведущий к конфликту с заданной однозначностью. Поскольку субъектов великое множество, возникает иллюзия, что Истины вообще не существует, или она за пределами «мира сего». Так формируется идея Бога, почитаемого как Истина.

Источник этой иллюзии - противоположность между субъектами. Выпадение из всеединства обрекло их на бесконечное одиночество и поиск его преодоления. Идея единения в Боге - это попытка избавиться от онтологического одиночества на метафизическом уровне.

Проблема жизни в том, что ни один субъект не может обрести покой, не перестав быть субъектом. Всё живое в мире материально, а истина Бытия совсем не эфемерна. Хотя появление жизни нарушило её объективность, законы мироздания продолжают действовать. Как следствие, любая попытка объединения людей в целое рано или поздно приводит к вырождению субъекта.

VI

Принцип противоположности живых существ друг другу заложен в самом акте творения. Бог создаёт мир не для манифестации своей сути и не для познания себя через Бытие. В божественной природе нет ничего единосущного творению, кроме Духа, который нетварен, но прибывает в мироздании как оппозиция к чистой материи. Эта глобальная противоположность между Богом и Бытием - основа для возникновения всех остальных противоположностей - частных и общих. Бог является абсолютным творцом именно потому, что создаёт вселенную из Ничто без всякой необходимости в самовыражении. Творец - самодостаточен, но идёт на умаление себя ради появления совершенно иного. Рождение Бытия было бы невозможно без воли Божества к выявлению своей противоположности. В этой жертвенной ориентации Творца скрывается его главное отличие от творения, стремящегося к всеединству и однозначности.

Все авраамические религии признают разделённость Творца и твари, но каждая традиция рассматривает Божество в собственном аспекте. Иудейский Яхве - создатель и властелин вселенной. Христос выступает в качестве Спасителя и Судьи мироздания. Аллах в исламе - концентрирует эсхатологическую направленность Бога. Радикальный авраамизм, представленный ортодоксальным иудаизмом и исламом, полностью отрицает возможность сближения Бытия и Создателя. Божественный субъект остаётся непознаваемым и закрытым для материального субъекта. Вертикальная связь между ними осуществляется только через Дух.

Триединый христианский Бог, воплотившийся одной из своих ипостасей в человеке, сохраняет непознаваемость, но открывает для Бытия свою жертвенную ориентацию. Духовный субъект добровольно соединяется с природой и волей материального и

разделяет судьбу своей противоположности. Истина детерминированного мироздания опровергается свободным от необходимости действием Бога.

Путь Христа - это путь кенозиса - божественного самоумаления, не признаваемого ни иудаизмом, ни исламом. Радикальный авраамизм настаивает на жертве лишь со стороны твари и не предлагает такого шага со стороны Творца. В результате, отношения материального субъекта с Божеством не выходят за рамки закона «господство-подчинение» Заслужить благодать - значит целиком подчинить свою волю властелину вселенной. Бог понимается как авторитарный господин, человек, как его раб.

Не свободно от рабской вертикали и христианство, оформленное в религию. Божественная жертва принимается за милость, за снисхождение Творца к заблудшему творению. Господин покупает грехи рабов, однако остаётся господином над ними. Ног жертва во имя любви к «малому» - это не жертва ради спасения иного. Выбор Бога, сделанный рабом - это не выбор сделанный свободным субъектом.

Сохранение принципа «господство - подчинение» имеет общую для всех авраамических традиций причину. Религии, совершившие революционный шаг, разделив Бога и Бытие, не смогли преодолеть тяги Бытия к всеединству. Касты авраамического жречества не признали право человека на автономность и поспешили поставить его на службу Создателю. Монополию на посредничество между материей и Духом присвоили сами жрецы. Очень скоро выстроилась новая иерархия, направленная, аналогично всеединству, против субъективности.

Иерархия - это система, утверждающая инструментальную роль субъекта по отношению к высшему принципу мироздания. Несмотря на дифференцированный подход к материи, положение человека в её структуре - однозначно и определяется внешними действиями, совершаемыми в пространстве и времени детерминированного Бытия. Индивидуальная жизнь для этого порядка не имеет ценности, поскольку ни один элемент мироздания вне иерархии не самодостаточен. Субъект обязан занимать свое место в единой структуре, подчиняющей его волю сверхиндивидуальному началу. Вместо освобождения жизни от детерминизма материи происходит отождествление Бога с Истиной Бытия. Глобальная противоположность между творцом и творением подменяется

принципом «господство-подчинение». Для христианства это означает реставрацию отношений с Богом, существовавшим до жертвенного воплощения Христа. Материальный субъект снова становится ограниченным самим собой телом, бесконечно далеким от неба. Внешне воспроизводя духовное восхождение от низшего к высшему, иерархия в действительности восстанавливает всеединство Бытия, исключаящее революционное пробуждение Духа.

VII

1. Путь к Богу начинается с осознания субъектом своей противоположности всем иным материальным телам во вселенной. Как бы ни складывалась жизнь в Бытии, человек остается один среди вещей, людей и явлений. Обособленность от окружающего мира - главное следствие его эксклюзивной способности к восприятию. Ни одна имитация единства человеческих существ, включая так называемую «духовную близость», не в состоянии преодолеть чувство самотождественности субъекта. «Я» - не «ты», «ты» и «я» - не одно и то же. Границы «Я» определены материальным телом и изменяются только со смертью. Учение же традиций, не признающих границ между противоположностями, ведут лишь к растворению субъекта в потоке Бытия. Одновременно с утратой субъективности ослабевает и сопротивление жизни давлению чистой материи. Вместе с «Я» исчезает реальность как поле для проявления активности Духа. Мир возвращается к состоянию всеединства и сна.

2. Бытие не тождественно жизни, поскольку жизнь - есть свидетельство о противоположном материи Духовном субъекте. Дух не тождественен жизни, но именно он дает ей возможность сопротивляться Истине чистого Бытия. Полноценно осуществлять это сопротивление способен только субъект, усматривающий в своей автономности дар, а не бремя.

3. Бог сотворил из Ничто свою тотальную противоположность и тем самым сделал неизбежным появление Зла. Зло возникает из стремления Бытия к однозначности, к уничтожению внутри себя всех проявлений воли к Иному. Жизнь, обладающая осязаемыми материальными свойствами и неосязаемым влиянием Духа, была обречена стать целью для Зла. Бытие заинтересовано

в полном совпадении жизни с материальной природой и, в конечном итоге, - в ее исчезновении из Вселенной. Зло не является «врожденным» качеством чистого Бытия, но возникает как следствие его сопротивления Духу.

4. Состояние самотождественности соответствует порядку мироздания только до тех пор, пока субъективное «Я» испытывает иллюзию согласованности жизни с бытийными законами. В этом состоянии «Я» наиболее уязвимо для Зла, так как находится в совершенном неведении относительно его истоков. Движение жизни и движение Бытия кажутся человеку совпадающими, никак не противоречащими друг другу. Отсюда - неизбежное разочарование в жизни, трагическое ощущение ее тщетности и бессмысленности. Человек - конечен и именно этот факт делает его жертвой ориентации Бытия на однозначность.

5. Материальный субъект не в силах преодолеть свою самотождественность, но имеет возможность обратиться к иному субъекту. В противовес мирозданию, стремящемуся к всеединству через вертикальное подчинение Истине, человек, созданный «по образу и подобию Бога», должен осваивать горизонтальные связи с противоположностями. Пример для подражания показал сам Создатель. Жертвенное воплощение Христа ниспровергает закон «господство-подчинение» и придает самотождественности принципиально новый эволюционный смысл. Оказывается, что границы субъекта раздвигаются не внутри, а вне его собственной природы. Создавая Бытие и затем воплощаясь в человеке, Бог преодолевает Ничто - свое абсолютное одиночество, обращаясь к бесконечно далекому, а не единосущному субъекту. Акты творения и жертвы ради него прямо противоположны непримиримости самого творения к многозначности. Истина Бытия, выраженная в вертикальных отношениях «господство-подчинение» несовместимо с божественным духом, открывающим дорогу свободным горизонтальным связям между субъектами.

6. Подлинное пробуждение Духа начинается в момент, когда «Я» осознает свою глубочайшую отчужденность от всего, что сущностно им не является. Транс одиночества снимает вселенский гипноз и раскрывает враждебность мироздания жизни. Субъективное «Я» оказывается перед выбором между исчезновением в Ничто и поиском внеонтологической связи с другими субъектами.

7. Единственный путь человека к Богу - это постижение Духа во всех проявлениях жизни. Одиноким субъект должен искать в другом не свое продолжение, а иное духовное качество, скрытое из-за всеобщей вовлеченности в Бытие. Разнородные проявления жизни не могут объединиться и стать целым, но способны, подобно Создателю, познать друг друга в качестве противоположности. Если замысел Творца в выявлении множественности, то путь к Богу - это осознанное сопротивление движению мироздания к всеединству. Открыт этот путь только для автономных людей, не подчиняющих свою жизнь Истине.

VIII

Бог создает Бытие и оставляет в нем жизнь, поддерживаемую Духом.

Дух входит в противоречие с Бытием как единственное во Вселенной свидетельство о Боге.

В ответ Бытие порождает Зло и вовлекает в него жизнь. Таким образом, творение желает избавиться от следа Творца и стать абсолютным.

Человек с помощью Духа осознает себя субъектом и формирует реальность. Выпав из общего движения Бытия, реальность становится полем для столкновения Духа с Истиной чистой материи. Истина противоположна Богу в силу фундаментального различия Творца и творения. Творец выявляет противоположности, творение стремится к единству.

Дух выражает себя через субъекта, Истина утверждается как нечто объективное.

Дух вопреки самотождественности «Я» дарует ему шанс обратиться к иному. Истина Бытия в том, что человек один и обречен на подчинение власти материи. Истина материальна. Она существует. Дух неосязаем. Его как бы и нет. Бытие сотворено из Ничто. Дух исходит от Бога.

Мировая история - это процесс утверждения Истины и непрерывного сопротивления Духа. Чем меньше людей, способных к автономности, тем ближе к торжеству Истины. Восстание против нее - есть реализация свободы во множественности.

персонажи

Станислав Курашев 14 дней в поезде, который никуда не идет⁵

11.08.09. (день, вторник)

Итак, уже третий день, как я в этом грустном заведении, привез меня сюда Филидор, и положили меня, как это ни грустно, в ту самую палату номер один, о которой я отзывался в предыдущем произведении исключительно в багровых тонах.

И вот там оказался и я.

Все в принципе, оказалось так, как я и предполагал.

Привязывают к кровати, дверь закрыта, кормят как зверей, внося в комнату поднос.

Первый день я пролежал в обычной тоске, народ в палате (так и хочется написать - камере), был что-то очень громок, и только те, кто был в тусклой алкогольной коме - тускло молчали.

Поводом для насмешек был тихий человечек (своеобразный тип Акакия Акакиевича - алкоголика), со странной фамилией - Сидоров.

Мои добрые товарищи по палате придумали ему дружеское прозвище - Царь зверей.

Он какой-то деревенский, в смысле - колхозный, но настоящее его призвание иное - санитар-любитель.

Когда я в первый раз после капельницы открыл глаза, то сразу увидел перед собой расплывчато-доброе лицо Сидорова.

Может, пить хочешь? - с тайной надеждой спросил он.

Да нет, спасибо, - пересохшими губами ответил я.

Потом он с живейшим интересом, наблюдал за движением жидкости в капельнице и когда осталось капель восемьдесят семь и нужно было привешивать иной пластиковый пакет с очередной

гадостью, он бросился к двери и с тревогой в голосе стал звать медсестру.

12.08.09. (утро, среда)

Прервался вчера, потому что писать в таких условиях невозможно.

Пишу я это уже в палате номер два, куда меня (слава кому-то там из пантеона), перевели в понедельник вечером.

Там писать было невозможно из-за практических причин - там не дают ручек и карандашей (очевидно чтобы пациенты случайно не поранили друг друга, ни телефонов, ни часов и так далее, у нас отбирают все, даже - одежду, выдавая взамен кальсоны, тоненькую белую рубашку из какого-то простынного (кто-нибудь вроде Казановы написал бы, просто из одного упрямства - льняного) материала с грустным треугольным вырезом на груди, и - по желанию - если вдруг человеку станет холодно - шерстяную рубашку с символическими квадратами разных цветов.

Во второй же палате - три наркомана, один старый зек и так далее.

Шум стоит жуткий, часов до пяти утра.

Но, как любил говорить Ахимас Вельде - как там это будет по-немецки - итак, все по порядку.

Когда привозят какого-нибудь новенького, Сидоров, в любое время дня и ночи, спит он или нет, встает рядом с кроватью новенького и тщательно следит, чтобы ему несильно привязывали руки, приносит ему попить (у нас на всех одна двухлитровая бутылка воды, которую мы наполняем, когда нас ведут в туалет, туалет только днем, ночью же в нашей палате рядом с дверью ставят ведро для отправления естественных нужд) или же просит сестру принести утку, что помогает, к сожалению не всегда.

Это все я пишу для разминки, просто чтобы ожили рефлексy, и рука снова начала писать.

Это чисто физическое упражнение.

Получается пока плохо.

Сию секунду сейчас во дворе храма святого Пантелеймона на детских качелях и пишу, держа тетрадь на коленях.

Это довольно неудобно.

⁵ Печатается с сокращениями.

Храм очень похорошел за последние полтора года.

Немного, правда, раздражают иномарки, стоящие во дворе, они могут принадлежать только священнослужителям, так как миряне оставляют машины за закрытыми воротами.

Разбили еще несколько клумб, увеличилось число скамеек во дворе.

Есть даже небольшой фонтан.

Перед входом в храм, обрамляя ступени, равносоставленным треугольником, лишенном нижней стороны и с вершиной в виде двери, ведущей в храм, высажены - по английской моде - цветы в больших кадках.

Сейчас время утренней службы (я решил каждый день ходить к утренней и вечерней службам), наконец-то, после бесконечного «святой боже, святой крепкий» ударили колокола, и стало повеселее.

Качели все еще покрыты росой.

Ну что ж типа бог терпел и нам велел.

Грустно, что во дворе церкви нельзя курить.

Это довольно-таки неудобно.

Но я типа пытаюсь вырабатывать в себе позитивное мышление (правда я не знаю что это такое, но все равно пытаюсь его вырабатывать - типа прощать страждущих, не гневаться на подающих и тому подобное...)

Ладно, пойду-ка я все-таки за ворота покурить, а там уж скоро и на процедуры.

И только последний больной окончательно сломал Сидорова.

Это был молодой ээк в жутком состоянии.

Его привезли ночью и Сидоров, несмотря на сон, все-таки проснулся и отчаянно зевая, встал над его кроватью.

Ну и зачем ты тут встал, пидор? - спросил его ээк (который позже стал нашим общим другом, условия в палате настолько плохие, что общий ужас поневоле сближает пациентов).

Да вот буду следить за тобой, за капельницей, - богоугодным голосом ответил Сидоров.

Я тебя убью, сука, - внятно сказал ээк по фамилии Абрамов, - когда мне развяжут руки, я тебя убью, - дальше пошел сплошной мат пополам с истерическим смехом.

Общий смысл слов Абрамова был простым и даже понятным, - развяжите мне руки, чтобы я смог убить эту тварь прямо сейчас...

В принципе, какой-то определенный разумный смысл в его словах был.

Сидоров очень обиделся и пошел спать.

Спасло его только то, что утром его перевели в другую палату, причем аж сразу на второй этаж, а не на первый.

Утром Абрамов, как это всегда и бывает, был тих и печален.

Как он сюда попал, он вспомнить так и не смог.

Прочитал тут в газете, как будет по-бурятски (горький пьяница) - красивое выражение из четырех слов.

Специально вырвал из газеты этот кусочек, да он потом куда-то делся.

Такие дела.

Люди в палате малоинтересные, но с разносторонними методами - например, один татарин (по виду типичный Абдул из «Смерти Ахиллеса»), бредил целый день, капельницу ему поставить не смогли, даже привязав руки к кровати, он дотянулся и зубами перекусил капельницу, и тогда его связали совсем уж жестко и наконец-то воткнули иглу в вену.

Что поразительно, во время обеда и непрекращающегося бреда, он вдруг проснулся и тоже потребовал обед.

Его освободили и поставили обед на тумбочку, и он прекрасно все съел и снова уснул.

Рассказывал он (как и многие) про взвездные формы жизни.

Я нечто вроде средневекового художника на окраине Нижнего Тагила, рисующего на солнечной улице 3-го интернационала - солнечное затмение.

Я точно так же выделяюсь на этих детских качелях, напротив входа в церковь - фигурка в джинсовой коричневой куртке со склоненной головой к тетрадке и что-то лихорадочно записывающая.

Только изредка я переменяю колено, когда затекает нога, иногда достаю из внутреннего кармана куртки морковь, которую мне сегодня принесла добрая Аля и откусываю от нее.

Прохожие смотрят на меня с тревогой и удивлением.
Доброта к пьяным куда сильнее, нежели неприятие - непонятного.

В первой палате я почти не спал.

Чуть ли не каждую ночь привозили новых, а эта бодяга часа на полтора - в палате горит свет, добрые соседи по палате прекрасно спят, новенький кричит или стонет и, зевая, пользуясь случаем, раз дверь открыта, выходишь в туалет - курить.

Сигареты есть только у меня, а так как в палате восемь человек, из которых курят 5-6, около одного человека не курит (в нашем случае - человек, которому инопланетяне пытались вживить датчики наблюдения) и один-два человека, которые просто не могут встать с кровати, хотя курить они конечно тоже хотят.

Сигареты для первой палаты хранятся в особой коробке, в особом шкафчике, в особой каморке, о чем непосвященные никогда не догадаются.

Если у обитателей первой палаты есть свои сигареты, то на пачках пишут фамилии владельцев и нянечка, следящая за порядком в городе, выдает их исключительно владельцам.

Все неподписанные пачки сигарет считаются общими.

Их иногда передают нянечке для первой палаты обитатели других, нормальных палат, особенно те, кто когда-то в этой самой палате лежал.

Правда, сигареты самые дешевые, а ведь в палатах лежат иногда очень богатые люди, которые курят сигареты рублей по сто.

Но именно эти люди никогда никому не помогают.

Зажигалка в коробке только одна и, выйдя из туалета, ее надо обязательно вернуть нянечке.

Это чтобы не курили в палате, так как сигареты можно стрельнуть в туалете, спрятать на теле и так далее.

Впрочем, все равно приходится это делать - доставать зажигалку, прятать сигареты, потому что когда выключают свет, никто не может уснуть, кроме тех, кто спит с самого утра.

Сигареты прячут в ножках кроватей, зажигалки - в батарее.

Открываешь осторожно окно, так как от дверей первой палаты до поста медицинских сестер ровно 69 сантиметров и максимум прижавшись лицом к решетке, быстро и нервно куришь.

В последнюю ночь, перед тем как меня перевели, я курил дважды, еще, что довольно забавно, сестра заставила нас вечером переставлять кровати, так как поступил тяжелый, и нужно было пространство для капельницы.

Причем две кровати были те самые, в ножках которых мы с Малининым прятали на ночь пять сигарет.

Даже мое искусное перо не сможет описать те мучения, которые испытали мы с Малининым, передвигая эти кровати.

Ночью всем, почему-то кроме меня, сделали укол и все отрубились, а я - голова-то все-таки не в порядке - просто забыл из-за этих перестановок в какие ножки каких кроватей мы спрятали сигареты и, подняв чуть ли не все кровати с людьми килограммов по девятью, наконец-то нашел сигареты.

В прошлый раз зажигалку прятал старый партизан Сидоров, а у меня уже не было сил и я просто положил ее под подушку и конечно утром ее нашли и конечно был скандал - я так и знала, Курашев, что это ты куришь, сейчас будет смена и я все ей передам и так далее...

Я - в обычной своей роли униженного и оскорбленного - ну не надо, пожалуйста, ну пожалуйста, пожалуйста...

В палате я за главного, я решаю все вопросы с едой (в смысле с добавкой - жрать хочется ужасно, а теми порциями, которыми здесь кормят, наесться невозможно и приходится унижаться, относя поднос с тарелками на кухню - Валентина Васильевна (так зовут раздатчицу), ну пожалуйста, если останется, дайте добавки и хлеба и чаю...

Она - (добрая) - ну если останется, я принесу...

Почти всегда остается, потому что богатые в столовую не ходят.

Но, иногда, бывает, что и не остается.

И мы сидим в своей палате за столом, в ожидании того, принесут нам добавку или нет, а пациенты из других палат, подходя к посту медицинских сестер, смотрят на нас сквозь стекло двери, как на отвратительных и опасных зверей.

13.08.09. (утро, четверг)

Сегодня наконец-то спал нормально (проснулся правда в семь), соседи жалуются, что я храплю и это довольно неприятно,

раньше жена утверждала, что я храплю только пьяным и разговариваю во сне на незнакомых языках.

Стал принимать контрастный душ утром, потом дыхательная гимнастика, потом несколько физических упражнений, потом - зеленый чай, вот уж скоро и завтрак. Аля вчера принесла суп, надо попросить раздатчицу его разогреть, правда, у меня нет специальной пластиковой посуды, ну да может быть у нее есть.

Сейчас будет обход, надо будет пожаловаться врачу на спину и глаза, болят они у меня ужасно.

Спина-то еще ничего, но вот глаза - прочтешь страницу и начинают болеть, даже сейчас, когда пишу, время от времени закрываю глаза и пишу вслепую.

В принципе их можно понять.

Хороших людей в палате нет, это как бы такие изначально плохие хорошие люди, которые стали в итоге плохими.

Живем мы очень мирно, ни одного скандала, потому что мы все-таки - братаны...

Есть только один мальчик, совсем уж несчастный, его спрашивала врач, в принципе она опрашивала всех, кроме меня, так как я стараюсь совершенно не доставлять никаких проблем, и видимо производжу впечатление самого нормального человека в палате.

Всем задают обычные вопросы - какой сегодня год, где мы живем, в какой стране и так далее.

Все напряженно пытаются запомнить правильные ответы других.

Мальчик (его фамилия Эшпаев) ответить смог только на очень немногие вопросы - год он вспомнил, месяц август он назвал - девятым месяцем, день не смог вспомнить, на вопрос где мы находимся он ответил - в очень плохом месте, сколько ты пил - он ответил месяц (это я его научил, когда его привезли - он сказал три дня и ему конечно не поверили, еще он сказал, что ему нужен хирург... чтобы ноги тебе отрезать? - поинтересовалась добрая медсестра, - у нас здесь хирургов нет... и я сказал ему - скажи, что ты просто алкоголик...)

К сожалению, пока его опрашивали, меня вызвали на укол и я многое пропустил.

Задержал 22-летнего мальчика Эшпаева наряд милиции, когда он босой бродил по дому Офицеров (тому самому, где на стенах изображение Медузы Горгоны символизирует эмблему железнодорожных войск) и стучал во все кабинеты, пытаясь попасть в свою квартиру.

Сам он из Красноуфимска (я связно передаю вопросы врача и бессвязный шепот Эшпаева), еще у него есть сестра Катя, которая старше его ровно на три минуты, кесарева сечения не было, родились они вполне нормально, родители, как это водится у пациентов первой палаты, были сильно пьющими и их лишили родительских прав, когда ему было семь лет, их с Катей забрала с собой тетка из Саратова, где они и жили, потом они вместе с Катей поступили в какое-то училище, где он учился на сапожника, а она - на швею.

Ах да, забыл, в школе они учились плохо, оставались на второй год, просто, как сказал Эшпаев, у меня плохая память, я все время все забываю...

Потом все-таки пришел какой-то врач и перебинтовал ему ноги.

У меня тоже стали проблемы с памятью, причем довольно серьезные, я часто не могу вспомнить какое-нибудь слово, а имена вообще почти перестал замечать.

Вот сегодня утром спрашивал у соседа по палате (имя, которого я, кстати, тоже не помню), как зовут моего лечащего врача, который был моим лечащим врачом и в прошлый раз, он ответил - Олег Сергеевич...

Вот сейчас это я еще помню, а завтра утром, вполне вероятно - уже забуду...

Училище они, в общем, закончили, Эшпаев стал сапожником, а Катя - швеей, он устроился в какое-то армейское училище, но через три месяца уволился, так как получал он там 850 рублей (разве можно на эти деньги жить? - задал вполне резонный вопрос Эшпаев) и с тех пор уже не работал.

Врач спросила про жену и детей, неожиданно выяснилось, что у Эшпаева есть ребенок, и даже не просто ребенок, а - девочка, чему врач очень удивилась (а ты хоть знаешь как дети делаются?), типа в этом училище он познакомился с одной девушкой,

которая тоже училась на швею и которую тоже звали - Екатериной, потом они с Катей уехали в Екатеринбург (далее я восстанавливаю с недостоверных слов обитателей первой палаты, так как именно в этот момент меня вызвали на укол, а когда я вернулся - врача уже не было.)

Эшпаев лежал и смотрел в пустоту.

В общем Катя видимо вышла замуж и уехала в Екатеринбург, забрав с собою брата.

Потом кто-то случайно или ездил в Саратов или приехал из оного, и сказал, что типа Катка сказала, что у него дочка родилась.

Такие дела.

А на что же ты пьешь? - спросила врач.

Так моя сестра Катя родила второго, - ответил Эшпаев.

Мы все, чей средний интеллект, даже включая мой, равен тридцати двум, не поняли.

Но врач поняла сразу - ах так она за второго ребенка деньги получила...

По истории болезни - у него оказывается даже есть история болезни, может и у меня есть? - последний запой у Эшпаева длился 11 месяцев.

Эшпаев проспал примерно полтора дня, а потом в пустоту просил покурить, мы ему объясняли, что в палате курить нельзя.

Наконец, он всех достал и мы стали стучать в дверь, типа Эшпаеву надо в туалет.

Сам идти он не мог, и мне пришлось вместе с еще одним братаном тащить его на себе.

Там мы покурили.

Доведешь его ладно, сказал я братану и пошел обратно в палату.

Ну как он там? - спросила меня добрая нянечка.

Да пошел он нахуй, - с неожиданной злобой ответил я, - тот его доведет обратно...

Я и так пытаюсь вырабатывать в себе светлый взгляд на вещи - вот типа сижу на качелях, у меня есть сигареты и морковь, которую принесла Аля (я и вчера брал ее с собой), в церкви звучит пластинка с литургией, батюшка тем временем у входа в церковь

перетирает какие-то свои базары по беспроводному телефону, сейчас подошел один из братанов, которого тоже перевели из первой палаты (один из самых неприятных - тихий зек лет сорока, весь в наколках) - о, ты тоже здесь, че верующий, что ли?

Да нет, - ответил я, - так просто здесь сижу, здесь спокойно.

У тебя есть три рубля на свечку?

Нет.

Подвинься что ли, - сказал он, и мы стали вдвоем качаться на качелях.

Че пишешь? - поинтересовался он. (Это самый распространенный вопрос, который меня просто уже задолбал, как будто человек не имеет права что-то писать в тетради, каждый, вплоть до последнего подонка интересуется, что я там пишу в тетради... Письмо, - отвечаю я, - пишу - девушке, доберусь до интернета - отправлю...) Вон мужики идут, спрошу у них.

Потом он вернулся, - дали денег, поставил свечку за упокой родителей.

Будешь морковь? - предложил я.

Давай, - безрадостно согласился он.

Ладно, пошли покурим за ворота.

А где там за здоровье-то ставить? - спросил он.

Откуда я знаю? Я вообще неверующий. А ты?

Верующий, - ответил он.

А че типа верующие пить могут?

Типа нет, - сказал он.

А я, братан, - сказал я, - типа о хорошем пытаюсь думать, вот солнце - хорошо, деревья - хорошо, живой - хорошо, ну и так далее.

Пошли на фонтанчик, что ли, посмотрим, неожиданно сказал он.

Ну пошли, - ответил я (хоть фонтанчик и в 30 метрах от качелей, я туда еще ни разу не подходил).

Мы дошли до фонтана.

Видишь, какая красота, братан, - грустно сказал я, - типа люди, видишь, красоту делают, а мы только мерзость делаем...

К тебе приходит кто-нибудь?

Да нет, сестра в Магнитогорске, а баба на Уралмаше живет - нахуй, говорит я в такую даль попрусь, она сама здорово бухает,

я раньше так не бухал до нее, она типа старше меня, но выглядит еще ничего...

Помогают тебе во второй палате?

Да ниче, помогают, Саша (изумительный человек) чифир дает, у меня ж денег вообще нет с собой, как домой поеду, хрен знает...

Ладно, пошли, - сказал я, - скоро ужин...

У него цирроз печени и он очень скоро умрет.

Вышел после ужина покурить на улицу и опять один из местных уродов (который меня особенно раздражает) - так ты так и не рассказал пацанам че ты там пишешь (в это время Саня огибает угол здания чтобы через окно передать в первую палату чифир).

Мной овладел обычный приступ безумной злобы, но я вспомнил, что благородный муж не должен впадать в гнев и спокойно ответил - да ничего не пишу...

Мемуары что ли?

Да я даже слова такого не знаю. Че ты все время лезешь ко мне?

Нет, ну скажи, ты вот в какой палате?

Какая разница? Я ж тебя не спрашиваю, в какой ты палате.

Так ты спроси.

Да мне все равно, - сказал я, - бросил окуроч в урну и пошел к себе на второй этаж.

14.08.09. (утро, пятница)

В туалете первого этажа видел Эшпаева, он сидел один.

А где братаны? - спросил я.

Уже покурили, - ответил он.

Видишь, - сказал он мне с гордостью, - я уже сам могу ходить...

В понедельник вечером, неожиданно, во время ужина, меня перевели во вторую палату, мы как раз ели выпрошенную мной добавку картошки.

Помню, кто-то из поступивших тяжелых очнулся во время подобного ужина и спросил что там на ужин.

Картошка, - ответил кто-то из нас.

С чем? - спросил он, и мы все засмеялись.

Это просто картошка, даже не пюре.

Во второй палате были одни нарки и один очень старый зек, я пару раз с ними чифирил, но потом надоело.

Какими только таблетками они не закидываются, чего только не делают, шум в палате - туда набивается человек двенадцать - стоит до самого рассвета.

Особенно Саня - человек, который никогда не спит и все время кому-то что-то прогоняет, рассказывая бесконечные истории, выглядит он на удивление хорошо, хотя чего только не делает с собой.

Впрочем, словами это не описать, это надо видеть.

Человек он в сущности добрый, войдя в столовую, всем жекает приятного аппетита и уже несколько раз, я, с его помощью, передавал в первую палату чифир.

Он законченный наркоман, большие проблемы с памятью, раз десять спрашивал меня, как меня зовут.

Помню, когда я курил на улице, рядом с Олей - это такая нимфетка-наркоманка, к которой все испытывают тайно-явное влечение и которую родители хотят закрыть здесь на несколько месяцев, так она их всех достала - и она вдруг сказала - блядь, я уже целый час сижу и думаю, почему сигарета не горит...

Она просто забыла ее зажечь...

В общем, пошел я к старшей сестре (очень милая, такая стильная девушка, в смысле - женщина) и попросил если есть места наверху, то отправить меня наверх.

Она жалилась, и я оказался в восьмой палате.

Все соседи тут оказались спокойные, интеллектуалов здесь нет, интеллигентный человек один - Рудольф, но днем он всегда молчит, а ночью читает «Вечерний Екатеринбург» и тому подобный ужас.

Еще был один нарк, который постоянно зависал у нас во второй палате, но его выписали в тот же день.

На его тумбочке лежала книга «Буддизм. Энциклопедия», как он мне объяснил - он хотел узнать, что такое нирвана.

Все молодые нарки, лежащие здесь - одинаковы, это дети богатых родителей, которые готовы сделать все что угодно, лишь

бы чадо родное не плакало, лишь бы дитяtko родное - насытилось...

Пример разговора нарка по телефону - мамочка, привези завтра голубцы и фаршированный перец, сделаешь ладно? мне что-то пицци домашней захотелось, ладно, мамочка?

Все они говорят на своем специфическом языке, половину слов в котором - увы, мне - хронолингвисту - я не понимаю...

А все вокруг, похоже, прекрасно понимают.

Похоже, я живу не в той стране или не в том году.

Только, что подошли двое из первой палаты, которых тоже перевели из первой палаты - татарин и тот, о котором я писал вчера - привет, привет.

Татарин - че в таком виде-то пустят? (он до сих пор в униформе первой палаты).

Я - конечно, богу один хрен.

Больше из первой палаты так никого и не выпустили, и они там становятся все злее.

Первой палате я помогаю, как могу. Тем, кто там не лежал, не понять насколько там все плохо.

Впрочем, есть такой Фарид, крепкий мужик лет пятидесяти, он лежал со мной в первой палате, когда никого из братьев еще не было.

Сейчас он тоже на втором этаже, он очень богатый, собственный коттедж, навалом продуктов, они лежат в холодильнике нашей палаты.

Я подходил к нему - Фарид, помоги братьям.

Их же там кормят.

Ты же сам там лежал, неужели не понимаешь...

Лучше не напоминай.

Причем он всегда ходит в столовую и всегда забирает хлеб с собой.

Это такая сволочь, для описания которой нужно перо искуснее моего.

Дважды я покупал им сигареты, один раз сделал обход всех палат - типа помочь надо людям сигаретами - некоторые давали.

Купил им новые карты - тем картам, что в палате, наверное, лет пятьдесят и на них биллион бактерий, да и мастей почти не видно.

И даже передавал им продукты, когда Аля принесла мне передачу - плавленый сыр, печенье, жевательную резинку, конфеты, огурцы и еще потихоньку отрезал от продуктов соседей, когда их не было в палате, по сто граммов сыра и колбасы.

Мои соседи люди, что называется - любящие пожрать, и весь холодильник забит их продуктами.

(день)

Итак, как я уже писал, соседи - люди тихие, лежат они здесь уже давно, скоро выйдут и им уже абсолютно все равно, им хочется только поскорее выйти отсюда.

И если б к ним подселили человека с двумя головами, то их бы это не особенно взволновало.

Они вяло поинтересовались, что я там пишу, и тут же забыли об этом.

Рассказали, что до меня, на моей кровати лежал человек, который тоже все время что-то писал.

Он чертил какие-то формулы и диаграммы, пытаюсь изобрести вечный двигатель.

Как они рассказали - иногда у него получалось, и он засыпал счастливым.

Но очнувшись утром, он опять находил какую-то очередную ошибку в своих расчетах и снова весь день чертил формулы быстрой и нервной рукой.

Жалко, что я его не застал. Очень жалко.

Вернувшись сегодня с процедур, присел рядом с Олей, которая как всегда сидела на корточках, чуть поодаль от крыльца, рядом с цветами и курила.

Я присел рядом, - как настроение?

Да так, вот думаю лежать дальше или выписываться.

А родители что?

Да они вообще хотят месяца на два-три, боятся, что сорвусь снова.

Че так и не ешь?

Нет, да я всегда так, только кофе и шоколад и все.

Ну вот вектор хронологий, воспоминаний, реминисценций и лайва сошлись в одно, чего я подсознательно боялся.

Полпервого дня, я сижу за столом, дед спит, один читает газету, другого нет на месте - уехал домой на выходные.

Теперь нужно параллельно вести дневник и пытаться обдумывать продолжении романа.

Никаких идей по поводу продолжения романа у меня нет.

Пойду курить на улицу.

Приезжала жена, был долгий и тяжелый разговор с врачом, он - вполне резонно - считает, что все проблемы у меня в голове и меня должны лечить психиатры.

Беда в том, что я совершенно не верю в психиатрию.

Сейчас нужно переключиться на роман, единственное, что я пока придумал - это сделать линии Зигфрида и Анны, а также линию «Классификация любовь Д», которую нужно будет дописать.

Эта дата - последний срок сдачи романа - 26 сентября (день рождения Марины) висит надо мной как дамоклов меч.

Нужно писать примерно 6 страниц в день, это реально, если бы я знал, о чем писать.

После 6 главы передо мной стоит каменная стена.

Мне банально не хватает знаний о Берлине 41 года, что и как там было, что предпочитали в пивных, сколько стоил хлеб и так далее.

Я могу писать о безвоздушном пространстве страниц 40, но писать об этом большой роман довольно проблематично.

Впрочем, это не так важно, дело ведь не в улицах, написал же я «Довольно короткий отдых в Марселе».

Это типа должна быть - любовно-детективная история, причем Анна - это ангельское создание должна стать отрицательным персонажем, который просто развлекается.

А та, которую он должен был бы любить, будет описана в «Классификации».

И в эту игру должен вмешаться еще кто-то третий, может быть Эрика?

15.08.09. (утро, суббота)

8 утра, идет дождь, тусклый и серый как сны Чарльза Огастеса Милвертона.

В такие дни у персонала психиатрических больниц, вероятно, прибавляется проблем с пациентами.

Да и на здешних обитателей дождь тоже действует угнетающе.

Дед читает газету.

Другой сосед, с которым мы уже притерлись друг к другу, раскладывает свой бесконечный пасьянс.

Он называл мне свое имя, но я не могу его вспомнить - память на имена все ухудшается.

Проснувшись, пошел курить в туалет, там двое - Олечка с сигаретой и стаканом чая в руке, и тихий грустный работяга из соседней палаты, который когда-то в ванной комнате, где мы умываемся, предложил мне свою пену для бритья, видя, что я перед бритьем намыливаюсь обычным больничным мылом.

Я (следуя заветам Лао Шэ) - доброе утро...

Тихий алкоголик - доброе утро.

Олечка (задумчиво) - кому то доброе, а кому не очень...

Святой Пантелеймон (у церкви которого, я и пишу сидя на качелях) был довольно занятным человеком.

Его казнили в 4 веке совсем молодым.

Когда он всех достал своими проповедями, обличениями и нравоучениями (типа любите друг друга, не обижайте друг друга) его решили казнить.

Что с ним только не делали - сжигали, топили в реке и так далее, даже хищные звери, которые должны были его - по плану - разорвать, лизали ему ноги, а Пантелеймон все это время продолжал обличать какого-то римского наместника.

Почувствовав, что пора уже что-то решать, его привели в оливковую рощу (вполне современно) и попытались отрубить ему голову мечом, но меч сделался мягким и ничего не произошло, тогда наконец, римляне поняли, что перед ними святой и пали на колени, обливаясь слезами и умоляя простить их.

Однако Пантелеймон на этом не успокоился.

Он сказал, что их ждет наказание за невыполнение приказа, и он готов принять смерть.

Раньше-то спрашивается, в чем проблема была?

Меч снова стал твердым и солдат со слезами на глазах отрубил ему голову.

Из шеи потекла не кровь, а молоко, а масличное дерево, под которым происходила казнь, тут же покрылось спелыми плодами...

С фантазией у автора жития были, конечно, проблемы.

Если б я писал житие, я бы там такого наворотил, что вся планета была бы заставлена храмами в честь Пантелеймона.

К Рудольфу приехала жена, милая такая старушка, которая очень о нем заботится, если я доживу до возраста Рудольфа, то мы с женой будем выглядеть также, но это вряд ли.

Он всегда собирает по всей столовой оставшийся хлеб и потом передает его жене в огромных пакетах.

Что она с этим хлебом делает - неизвестно.

Приезжает она почти каждый день.

Вчера видел жену и мать Сани - мать вроде нормально выглядит, а жена выглядит еще хуже Сани - алкоголизм в последней стадии и выглядит она лет на пятьдесят, хотя ей всего 24 года.

Такие дела.

16.08.09. (день, воскресенье)

Спал без сновидений, во всяком случае, их не запомнил.

Уснул часа в два ночи, под бесшумный свет лампочки деда, упорно читающего, на этот раз, почему-то - «Russian Newsweek»...

Проснулся ровно в восемь, выполнил весь обычный утренний туалет.

Все еще спали.

Потом утром смотрел по телевизионному приемнику, интересный и образовательный сюжет, о том как вчера задержали распространителя героина, который делал закладки (то есть оставлял товар в определенных тайниках, известных покупателям) на Сибирском тракте, в районе остановки «Психбольница».

А ведь это наша остановка...

Звучит немного странно, когда меня перевели во вторую палату и мне вернули телефон, Малинин попросил позвонить его деду и как запасной вариант - дяде.

Его увели обратно в первую палату, а я стал звонить деду, который страдал - скажем так - проблемой со слухом.

Только раз на третий мне все удалось объяснить деду, и дед сказал - так он уже пять лет в тюрьме отсидел (Малинину 23 года), эта тварь бухает все время, так что пошел он нахуй.

И перед тем как дед Малинина в последний раз прокричал в трубку - пошел он нахуй! я успел крикнуть - позвоните дяде, пусть он мне перезвонит.

Дядя вскоре позвонил и оказался более трезвомыслящим человеком, выслушав меня, он сказал - а я-то чем этому уроду сейчас смогу помочь? я сейчас за тысячу километров от сибирского тракта нахожусь...(дядя находился где-то на арктическом побережье, отчетливо слышались крики чаек и взволнованные голоса матросов).

Позвоните второму дяде, - закричал я, пытаюсь заглушить чаек, - пусть он приедет.

Второй дядя находился, по словам Малинина, где-то совсем рядом, типа в Нижнем Тагиле, но его номер Малинин не помнил.

В это время жутко ударил судовой колокол, все звуки слились в одно и телефон дяди отключился.

Больше мне никто из многочисленных родственников Малинина не звонил, но видимо все-таки сигнал «mayday» дошел до кого-то из них.

Сегодня что-то уж совсем многолюдно у церкви (в церкви надо полагать еще больше), все качели и почти все скамейки заняты, повсюду бегают эти мерзкие дети и кричат.

Среди прихожанок изредка попадаются симпатичные.

Сегодня какое-то причастие, какое именно, я не знаю.

Сегодня у меня в куртке яблоко, из числа тех, что принес вчера Тимофей.

Вечером мы сидели на скамейке центральной аллеи психбольницы, к нам подошла старушка, что называется, божий одуванчик.

Возьмите, ребята, яблочков...

У нее был полный пакет маленьких таких, грустных, деревенских яблок.

Да нет, спасибо...

А их моему не передают, а ему еды не хватает, иногда берут, иногда нет, я вчера пирожки с яйцом и луком приносила и жареную картошку, он ее очень любит, так разрешили передать, а раньше не давали, искала-искала этот корпус (где лежат психи), еле нашла, моему-то тут еще три месяца лежать, врачи говорят, (лицо у нее было в добрых старческих морщинах - первый признак умирания у таких старушек, которые всегда переживают своих мужей) да возьмите ребята яблочков, они хорошие, потом съедите, погода-то какая хорошая, ласковая, ни ветерка и солнышко такое нежаркое, а вы из какого отделения?

Из третьего, - ответил я.

Наркоманы?

Наркоманы, - ответил я.

Ну, лечитесь, бедные, - сказала она, - дай бог вам здоровья...

Сходил с соседом на «Поющий родник» (7 минут ходьбы), принесли 10 литров воды на двоих.

И даже после такого небольшого усилия, я был совершенно измотан - обливался потом, болело сердце, и чувствовал себя как пьяный, а я-то ощущал себя в последнее время здоровым человеком.

И я только сейчас понял, что здоровье мое подорвано окончательно, что я болен неизлечимо, что былая сила ушла и уже никогда не вернется.

Завтра надо ехать к участковому и завтра меня, возможно, переведут в психиатрическое отделение.

Ни то, ни другое не сулит мне ничего хорошего.

Уже восемь дней как я здесь, но так и не написал ни одной строчки и - скорее всего - и не напишу.

Поговорил с церковным охранником - малоинтеллектуальный старичок - тоже когда-то лежал в третьем отделении.

Получает 600 рублей за смену - делать ничего не надо, не смотря на то, что храм находится на территории психбольницы, никаких инцидентов на его памяти не было.

Может мне тоже устроиться в какой-нибудь храм в городе?

Проблемы только с неверием и курением, да и в армии я не служил.

Но я еще не умер.

Никто не знает, что я гений.

Никто. Ни один человек.

Они занимаются одним видом искусства, а я совершенно другим, хотя названия у них одинаковые.

Так прошла моя жизнь.

17.08.09. (утро, понедельник)

Пишу уже в самом храме, служительница меня не трогает, в храме во время утренней службы ни одного человека, только я один.

По поводу романа мыслей по прежнему нет, разве что если 7 глава начнется с линии Анны, то может синхронизировать ее с линией Зигфрида, то есть начать с того же дня, откуда начинается Зигфрид, типа Эрика в шутку рассказывает ей про этот безумный отдел и не совсем официальные отчеты Зигфрида, и ей становится любопытно и она приходит туда, чтобы поиздеваться над ним, а он в нее - влюбляется.

И она в конце должна разрушить всю его жизнь.

Финал должен быть мощным сокрушительным по своей силе финалом «Классификации любви Д».

Нужно сделать что-то уж совсем запредельное по своей трогательности и тоске.

Еще нужно третью или четвертую линию (включая «Классификацию») в романе - Эрики или Герхарда.

(день)

Завтра утром пойду к психиатру и буду разговаривать о возможности психиатрического лечения.

В церкви, во время вечерней службы, аж целых два прихожанина, но и те уже ушли.

На улице сильнейший ливень.

Поставить что ли свечку - вот только за что?

А если бы меня не было в церкви, и она была бы совершенно пуста?

Как, наверное, красива и бессмысленна вечерняя служба в пустом храме.

18.08.09. (утро, вторник)

Заснул нормально, только все время просыпался, в три часа ночи выходил курить, сейчас полседьмого утра, снилось, будто бы меня отпустили домой на пару дней и я пью с Джаном и нам хорошо и весело, потом Джан засыпает, а мне не хватило водки, чтобы заснуть и я ищу водку, думаю - должна же была остаться, но в холодильнике только минеральная вода и уксус, потом Джан исчезает.

Следующее утро, в этот день должны приехать мать, и Карлик, где-то в шесть вечера, должна ее встретить.

Утром, я, неожиданно нахожу в холодильнике бутылку водки, причем там нормально еще так осталось, граммов 350, потом приходят Тимофей и Жаба.

Структура квартиры совершенно иная и структура улиц совершенно иная, он дарит мне 100 рублей, а я словно забыв и о водке в холодильнике и о ста рублях, иду искать деньги у него в куртке в прихожей куда ведет длинный коридор, денег в куртке (у него такой надежный тяжелый куртофан) тоже сто рублей, в коридор выходит Жаба, как всегда со своим дурацким смешком - че ищешь?

Я, - деньги.

Она открывает какой-то ящик в прихожей, там один доллар и несколько сотен евро, блин, думаю, где же я их сейчас поменяю, я вспоминаю вдруг о восьми пустых бутылках, спрятанных где-то под мостом, недалеко, каждая бутылка - 10 рублей, вполне хватит и иду за ними, почему-то голый, беру четыре и иду обратно, уже почему-то в плашках, из-под моста нужно подниматься по длинной лестнице, навстречу мне скейтбордисты и роллеры, приношу домой эти четыре бутылки, уже полночь, звонит Карлик, типа мать встретила, если хочешь получить деньги, завтра приходи ко мне домой.

Рядом с компьютером стоит коробка, и я вдруг замечаю, что на ней заводским шрифтом напечатан адрес - Московская и дальше там что-то, вплоть до домофона.

Странно, думаю я, мать приехала, но что-то не спешит ко мне домой, да и Карлик чего-то, все это время я пытаюсь вспомнить одну песню, это такая классная женская песня, но когда я настраиваю свой мозг на воспоминание, мне почему-то лезет в голову - «то взлетая прямо в небо», а ладно думаю, хрен с ним, 100 рублей есть, пойду-ка я за водкой, а завтра вернусь в больницу и тут, на этом месте просыпаюсь.

Ночью было что-то жуткое, бухало полбольницы, выгнали четырех человек, в том числе Абрамова и Малинина, видел их сейчас на скамейке у входа, сидят похмеляются пивом, прежде чем идти на остановку предлагали и мне.

Сколько же здесь людей, с неудачной кармой, в сущности почти все.

И есть люди, на которых уже поставлен крест, типа Абрамова и Малинина, их пути просты - тюрьма и смерть.

Я никогда не пытался понять своих героев - вот в чем проблема.

Я всегда шел с другого конца - я их просто создавал и они были довольно живые.

Понять их психологию никогда не пытался.

В Зигфриде я нарочно соединил две крайности - нацизм (а Зигфрид, непременно должен быть нацистом, чтобы усилить впечатление разлада) и его романтизм, неудовлетворенность, недовольство, в том числе и самим собой, благородство, интеллигентность и так далее.

И вот я все это вложил в него, а он бедный мучается.

Понятно, что ничем хорошим для него это не закончится.

Сейчас я в первый раз решил пойти от персонажа и разобратся в психологии Анны Гьелаанд.

Раз я решил, что она будет жестокосердна, пусть будет такой, но - почему?

Мать на хорошей должности, они вполне обеспеченны, загородный домик и так далее, никаких проблем, война идет где-то совсем далеко и кажется нереальной, только строчки в газетах, да радиоголоса.

Понятно, что отца у Анны нет, и мать ее избаловала.

Анна так же умна как Зигфрид, но если у него в душе постоянно происходит конфликт - между сердцем и разумом, между сном и явью, и он пытается найти хоть какой-то компромисс между добром и злом, еще не понимая, что этот компромисс - невозможен, то Анна и не пытается бороться со злом в своем сердце с самого младенчества, она не имеет души и просто развлекается, ей все скучно - и сверстники и политика партии, она слишком умна для всего этого.

Может начать писать хотя бы чистый текст с пропусками - типа я купила хлеб за и пробел, и если чистый текст пойдет, то можно будет потом все пробелы - заполнить.

Это же не историческая книга в конце концов.

Сегодня в церкви людей побольше - целых пять человек. Священник все время кашляет, читая текст. Хоть вживую, а не пластинка как обычно.

(вечер)

Днем что-то задремал. Вечером на скамейке философский диспут по поводу кодировки.

Один очень толстый пациент, объясняет, что вся кодировка суть плацебо и держится исключительно самовнушением.

Другой - собравшийся кодироваться аж на пять лет, вникает этому с явной тоской.

Коробейников его очень остроумно называет Солнышко из-за его синей футболки, на которой ярко-желтым пламенеет солнце.

Все девять дней, что я здесь лежу, он ходит только в этой футболке.

Если б вдруг ему пришло бы в голову помыться и переменить футболку, то вряд ли бы его кто-то узнал.

19.08.09. (утро, среда)

До чего все-таки непунктуальны люди, я даже не доел завтрак, чтобы успеть к половине десятого в 14 отделение, и вот уже 10.25, а я все сижу и жду, когда меня вызовет Ауэрбах.

(день)

Очень жаркий день, соседи - Вячеслав и Коробейников спят полезным дневным сном, новенький в нашей палате - жирно-богатый человек - сидит на скамейке у входа в отделение и перетирает базары с такими же клоунами как он.

Он заставил уже окончательно продуктами весь холодильник свою тумбочку и обеденный стол (Коробейников в шутку сказал ему, что у нас здесь нечто вроде круглого стола).

Нашего бедного холодильника определенно уже хватит, чтобы пережить наступающую ядерную осень.

Сижу на качелях, сегодня яблочный спас и у меня в кармане тоже яблоко, но честно говоря совершенно случайно, просто ничего больше не осталось - печенье и вот это яблоко.

Беззастенчиво питаюсь колбасой и сыром соседей.

Коробейников вчера принес два пирожка, ему на аллее дала их какая-то юродивая старушка, типа для больных и он, из соображений лояльности, их взял.

Никто их есть не решился, только я - как единственный мужественный человек в палате.

Из дверей церкви несет елеем или кадилом, или как там это еще называется.

Дождался, наконец, Ауэрбах, поговорили ни о чем, она предложила альтернативы - либо лечь к ним и купить лекарства, либо лечиться амбулаторно и тоже покупать лекарства.

И на то и на другое нужно много денег.

Я решил долежать здесь до субботы, так как Ауэрбах еще нужно заключение психолога, а психолога сегодня нет и будет ли завтра - тоже неизвестно.

Подождал церковный охранник (другой, не тот, что был выше, а старый из «21 дня») - в майке нельзя сидеть на территории больницы.

Так жарко ведь...

Нет, нельзя.

С волками жить - по-волчьи выть...

Вы всегда улыбаетесь, когда вам плохо? - спросила у меня Ауэрбах.

Нет, ну что вы, - ответил я в обычной своей манере, - просто вы мне симпатичны и я хочу вам понравиться.

За те полтора часа, что я ее ждал, поговорил еще с несколькими пациентами нормального сектора, все они говорят, что лечение им не помогло и даже стало, наверное, хуже (некоторые там уже три недели).

Я, - со своей обычной простотой - передал эти слова Ауэрбах.

Она ужасно обиделась и начала сетовать на их неблагодарность.

Кого они там могут вылечить? Кого? На этом постоянно обновляющемся конвейере?

За то время, что я ждал ее, она была занята, только посетителями, но не пациентами.

Колеса, может быть, помогут, хотя хрен его знает, на меня почти совсем не действуют таблетки, такой организм, где иному хватит одной таблетки - мне нужно десять.

20.08.09. (день, четверг)

Скоро будет ужин, вчера мы с Коробейниковым в дополнение к капусте, которая ожидалась на ужин, взяли из холодильника три сосиски, (которые и поделили по братски - 1.65 сосиски - мне, и 1.35 - ему) плюс кетчуп.

Сосиски нам подогрела раздатчица и остальные в столовой, в чьих тарелках была только капуста, молча смотрели на нас - медленных гурманов.

21.08.09. (утро, пятница)

Все как обычно, проснулся в полвосьмого, ничего смешного не было. Коробейников впервые проснулся сам. Обычно я бужу его утром.

Вчера я ему сказал, как всегда, - уже без четверти девять, сейчас будет обход и потом завтрак...

Он кое-как очнулся и сказал - мне сейчас снился твой голос, как ты считаешь - четверть, половина, половина и так очень долго, а потом резко - без четверти...

Сходил к психологу, закончил все оставшиеся тесты, ничего особенно интересного, разве что вчера был тест «Ассоциативные рисунки к словам» и сегодня надо было по рисункам восстанавливать слова, я - как обычно пользовался математическими символами.

Вопросов у нее вызвал только один рисунок.

Под названием «счастье», где я изобразил пять карт одной масти.

Что это значит? - спросила она меня.

Это флеш, - ответил я.

Ах да, сказала она, как же я сразу не догадалась...

Она, оказывается, то же играет в покер, поговорили о печальной судьбе этой игры в нашей стране.

Она сказала, что когнитивные способности у меня еще не совсем разрушены и что у меня более развито правое полушарие, нежели левое, и что такие люди более подвержены воздействию алкоголя.

Довольно странное утверждение, что-то не замечал я среди пациентов 3 отделения людей с воображением, если конечно не считать воображением - белую горячку.

Ванную второго этажа закрыли навсегда после экзерсисов Коробейникова - он там замачивал джинсы в ванной и мылся в душе и типа внизу стал протекать потолок.

Теперь приходится ходить на первый этаж.

(день)

Я опять у церкви.

Значит в романе будут главы «Зигфрид», «Анна» и «Эльга», нужна ли четвертая сюжетная линия?

От лица Герхарда писать как-то не хочется, остается только от лица Эрики, а может сделать Эрику, влюбленной в Герхарда и т.д.?

Единственное, в чем я пока вижу ясность, это в «Классификации», так как эта вещь написана от лица девочки, больной шизофренией, то и мне будет легко написать еще страниц 40 «классификации».

Записка, которую Герхард найдет на столе, должна быть написанной рукой Эрики, хоть в этом есть какая-то ясность.

Значит у меня сейчас есть семь написанных глав - 6 Зигфрида и одна Элльги, но как начать 8 главу - Анной или Эрикой, и если Анной, то в какой именно день?

Все это вопросы тяжелые и пока что неразрешимые.

Надо думать.

Коробейников постепенно превращается в зомби, ему навезли кучу продуктов и он только спит, много ест и смотрит телевизор.

Вячеслав выписался, завтра уеду я и они останутся с Димом (богато-жирный человек) наедине, тогда он, видимо, сломает его окончательно.

Коробейников ничего не читает, начал толстеть и если раньше он робко говорил о пробежках, потом о прогулках, то сейчас он уже молчит об этом и только изредка выходит на улицу покурить.

Я тоже много ем (а что делать? когда не пьешь, всегда много ешь и наоборот), но все-таки меньше чем они.

22.08.09. (утро, суббота)

Проснулся и подумал - 7.32, так и оказалось.

Сделал обычные процедуры, соседи еще спят.

На первом этаже встретил нарка в оранжевой футболке, его речь была абсолютно бессвязна, уронил ложку, я ему подал ее, он снова уронил и я пошел дальше.

Этого нарка (с золотыми руками) два дня пытались заставить мои добрые соседи по палате настроить DVD (у них он никак не настраивался), но нарк либо был под капельницей, либо еще по какой-то причине был нетранспортабелен и только вчера вечером им удалось его привести в палату, он чуть не уронил телевизор, криво, не глядя воткнул несколько проводов и сразу же появилось отличное изображение.

Это что - абсент? - тускло спросил нарк, указывая на зеленую воду в бутылке Коробейникова.

Тархун, - ответил тот, с тревогой наблюдая за нарком.

Один хрен, сказал нарк, сделал несколько крупных глотков и, не закрывая. Уронил бутылку на пол и с трудом вышел из палаты.

Вчера утром, за обедом (первое - пустые щи практически одна вода), нарк - ах, какая вкусная сегодня курочка, зажаристая, просто чудо, спасибо повару.

Коробейников (радостно оборачиваясь) - ты заметил, да? Правда, заметил?

Нарк - так, а как не заметить? Тут полкурицы на тарелке лежит... Страус практически...

Коробейников - ну ты хоть кости собакам оставь, которые у входа в будке сидят...

Нарк - обязательно, всенепременно...

Съев щи и дойдя до второго (раздавленная вареная картошка) нарк как-то погрузился, но вскоре взбодрившись, сказал - вот что мне еще нравится, что картошка у них настоящая, не из каких-нибудь там пакетиков...

Итак, сегодня я выписываюсь, на первом этаже старшая сестра (милая блондинка с живым лицом, которую не портят даже ее сорок лет), глядя сквозь стекло двери первой палаты, другой сестре - посмотрите как им весело, как они смеются, как они радостно разговаривают друг с другом, как им хорошо вместе...

11-22.08.09

Содержание номера

	Вступление	4
<u>микро</u>		
	Валерия Кабис. Миниатюры	5
	Станислав Курашев. Сахарница из синей пластмассы	14
	Арлекин. Жир	18
<u>проза</u>		
	Артем Филимонов. Рассказы	21
	Вадим Климов. Как хорошо иногда чувст- вовать, что жить осталось не так долго	35
	Маргарита Кривченко. Карты	58
	Ника Дуброва. С	64
<u>мертвый текст</u>		
	Сэмюэль Беккет. Опустошитель	76
	Рихард Гюльзенбек. Доктор Биллиг дошел до точки [отрывок]	98
<u>архив</u>		
	Дада в Кельне	108
<u>polaroid</u>		
	Роберт Чалдини. Причина смерти: неуве- ренность	117
	Вадим Климов. 31	121
<u>extremum</u>		
	Алексей Лапшин. Метафизика противостоя- ния	125
<u>персонажи</u>		
	Станислав Курашев. 14 дней в поезде, кото- рый никуда не идет [с сокращениями]	136